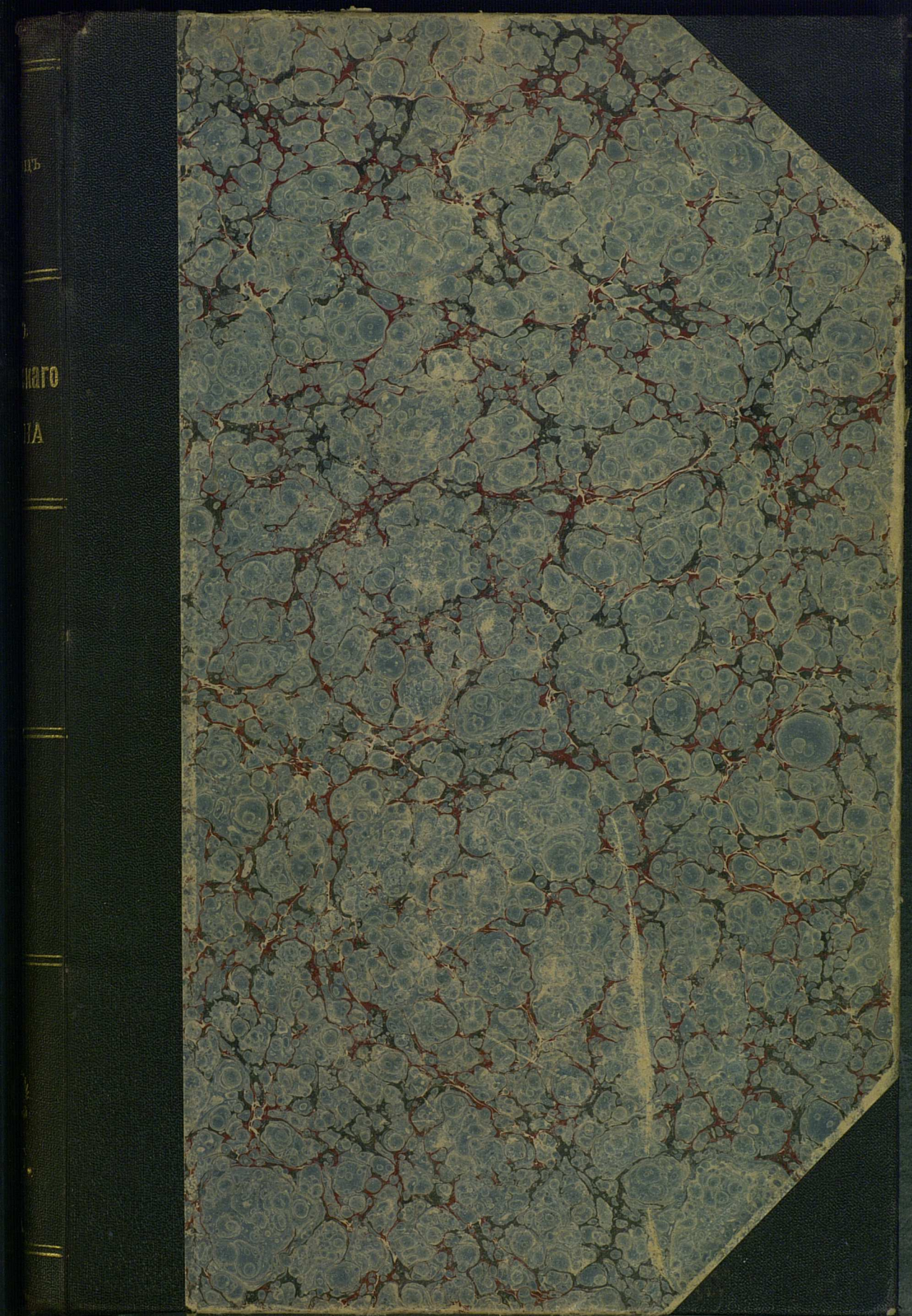
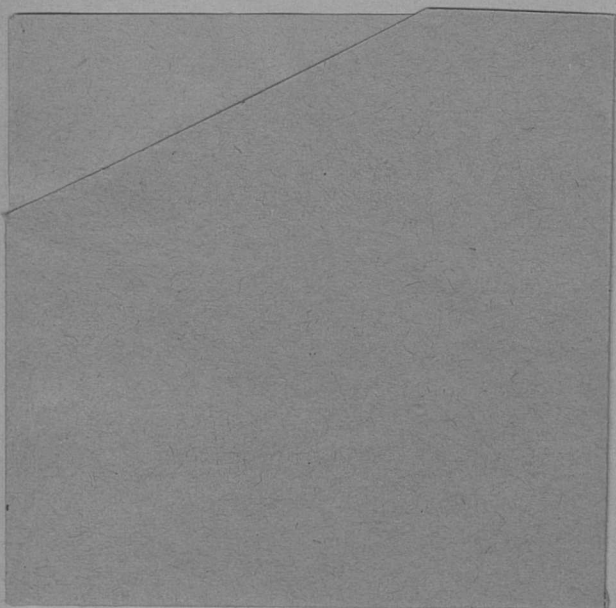
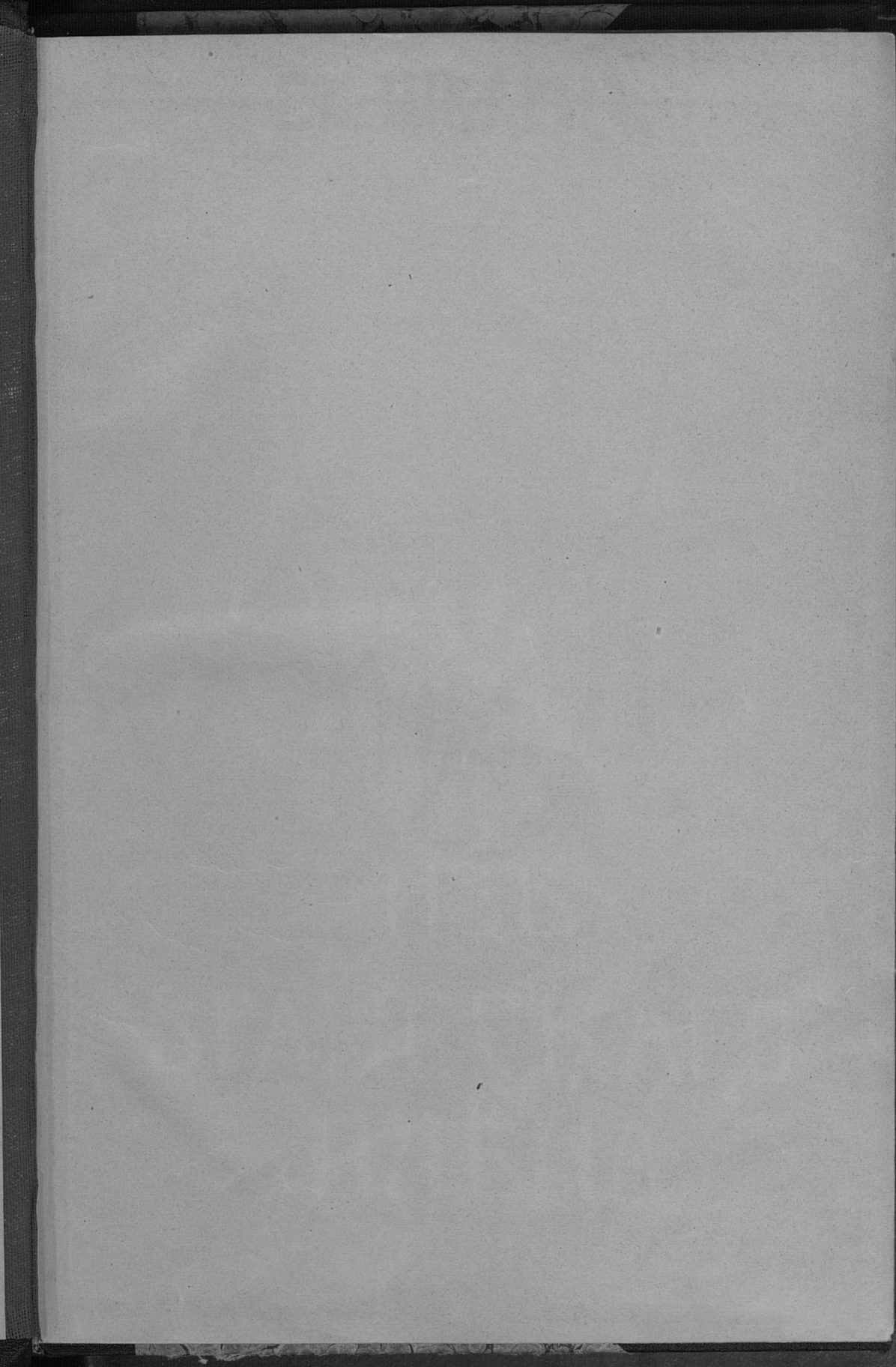

З. 37
Ш. 77
П. 4
№ 19

Проверено 1950

Г.В.ШВАРЦЪ

37 79 4. 19

ИЗЪ
ВРАЖЕСКАГО
ПЛѢНА

ОЧЕРКИ СПАСШАГОСЯ

Г. В. ШВАРЦЪ.

ИЗЪ ВРАЖЕСКАГО ПЛѢНА.

ОЧЕРКИ СПАСШАГОСЯ.

Исторія мытарствъ русскаго журналиста въ Германіи.

1915 г.

Обложка работы художника Вл. Эттель.

ПЕТРОГРАДЪ.

1915.

Складъ изданія при Книгоиздательствѣ Товарищества
„ПРОСВѢЩЕНІЕ“.

Петроградъ, Забалканскій проспектъ, с. д. № 75.

Дозволено військовою цензурою. Київ, 1915 г. лютого 20-го.

Послѣдній ключъ—холодный ключъ забвенья;
Онъ слаще всѣхъ жаръ сердца утолитъ.

Пушк ин ѣ.

Награды нѣтъ для добрыхъ дѣлъ,
Любовь и скорбь—одно и то же,
Но этой скорбью кто скорбѣлъ—
Тому всѣхъ благъ она дорожше...

Минскій.

Его Сіятельству

Барону

Карлу Карловичу

Буксгевдену,

*Россійскому Императорскому Посланнику
въ Копенгагенъ,*

*стойкому защитнику русскихъ интересовъ на берегахъ
Бельтовъ и Зунда,*

*гуманному сановнику и благородному человѣку,
посвящаетъ свой скромный трудъ
съ почтительной преданностью*

Авторъ.

Вмѣсто предисловія.

Мы, видѣвшіе смерть не средѣ полей сраженій,
И не при доблестной защитѣ крѣпостей,
Мы, видѣвшіе смерть отъ дулъ въ ожесточенны
Звѣрьми на насъ направленныхъ ружей,

Вамъ здѣсь расскажемъ горестную повѣсть
Про мерзкія тевтонскія дѣла,—
И пусть при чтеніи у тѣхъ проснется
совѣсть,

Въ комъ безмятежно до сихъ поръ она спала!

И если хоть взойдетъ одно зерно погѣва,
Что изстрадавшаяся кинула рука,
И содрогнется хоть одна проклятымъ дѣва,
Забьется сердце одного хоть старика,

Хоть юноша одинъ въ негодованьи
Воспрянетъ мщеніемъ противъ общаго врага
И, поборовъ жены своей рыданья,
Отецъ семейства поспѣшитъ въ войска,—

Тогда, найдя пережитому оправданья,
Мы позабудемъ горести минувшихъ дней;
Тогда найдемъ награду мы въ своемъ страданьи
И утѣшеніе въ сочувствіи друзей.

Прелюдіи цивилизованного варварства.

7/20 іюня 1914 года, при самых благопріятныхъ ауспиціяхъ, я переѣхалъ германскую границу на линіи Млава—Иллово, вѣроятно въ двадцатый, но навѣрно (теперь могу прибавить) въ послѣдній разъ вступивъ въ страну Шиллера и Гете.

Ничто не предвѣщало грядущаго оркана. Всюду было тихо и спокойно, и самъ Вильгельмъ Кровавый мирно плавалъ въ норвежскихъ водахъ. Я поѣхалъ въ Лейпцигъ на выставку; чтобы тамъ собрать необходимый мнѣ матеріалъ по газетному дѣлу.

Грономъ среди яснаго неба была телеграмма объ убійствѣ австрійскаго наслѣдника престола Эрцгерцога Франца Фердинанда д'Эсте въ Сараевѣ 15/28 іюня. И какъ адвокатъ-криминалистъ, и какъ журналистъ, я всегда относился съ отвращеніемъ къ террору, считая, что такое высокое благо, какъ жизнь, человѣкъ ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ права отнимать у другого; но это убійство не вызвало во мнѣ никакого возмущенія убійцей, никакихъ симпатій къ жертвѣ. Слишкомъ злымъ врагомъ былъ для моей родины покойникъ, слишкомъ свята была идея, ради которой жертвовалъ собой Гаврило Принципъ. Можетъ быть я даже въ душѣ тайно радовался: самага главнаго врага Россіи то и не стало.

Но радость эта была инстинктивная, неосознанная. Ни о какихъ послѣдствіяхъ сараевского убійства я не думалъ и, всецѣло поглощенный своими работами, политикой даже мало интересовался и не слѣдилъ внимательно по газетамъ за ходомъ событій.

Между тѣмъ 13/26 іюля лоскутная имперія объявила войну маленькой, несчастной Сербіи. Я въ то время находился уже въ нѣмецкомъ курортѣ для сердечныхъ больныхъ Наугеймѣ, куда привезъ отца. Горизонтъ въ сущности былъ безоблаченъ и, поэтому, объявленіе новой балканской войны мало кого обезпокоило; всѣ были увѣрены въ „локализациі конфликта“. Только парикмахеръ, который брилъ меня, со свойственной всѣмъ парикмахерамъ страстью къ политикѣ, грозно обрушивался на сербовъ и, соглашаясь (такъ и быть!) не брать у нихъ земли, сурово требовалъ, однако, большой военной контрибуціи.

— Пусть заплатятъ, негодяи, пусть заплатятъ! Они, мерзавцы, хоть жрать хорошо будутъ въ нѣмецкомъ плѣну, вѣдь дома они съ голода дохнуть—разсуждалъ онъ; но прежде всего, какъ заберутъ ихъ, такъ надо эту мразь продезинфицировать хорошенько.

— Какъ же они вамъ контрибуцію заплатятъ, если они, какъ вы сами говорите, еще до войны были нищіе?!

— Ну, тогда все-таки они должны будутъ дать кусокъ своей земли, безапелляціонно рѣшалъ онъ.

Эта логика простолюдина-политикана весьма характерна, какъ несомнѣнное выраженіе общаго духа разбойничьей политики, созданной бычачьими головами тевтонцевъ и швабовъ. Но и этотъ воинственный парикмахеръ не вѣрилъ въ возможность войны съ Россіей, какъ не вѣрили въ нее ни мѣстные врачи, ни жители, ни больные; только немногіе изъ послѣднихъ тихонько укладывали вещи и, не кончивъ курса лѣченія,

удирали во свояси. Быстрый ходъ событій доказаль, однако, что послѣдніе были правы.

Первыя показанія готовящаго политическаго смерча далъ, конечно, биржевой барометръ. Курсъ русскаго рубля началъ падать: вмѣсто 214 марокъ за 100 рублей, выдаваемыхъ въ послѣднее время, стали давать только 208, потомъ 205, 195, 190 и все меньше и меньше. На улицахъ возлѣ развѣшиваемыхъ телеграммъ собирались кучки народа и усиленно комментировали распространяемые слухи. „Никогда больше не вругъ, сказалъ мнѣ, читая газетныя утки, одинъ старый австріецъ, какъ послѣ охоты и передъ войной!“ И это было очень вѣрно замѣчено.

Потомъ изъ другихъ курортовъ стали приходять письма о тревожномъ положеніи и массовомъ бѣгствѣ русскихъ; сообщали, что въ Берлинѣ за десять дней впередъ расписаны всѣ билеты на поѣзда, идущіе въ Россію и что на всѣ границы наплывъ невѣроятный. Мѣстные банки внезапно перестали платить по русскимъ аккредитивамъ и люди, не успѣвшіе раньше запастись деньгами и смотрѣвшіе оптимистически на ходъ событій, внезапно очутились въ самомъ критическомъ положеніи. Курсъ рубля головокружительно шелъ внизъ. За 100 рублей давали уже только 180 марокъ.

Характеренъ такой случай, на примѣръ. Вмѣстѣ съ жившимъ съ нами въ Park-Hotel'ѣ пріятелемъ моимъ по школьной скамьѣ, петроградскимъ адвокатомъ И. Е. Каплуномъ, мы зашли въ одно изъ двухъ тамошнихъ отдѣленій банковъ, гдѣ съ утра шелъ паническій обмѣнъ русскихъ сторублевокъ на нѣмецкія бумажки (золота и въ поминѣ уже не было).

— Сколько вы дадите за сто рублей? спросили мы.

— 180 марокъ, буркнулъ кассиръ, исполнявшій въ крохотной конторкѣ всѣ роли.

— Отлично, вотъ извольте 180 марокъ, мы хотимъ купить у васъ сто рублей.

— Я не имѣю русскихъ денегъ для продажи.

— Какъ, вѣдь у васъ съ утра мѣняють русскія деньги, у васъ ихъ долженъ быть избытокъ!

— Нѣтъ, я не мѣняю, послѣдовалъ хладнокровный, лаконическій отвѣтъ. Мошенникъ отвернулся и не пожелалъ даже съ нами дальше разговаривать.

На другой день онъ давалъ съ утра уже только 170 марокъ за 100 рублей, послѣ обѣда только 160, а къ вечеру закрылъ свою лавченку и съ портфелемъ, туго набитымъ якобы негодными „вражескими“ бумажками, уѣхалъ въ лежащій всего въ 40 минутахъ ѣзды отъ Наугейма центръ южной Германіи—Франкфуртъ на Майнѣ.

Соотвѣтственно паденію курса падало и отношеніе населенія къ русскимъ; зато все выше и выше поднималась волна патріотизма. Хозяинъ Park-Hotel'я, всегда вѣжливо кланявшійся постояльцамъ, теперь еле отвѣчалъ на ихъ поклоны. Въ его семьѣ, впрочемъ, тоже было горе: онъ былъ женатъ на француженкѣ, и его шуринъ, работавшій въ дѣлѣ, долженъ былъ ставиться во Франціи, а онъ здѣсь; вотъ если въ битвѣ имъ доведется встрѣтиться...

Все ярче и ярче разгорался народный энтузіазмъ. Когда была расклеена телеграмма о нагломъ отклоненіи Германіей симпатичнаго предложенія сэра Грея о посредничествѣ, предложенія, несомнѣнно предотвратившаго бы европейскій пожаръ и неудавшагося исключительно по винѣ Германіи, жаждавшей войны, когда повторяю, была расклеена эта телеграмма, да еще снабженная дерзко-самохвальной надписью: „Deutschland lehnt ab“ (Германія отклоняетъ), одинъ кургастъ чахоточнаго вида постучалъ скрюченнымъ пальцемъ по стеклу витрины, гдѣ висѣла телеграмма, и, вызываяще глядя на могущихъ оказаться въ толпѣ иностранцевъ,

сказалъ: „Такъ только Германія могла и должна была поступить—такъ только; поступить иначе—было бы для нея позоромъ“; онъ смотрѣлъ злорадно на публику и ждалъ протеста, но желанія попасть подъ судъ Линча звѣрѣвшаго не по часамъ, а по минутамъ плебса ни у кого не было и негодяй ушелъ съ неопухшей фозіономіей.

Параллельно съ явнымъ муссированіемъ, путемъ лживыхъ телеграммъ, народнаго энтузіазма и съ тайной форсированной мобилизаціей, шло суженіе возможности почтовыхъ и телеграфныхъ сношеній. Съ рядомъ мѣстностей Германіи вовсе было запрещено сноситься (напр., съ Эльзась-Лотарингіей, Рейнпфальцемъ, съ княжествомъ Биркенфельдъ и др.), вовсе были запрещены закрытыя письма, открытыя же разрѣшались только на нѣмецкомъ языкѣ, такъ что иностранцы, незнавшіе нѣмецкаго языка, совершенно были лишены возможности сноситься другъ съ другомъ. Пріемъ телеграммъ въ Россію и Францію былъ воспрещенъ абсолютно—и всё это еще до всякаго объявленія войны, пріемъ же внутреннихъ телеграммъ разрѣшенъ только на нѣмецкомъ языкѣ.

На этой почвѣ разыгрывались невѣроятные курьезы. Патріотствующіе нѣмецкіе телеграфные чиновники брали на себя роль профессоровъ *) германистики и вычеркивали всякіе галлицизмы въ текстѣ подаваемыхъ телеграммъ, яро предпочитая мокроступы—калошамъ. Со мной былъ такой случай. Сдаю телеграмму, въ которой встрѣчается слово: „colossal“ (колоссально, невѣроятно).

— Вамъ сказано: только по нѣмецки можно передавать телеграммы.

*) Какъ въ послѣдствіи профессора брали на себя роль почтальоновъ и разносили письма вмѣсто взятыхъ на войну почтальоновъ.

Отлично владѣя нѣмецкимъ языкомъ, я пытаюсь возразить:

— Но позвольте, вѣдь говорятъ же по нѣмецки такъ-то и такъ-то—и я привожу примѣры употребленія слова „colossal“.

— Das ist ein Kraftausdruck und muss durch das Wort: ungeheuer ersetzt werden. (Это не литературное выражение и должно быть замѣнено словомъ: огромно).

Безапелляціонно рѣшивъ политико-лингвистическій споръ, дурачокъ читаетъ дальше текстъ поданной мною телеграммы.

— Poste-restante—это французское слово.

— Но позвольте, оно настолько вошло въ международный лексиконъ, что стало интернаціональнымъ.

— Безразлично, это галлицизмъ; замѣняю его словомъ „postlagernd“.

Подавивъ улыбку, пришлось согласиться. Къ слову сказать, принявъ отъ меня деньги на уплоченный отвѣтъ, вѣдомство мнѣ таковой, по полученіи его, уже не выдало, такъ какъ послѣдовало новое предписаніе: не выдавать корреспонденціи до востребованія; при-этомъ, вопреки здравому смыслу, такъ часто, впрочемъ покидавшему нѣмцевъ въ послѣднее время, и юридической логикѣ, этотъ законъ имѣлъ обратную силу и распространялся и на начатые вѣдомствомъ реализаціей процессы, каковымъ является приѣмъ отправляемой телеграммы съ оплаченнымъ отвѣтомъ;—разъ таковая принята—отвѣтъ, либо повѣстка о неразысканіи адресата, должны быть выданы отправителю, хотя бы въ послѣдствіи и вышелъ законъ объ отмѣнѣ подобныхъ операцій. Но Дербурги и Виндшейды имѣютъ значеніе у нѣмцевъ только въ мирное время, на войнѣ прусская каска вытѣсняетъ ихъ изъ нѣмецкихъ мозговъ.

Не выдавали также денежныхъ переводовъ, какъ иностранныхъ, такъ и внутреннихъ, и злорадно ставили

тѣмъ многихъ въ самое критическое положеніе. Живите, молъ, какъ хотите—а денегъ не выдадимъ, да и въ кредитъ откажемъ. Посмотримъ, какъ вы извернетесь.

Рядомъ съ Наугеймомъ, въ семи минутахъ по желѣзной дорогѣ, лежитъ городокъ Фридбергъ. Во Фридбергѣ есть политехническій институтъ, гдѣ учатся много русскихъ. Положеніе этихъ молодыхъ людей съ началомъ мобилизаціи сдѣлалось ужаснымъ. Вмѣстѣ съ упомянутымъ адвокатомъ Каплуномъ мы отправились 19 іюля (1 августа по н. ст.) въ имѣющуюся тамъ читальню имени Михайловскаго. Молодежь какъ разъ закрывала эту читальню и жаловалась на отношеніе населенія. Однихъ хозяева выселяли прямо на улицу, другимъ отказывали въ обѣдахъ; средства были на исходѣ, а почтовыхъ переводовъ разбойничье вѣдомство не выплачивало, словомъ тучи сгустились угрожающія. Въ этотъ день уже на всѣхъ улицахъ Фридберга были расклеены указы о мобилизаціи и, какъ допингъ для успѣшнаго выполненія ея, лживыя телеграммы о вспыхнувшей, якобы, вслѣдъ за убійствомъ Жореса, революціи во Франціи и о готовящемся нападеніи Японіи на Россію. Народъ радовался. Безумцы ликовали.

Мы собирались вернуться изъ Фридберга въ Наугеймъ пѣшкомъ, что составляетъ всего 20—25 мин. ходьбы, но во время прочли маленькое объявленище, гласившее, что розентальскій мостъ на военномъ положеніи и что винтовки патруля заряжены боевыми патронами! Береженного Богъ бережетъ. Иди потомъ доказывай, что ты не верблюдъ, какъ говорится въ популярномъ еврейскомъ анекдотѣ. Мы сѣли въ поѣздъ и молча, чтобы сосѣди нѣмцы не признали въ насъ русскихъ, доѣхали до Наугейма.

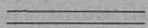
Послѣдній въ эти дни почти опустѣлъ. Начиная отъ московскаго булочника Филиппова, бѣжавшаго од-

нимъ изъ первыхъ, и кончая бѣдными евреями изъ чер-
ты осѣдлости, кургасты бѣжали быстрѣ лани. Жутко
было смотрѣть, какъ вечеромъ на бульварѣ шумѣла
толпа и пѣла патріотическія пѣсни, а по мостовой, точ-
но погоняемые незримой силой, катили экипажъ за
экипажемъ русскихъ бѣглецовъ. Изъ нашего Park-Ho-
tel'я въ одинъ день уѣхало сразу 60 человѣкъ; боль-
шинство опрометчиво ѣхало въ Берлинъ на вѣрное за-
держаніе. Въ описываемый день, 19/VII = I/VIII, въ
Наугеймѣ было расклеено также объявленіе о мобили-
зації, официальное начало которой (въ дѣйствитель-
ности она началась задолго до русской) было назначе-
но на другой день. Въ этотъ же день днемъ уѣхалъ изъ
Park-Hotel'я на Франкфуртъ н./М. кіевскій городской го-
лова Дьяковъ, а вечеромъ на Данію, черезъ Гамбургъ-
Альтона-Вамдрупъ-Фридеричіа-Богензэ-Ниборгъ-Кор-
зэръ-Копенгагенъ, директоръ кіевского отдѣленія ПГР.
Международнаго банка Столленверкъ съ женой, популяр-
ный симферопольскій хирургъ Каблуковъ съ женой, пе-
троградецъ Шидловскій съ семействомъ и другіе. Оста-
лись въ этомъ отелѣ только трое русскихъ: мой отецъ,
Каплунъ и я. Но и нашъ оптимизмъ былъ на исходѣ
и мы рѣшили ѣхать съ первымъ утреннимъ поѣздомъ
въ Киссингенъ, прежде популярный баварскій курортъ,
въ которомъ лѣчили въ это время моя мать и жена
Каплуна.

Стали укладываться. Въ открытыя окна доносились
всплескиванія народныхъ волнъ; толпа бушевала. Ка-
кой-то патріотъ, взобравшись на возвышеніе, говорилъ
зажигательную рѣчь и на каждую фразу толпа отвѣча-
ла невѣроятнымъ, потрясающимъ, звѣринымъ ревомъ—
въ такую минуту иностранецъ попавшій бы туда, былъ
бы растерзанъ тутъ же, во мгновеніе ока. Въ пустой
гостинницѣ была жуткая тишина. „Но тихъ былъ нашъ
бивакъ открытый“, какъ говоритъ поэтъ.

Прошла безсонная ночь. Разсвѣло. Подвыпившіе патріоты едва волочили ноги домой. Одинъ начиналъ: „Deutschland, Deutschland, über alles“, проѣзжавшій велосипедистъ подхватывалъ и пьяные голоса не стройно подтягивали. Все напоминало хорошую театральную постановку, но, увы, это была грустная дѣйствительность.

Въ шесть часовъ утра, 20/VII = 2/VIII, въ первый день официальной германской мобилизаціи, мы сядили на вокзалѣ въ поѣздъ, не подозрѣвая вовсе, что теперь только начнутся наши невѣроятныя мытарства.

II.

Мобилизаціонныя прелести.

Въ купэ, въ которое мы вошли, спалъ молодой офицеръ. Онъ былъ въ походной, защитнаго цвѣта, формѣ и желтыхъ гетрахъ. При нашемъ появленіи онъ поднялся и освободилъ мѣсто. Услыша мою чистую нѣмецкую рѣчь, обращенную къ отцу, у котораго было въ рукахъ расписаніе поѣздовъ, офицеръ попросилъ меня справиться, когда онъ доѣдетъ до Страсбурга въ Эльзасѣ. Каплунъ благоразумно молчалъ и офицерикъ, обмѣниваясь со мною отдѣльными фразами, и не подозрѣвалъ, что онъ ѣдетъ въ одномъ купэ съ врагами родины. Что было бы съ нами, если бы онъ это узналъ—читатели увидятъ изъ приведенной въ этой главѣ исторіи Леполадскаго.

Сорокаминутное разстояніе до Франкфурта мы ѣхали съ невозможными остановками, два часа. Во Франкфуртѣ на вокзалѣ творилось нѣчно невѣроятное—картина переселенія народовъ въ полномъ смыслѣ слова: весь вокзалъ, одинъ изъ самыхъ большихъ въ Германіи, былъ запруженъ запасными, преимущественно южными австрійцами и чехами, спѣшившими ставиться по мѣсту призыва. Разнообразнѣйшая толпа, въ которой художникъ—режиссеръ нашелъ бы неистощимое богатство для гримовъ; загорѣлыя лица, мозолистыя руки и... отчаяніе въ глазахъ, отчаяніе въ виду краха ихъ эконо-

мического благополучія. „Богачи наживутся на этой войнѣ, а бѣдняку—крышка“, горько жаловался одинъ („Die Geldprotzen — die profitieren vom Krieg und so einem armen Kerl ist die ganze Existenz vernichtet“). Въ этотъ день еще продавалось пиво, (что впослѣдствіи правительство запретило), и торгоши обдирали несчастныхъ запасныхъ, продавая по 50 пфениговъ бутылочку, стоившую нормально 10—15 пфениговъ. Но немногимъ это было по карману и большинство грустно сидѣло на своемъ скарбѣ и тоскливо глядѣло, глядѣло мимо этой суетной толпы на свое сѣрое, неприглядное будущее.

Скарбу и багажа вообще были навалены горы. Дальше этой узловой станціи его сейчасъ, въ виду мобилизаціи, нельзя было отправить и горы эти все росли и росли и каждый вновь прибывающій поѣздъ выбрасывалъ все новыя и новыя груды. Порядка не было абсолютно никакого. Ни одинъ изъ желѣзнодорожныхъ служащихъ не зналъ, отъ какого перрона отходить какой поѣздъ. Путали, противорѣчили и сбивали другъ друга неимоვნно. Запасные толкались, шумѣли, успѣвшіе нализаться горланили во всю глотку свои національныя пѣсни и штурмомъ брали подаваемые поѣзда, влѣзая въ нихъ черезъ окна и, не считаясь съ тѣмъ, есть ли мѣста или нѣтъ. Возбравшіеся отталкивали и сбрасывали лѣзущихъ снаружи. Всякое различіе между четырьмя классами исчезло. Люди гуськомъ стояли въ корридорахъ. Южныя австрійцы съ сильнымъ славянскимъ акцентомъ говорили по нѣмецки и намъ, русскимъ, особенно тяжело было смотрѣть на нихъ и сознать, что это братья идетъ на брата.

Хотя мы заранѣе условились не говорить между собою, иначе, какъ по нѣмецки, во избѣжаніе возможныхъ столкновеній, но нѣсколько австрійцевъ изъ полунинтеллигентовъ чутьемъ, очевидно, поняли, что мы рус-

скіе и, ставъ возлѣ насъ, пытались насъ провоцировать. Пѣли свои національныя пѣсенки, одинъ—не знаю на какомъ языкѣ, все напѣвалъ пѣсенку, въ которой Францъ-Іосифъ именовался „Францъ-Юшка“; ругали русскую политику и хвалили нѣмецкую и все, видимо, ждали, чтобы мы какъ нибудь реагировали на это и они имѣли бы возможность науськать на насъ толпу; но, скрѣпя сердце, мы молчали, точно воды въ ротъ набравъ и швабская провокація неудалась.

Простоявъ пару часовъ на перронѣ, мы, наконецъ, попали въ поѣздъ. Здѣсь пришлось наслушаться небывшихъ изъ области шпіонофобіи, паническимъ страхомъ охватившей нѣмцевъ въ пору мобилизаціи. Одинъ пожилой чехъ, видимо, не особенно охотно ѣхавшій слать свои старѣющія косточки, рассказывалъ, что возлѣ Кобленца 42 француза пытались взорвать туннель, но были во время схвачены и отведены въ крѣпость, при чемъ де часть уже разстрѣляли, а часть предназначена къ разстрѣлу. Эта дикая исторія, какъ потомъ оказалось, возникла изъ рассказа о попыткѣ одного трактирщика съ сыномъ взорвать туннель въ Кохэмѣ, недалеко отъ Кобленца; по свѣдѣніямъ газетъ оба были разстрѣляны. А черезъ недѣлю я прочелъ въ тѣхъ же газетахъ, которыя возвѣщали о разстрѣлѣ и призывали проклятія на головы измѣнниковъ, что оба были схвачены, а потомъ военный судъ не только ихъ оправдалъ, но даже присудилъ имъ протори и убытки. Такъ создается исторія. И вотъ въ обществѣ, занимавшемся подобными разговорами, въ поѣздѣ, не уступившемъ бы классической черепахѣ, намъ пришлось часами тащиться по пути, который нормальный скорый поѣздъ пролетаетъ птицей. При этомъ наше условіе—ни въ коемъ случаѣ не говорить по русски—было нарушено самымъ трагикомическимъ образомъ. Отецъ вышелъ въ корридоръ и положилъ на свое мѣсто котелокъ; когда онъ вернулся и, позабывъ о котелкѣ, хо-

тѣлѣ сѣсть на него, Каплунъ не выдержалъ и, въ порывѣ спасти котелокъ, гаркнулъ на все купѣ на родномъ языкѣ: „Осторожно, шляпу раздавите!“

Инкогнито наше было раскрыто. Но ѣхавшіе были слишкомъ удручены необходимостью итти въ армію, чтобы реагировать на присутствіе въ поѣздѣ „враговъ“. Такъ насъ и не потревожили. Съ безконечными остановками въ Ашаффенбургъ и Гемюнденъ мы доѣхали до Вюрцбурга, города баварскихъ бишофовъ и баварскаго вина и продѣлали тамъ опять тоже, что во Франкфуртѣ, только въ немного меньшемъ масштабѣ.

Въ новомъ поѣздѣ, куда намъ довелось сѣсть въ Вюрцбургѣ, одинъ нѣмецъ радостно сообщилъ моему отцу вздорное газетное сообщеніе, будто Швеція мобилизуется. Такъ какъ мой отецъ не выразилъ по этому поводу своего восторга, то нѣмецъ оторопѣлъ и порѣшивъ, очевидно что его спутникъ врагъ родины, съ которымъ вмѣстѣ ѣхать неудобно, молча пересѣлъ въ другое купѣ. Въ этомъ поѣздѣ случайно былъ (въ послѣдній разъ) прямой вагонъ до Киссингена и мы, только простоявъ по часику въ Швейнфуртѣ и Эбенгаузенѣ, пріѣхали въ 6 час. веч. въ Киссингенъ, растерявъ по дорогѣ большой багажъ (впрочемъ черезъ 3—4 дня доставленный намъ) и потративъ 12 часовъ на путь, на который нормально нужно не болѣе 4—5 часовъ.

Когда мы ѣхали по пустыннымъ улицамъ Киссингена, то публика смотрѣла на насъ, какъ на сумасшедшихъ, — въ такое, молъ, время еще въ курортъ пріѣзжать, когда всѣ бѣгутъ оттуда!.. И все-таки, сравнительно, мы были счастливые. Вотъ какіе ужасы пережили другіе, также во время мобилизації имѣвшіе неосторожность или, лучше сказать, необходимость ѣхать въ Киссингенъ.

Нѣкто Леполадскій находился ко дню объявленія мобилизації въ Нюрнбергѣ. Въ пять часовъ утра къ

нему въ номеръ (Леполадскій жилъ въ гостинницѣ, гдѣ было много иностранцевъ) явилось три полицейскихъ въ штатскомъ и потребовали, чтобы онъ немедленно выѣхалъ.

— Куда?

— Куда вамъ будетъ угодно, но здѣсь оставаться вамъ нельзя.

— Но мои вещи не уложены.

— Мы вамъ уложимъ.

Сказано—сдѣлано и черезъ полъ-часа Леполадскій сидѣлъ въ поѣздѣ и ѣхалъ въ избранный имъ Киссингенъ. За нѣсколько станцій до Киссингена въ купѣ сѣлъ офицеръ. Заговорилъ. Леполадскій охотно отвѣтилъ.

Разговорились.

Офицеръ спросилъ Леполадскаго, откуда онъ родомъ. Тотъ отвѣтилъ, что родился не далеко отъ восточной прусской границы, но скромно умолчалъ по какую сторону этой границы. Черезъ нѣкоторое время офицеръ уже прямо спросилъ его, какой онъ національности. Леполадскому пришлось сказать, что онъ русскій. Офицеръ, какъ будто ни въ чемъ не бывало, продолжалъ мирно разговаривать, а когда они пріѣхали въ Киссингенъ, открылъ дверь, позвалъ жандарма и велѣлъ арестовать Леполадскаго, какъ шпиона.

Несчастливаго отвели въ тюрьму, посадили въ казематъ, куда свѣтъ пробивался только сверху, черезъ маленькое окошко и такъ и оставили, даже не допросивъ. Питаться онъ долженъ былъ за собственный счетъ, благо деньги были. Леполадскій требовалъ бумаги и чернилъ, писалъ всякаго рода прошенія и заявленія о допросѣ его, но все это оставалось гласомъ вопіющаго въ пустынь.

Тюремщикъ становился все мрачнѣе и подъ конецъ пересталъ съ заключеннымъ вовсе разговаривать, считая это государственнымъ преступленіемъ, пищу же посылалъ ему черезъ жену.

Черезъ три дня, также внезапно и безпричинно, какъ Леполадскаго арестовали, его выпустили, причемъ имѣли наивность выдать бумагу, въ которой значилось, что такой то былъ заподозрѣнъ въ шпіонствѣ, содержался подъ стражей и теперь выпущенъ. Хорошъ аттестатъ. Точно паспортъ Шмаги изъ „Безъ вины виноватыхъ“: „Подъ судомъ былъ по прикосновенности по дѣлу о пропажѣ камлотовой шинели, и оставленъ въ подозрѣніи“.

Исторія Леполадскаго могла бы случиться и со мной, признай во мнѣ русскаго офицеръ, о встрѣчѣ съ которымъ я писалъ въ началѣ этой главы.

Съ другимъ русскимъ, нѣкимъ повѣреннымъ Гавенда, дѣло было еще хуже. Онъ вмѣстѣ съ женой застрялъ въ Берлинѣ. Въ Россію уѣхать нельзя было, деньги таяли и Гавенда порѣшилъ ѣхать въ Киссингенъ. Взялъ—замѣтьте!—соотвѣтствующее разрѣшеніе властей и сѣлъ съ женой въ вагонъ. Послѣ разныхъ пертурбацій, пересадокъ и мытарствъ доѣхали они до баварскаго города Бамберга. Здѣсь ихъ на вокзалѣ задержали, отобрали документы, тщательно обыскали, до того тщательно, что снимали даже ботинки и смотрѣли не спрятаны ли тамъ планы крѣпостей или чертежи пулеметовъ. Потомъ Гавенда заявили, что дальше имъ ѣхать нельзя и ихъ отправятъ обратно въ Берлинъ.

— А пока вы арестованы и будете препровождены въ тюрьму!

Напрасно Гавенда просили ихъ оставить на вокзалѣ или хотъ разрѣшить переночевать въ гостинницѣ. Начальство было неумолимо.

— Единственное, что мы можемъ для васъ сдѣлать,— это мы пошлемъ васъ въ сопровожденіи полицейскаго въ штатскомъ, чтобы не обратить на васъ вниманіе наэлектризованной мобилизаціей толпы.

Такъ и сдѣлали, но мѣра эта не помогла. Толпа пронюхала русскихъ и стала преслѣдовать ихъ. Резер-

вистъ въ формѣ ударилъ Гавенда бутылкой по головѣ, что стало сигналомъ для общаго побоища. Полиція едва могла отбить несчастныхъ, и окровавленныхъ, лишившихся чувствъ доставить въ тюрьму. Здѣсь имъ, не смотря на просьбы, даже не предоставили врача. Утромъ имъ предложили тѣмъ же путемъ отправиться на вокзалъ, но Гавенда на-отрѣзъ отказались, предпочитая тюрьму самосуду толпы. Тогда имъ за ихъ счетъ привели автомобиль, доставили на вокзалъ и заявили, что они могутъ ѣхать въ Киссингенъ. Больные и израненные, измученные и потрясенные пережитымъ, они едва дотащились до Киссингена и тамъ слегли.

Другую русскую даму, также по дорогѣ въ Киссингенъ, недалеко отъ Франкфурта, въ Майнцѣ, вытаскивали изъ вагона, щипали, дамы кололи ее зонтиками; затѣмъ офицеръ отвелъ ее въ казематъ, гдѣ несчастную томили 24 часа и не давали ѣсть—только офицеръ смилостивился и далъ изъ походной фляжки глотокъ коньяку; потомъ ее отправили въ Киссингенъ.

Вообще случаи вытаскиванія русскихъ изъ вагоновъ, избіеній, издѣвательствъ, обысковъ, отбирания денегъ и вещей и заключеніе, въ лучшемъ случаѣ, въ гостинницѣ подъ стражей, а въ худшемъ, просто въ тюрьмѣ—были многократны и многочисленны.

Такъ культурная Германія обходилась съ мирными гражданами, съ гостями, пріѣхавшими оставлять у нея свои русскія, кровныя денежки.

И, всетаки сравнительно съ дальнѣйшимъ, это были только цвѣточки.

III.

Курортныя мытарства.

Въ Киссингенѣ положеніе иностранцевъ было, сравнительно и съ большими оговорками, нѣсколько спокойнѣе. Это курортъ особенно излюбленный русскими, которыхъ здѣсь ежегодно бываетъ видимо-невидимо, живущій, такъ сказать, на ихъ деньги и потому часть мѣстныхъ жителей поняла, что зарѣзать курицу, несущую золотыя яйца, не всегда выгодно.

Къ моменту нашего пріѣзда въ Киссингенѣ, несмотря на повальное бѣгство, оставалось еще нѣсколько тысячъ русскихъ. Все это были люди болѣе или менѣе обеспеченные, но чѣмъ? — либо аккредитивами, либо сторублевыми билетами; по первымъ не выплачивали денегъ, вторыхъ не мѣняли. Почтовые и телеграфные переводы, по распоряженію правительства, также не выплачивались, что противорѣчило не только здравому смыслу,—вѣдь мы были не военно-плѣнные, а больные, пріѣхавшіе для лѣченія и задержанные не по нашей винѣ,—но и азамъ международнаго права, въ силу котораго частное имущество врага неприкосновенно. Къ тому же полученные деньги мы потратили бы тутъ же въ Германіи—онѣ пошли бы все равно въ нѣмецкіе карманы. Но какое дѣло до всего этого нѣмецкому бронированному кулаку, который поторопился на-

ложить свои цѣпкіе пальцы даже на частные вклады русскихъ подданныхъ въ банкирскомъ домѣ извѣстнаго Мендельсона въ Берлинѣ. Мало того, что переводы не выплачивали, надъ адресатами еще издѣвались: приносили повѣстку о полученіи перевода съ надписью: уплатить, если послѣдуетъ на то разрѣшеніе баварскаго военнаго министра.

— А какъ же получить это разрѣшеніе?

— Очень просто, вамъ надо только съѣздить въ Мюнхень, добиться аудіенціи, выхлопотать разрѣшеніе, вернуться сюда, предъявить его и вамъ немедленно уплотятъ.

— А мнѣ дадутъ разрѣшеніе на поѣздку въ Мюнхень?

— Иностранцу?!—ну, конечно, нѣтъ!

И такими изоощренно-утонченными издѣвательствами донимали насъ гдѣ могли.

Выше я говорилъ объ аккредитивахъ. Привожу примѣръ и изъ этой области. Наканунѣ прекращенія выплатъ по аккредитивамъ моя мать взяла въ киссингенскомъ отдѣленіи баварскаго Landesbank'a, по совѣту служащаго тамъ, 3700 марокъ и депонировала деньги въ этомъ же отдѣленіи. Когда черезъ нѣсколько дней мы явились получить эти деньги, ибо я не очень то вѣрилъ въ солидность баварскаго банка и совѣтовалъ поскорѣе взять свой вкладъ обратно, другой служащій, со скрытой ироніей, улыбаясь, заявилъ: я не знаю, можемъ ли мы вамъ выдать этотъ вкладъ (замѣтьте безпроцентный!)

— То есть какъ?

— А вотъ вы не обратили вниманіе на это—и онъ указалъ намъ на магическихъ четыре буквы, стоявшихъ внизу вкладнаго билета—U. V. d. E.

— Что же это значитъ?

— Это значитъ: unter Vorbehalt des Einganges—при условіи поступленія.

— Какого поступленія, вѣдь деньги внесены наличными.

— Не совсѣмъ; вѣдь вы внесли свою получку по аккредитиву. Фактически вы её не брали, а просили переписать на вкладной билетъ. Мы такъ и сдѣлали.

— Да, но вѣдь я могла получить эти деньги у васъ наличными, а черезъ четверть часа внести ихъ вамъ по вкладному билету.

— Ну, видите, наличными мы столько сразу не выдали бы, а перечислить съ аккредитива на вкладной билетъ—почему же нѣтъ; при условіи поступленія.

— Да какого поступленія?

— А это, видите ли, подразумѣвается сперва фактическое поступленіе этихъ денегъ со стороны берлинскаго Deutsche Bank'a, который долженъ реализовать нашу уплату по аккредитиву. Вотъ мы срочно, за вашъ счетъ, запросимъ Берлинъ и, если отвѣтъ получится утвердительный, выплатимъ.

Вкусили и этого издѣвательства. На другой день банкъ деньги всетаки выплатилъ, высчитавъ за срочную телеграмму пять марокъ.

Русскіе рубли онъ не мѣнялъ, но зато другіе проходимцы нагрѣвали на этомъ руки. Курсъ, даже послѣ мѣсяца войны стоявшій на 180 маркахъ, понижали еще ниже, чѣмъ въ Наугеймѣ. Банкирская контора А. Франкъ (да будетъ извѣстно имя этого негодяя!) платила 140, потомъ 126, потомъ 100, потомъ—невѣроятно, но фактъ!—75 марокъ за сто рублей, и наконецъ вовсе перестала принимать русскія деньги; одинъ же сердобольный хозяинъ гостинницы, гдѣ жила русская дама, имѣвшая при себѣ 4000 руб. кредитными билетами, размѣнялъ ихъ ей по курсу 40 марокъ за 100 рублей, заработавъ такимъ образомъ 80% чистыхъ на капиталъ (считая за 100 рублей только 200 марокъ).

Часть владѣльцевъ виллъ и гостинницъ, правда,

соглашалась принимать русскія деньги, либо въ уплату долга, либо въ обезпеченіе его, съ письменнымъ ручательствомъ погашенія долга полностью впослѣдствіи нѣмецкими деньгами; были и такіе благородные, что и вовсе кредитовали старыхъ кліентовъ и даже ссужали ихъ деньгами—таковы изъ извѣстныхъ мнѣ: г-жа А. Лексъ, владѣлица виллы „Фиръ Яресцейтень“, гофратъ Лейзеръ, отель „Регина“, вдова врача г-жа Брашъ, вилла „Либезкиндъ“, портной Максъ Киссингеръ и другіе. Но были и такіе, которые требовали въ залогъ золотыя и драгоцѣнныя вещи, оцѣнивали ихъ хуже частнаго ломбарда и задерживали скарбъ постояльцевъ—таковы: королевскій (!!) „Кургаузъ“, отели „Викторія“, Саннера и другіе. Во многихъ ресторанахъ отказывали иначе подавать, какъ по уплатѣ денегъ впередъ; иные хозяева-негодяи продолжали терпѣть задолжавшихъ жильцовъ, но отказывали имъ въ пищѣ и многіе, особенно бѣдные евреи, буквально голодали, питаясь на 40—50 пфенниговъ въ день булкой съ масломъ. А нѣмцы кричали о своемъ гуманизмѣ и о варварствѣ русскихъ и ходили взимать деньги за куртаксы по 20—30 марокъ съ человѣка, хотя ничего изъ того, на что даетъ право уплата куртаксы, уже не было: ежедневные трехкратные концерты были отмѣнены, иллюминаціи, вечера и танцы—также, прогулки въ окрестностяхъ воспрещены, ибо окрестности охранялись войсками, но деньги все-таки за право пребыванія взимались!

— Да, позвольте, я вовсе не хочу пребывать, я хочу уѣхать, дайте мнѣ возможность уѣхать; я пріѣхалъ въ гости, я боленъ, а меня заперли и держатъ!

— Это все едино, намъ до этого дѣла нѣтъ, а только извольте уплатить и баста.

— Да у меня денегъ нѣтъ, т. е. есть, лежатъ на почтѣ, но ихъ не выплачиваютъ.

— Это все едино, если не уплотите—мы васъ опишемъ.

Такъ надъ нами издѣвались и заставляли насъ платить за право жить тамъ, гдѣ жить мы вовсе не желали.

Ко всему этому присоединялась еще, ставшая классической, невѣроятная нетактичность нѣмцевъ. То и дѣло они вступали въ разговоры о вымышленныхъ ихъ генеральнымъ штабомъ побѣдахъ и прожужжали намъ уши пересказами газетныхъ утокъ о будто бы ежечасно сдающихся казакахъ, продающихъ за 20 марокъ своихъ лошадей. Когда несчастный нѣмецкій крейсеръ пустилъ одну гранату въ либавскій портъ, нѣмцы вопили уже о завоеваніи всего прибалтійскаго края и о скоромъ взятіи Петрограда. 4 августа, въ историческомъ засѣданіи Рейхстага Вильгельмъ имѣлъ опрометчивость опубликовать свою переписку съ Нашимъ Государемъ. Изъ этой переписки для непредубѣжденнаго ребенка даже ясно, сколь безгранично велика вина Вильгельма. Но нѣмецкій шовинизмъ и это до очевидности ясное положеніе дѣлъ извратилъ и освѣтилъ въ обратномъ смыслѣ. И своими идиотскими комментаріями по этому поводу нѣмцы донимали русскихъ и провоцировали ихъ во всю. Провокація вообще была развита неимоვნно. Выдумывали исторіи, будто русскія дѣвушки кричали, глядя на сборъ запасныхъ, (съ явно-провокаціонной цѣлью, происходившей между прочимъ среди курпарка, возлѣ цѣлебнаго источника Ракочи, точно во всемъ Киссингенѣ другого мѣстечка не нашлось), „Долой нѣмцевъ“, а русскіе подростки будто прибавляли: „Въ будущемъ году мы на этомъ мѣстѣ будемъ нѣмецкими головами въ кегли играть“—въ кегли, совсѣмъ непопулярную въ Россіи игру—это уже достаточно обличаетъ провокаціонный характеръ этой исторіи.

Шпіонофобія, усердно разогрѣваемая правительствомъ и газетами, печатавшими замѣтки и воззванія: „Мы окружены шпіонами, граждане, уничтожайте ихъ“,

развивалась эпидемически и заставляла въ каждомъ русскомъ видѣть завѣдомаго шпіона. Въ купѣ вагоновъ въ эти дни разбрасывали, отпечатанныя на красной бумагѣ, летучки: „Путешественники, оберегайте наши мосты и віадуки отъ грозящихъ ихъ взорвать спутниковъ, переодѣтыхъ враговъ“.

Правда, если вѣрить очевидцамъ, прецеденты были, но прецеденты, свидѣтельствующіе каждый разъ о такой наивности этихъ, якобы, шпіоновъ, что, если вообще повѣрить въ существованіе ихъ,—объ опасности для нѣмцевъ не могло быть и рѣчи. Такъ рассказывали, что, когда въ Берлинѣ, въ первые дни ажіотажа, въ трамваѣ раздавали летучки газетъ, часть публики, непонимавшая нѣкоторыхъ военно-техническихъ деталей, обратилась къ сидѣвшему въ вагонѣ лейтенанту за разъясненіями. Тотъ, оказалось,—ни звука не говорилъ по нѣмецки. Его арестовали, какъ шпіона, отвезли въ крѣпость Шпандау и тамъ разстрѣляли. Другой иностранецъ, появился въ одномъ изъ юго-западныхъ нѣмецкихъ городовъ, во время мобилизаціи въ походной формѣ и съ ленточкой желѣзнаго креста (отличіе равное нашему Георгіевскому кресту) въ петличкѣ. Эта ленточка выдала его, такъ какъ въ послѣдній разъ награждали желѣзнымъ крестомъ въ кампанію 1870—71 г.г. а, по своему возрасту, онъ не могъ сойти за ветерана французско-прусской войны. Въ Швейнфуртѣ (около часа отъ Киссингена), на глазахъ моего знакомаго врача—ларинтолога Тричлера, разыгрался такой случай: шла по улицѣ согбенной походкой сгорбленная старушка-монахиня. Вдругъ налетѣлъ порывъ вѣтра, сорвалъ съ головы старушки чепецъ и косынку, а вмѣстѣ съ ними—*horribile dictu*—и парикъ; старушка... оказалась рослымъ мужчиной. Толпа, мигомъ собравшаяся, хотѣла растерзать шпіона, но полиція сильно израненнаго отбила его, чтобы раз-

стрѣлять по всѣмъ правиламъ гуманнаго спеціально-нѣмецкаго способа веденія войны.

— Но, послушайте, докторъ, не могъ я не возразить, что можетъ такой, какъ вы говорите шпіонъ, узнать въ Швейнфуртѣ, въ центрѣ страны, гдѣ никакой операціонной базы нѣтъ. Отправится отсюда однимъ воинскимъ поѣздомъ больше или меньше, отъ этого никому, ни въ Россіи ни во Франціи, ни тепло ни холодно, и это не повліяетъ ни на русскую побѣду, ни на французскую ни капельки.

— О, нѣтъ, не скажите.

— Хорошо, допустимъ; но какъ свои свѣдѣнія этотъ шпіонъ доставитъ въ Россію или во Францію, разъ всѣ границы закрыты?

— О, чрезвычайно просто, при помощи почтовыхъ голубей.

И этотъ докторъ, интеллигентный и образованный человѣкъ, совершенно серьезно утверждалъ, что голубь увидитъ на растояніи 2—3000 миль свою родину и доставитъ туда гибельную вѣсть.

Этотъ докторъ, добровольно изъ патріотизма шедшій на войну врачомъ, въ послѣдствіи поплатился за свое корректное отношеніе къ иностранцамъ. Толпа туземцевъ устроила ночью демонстрацію передъ его квартирой и разбила дощечку на французскомъ и англійскомъ языкахъ. Послѣ этого мѣстный аптекарь Эрнстъ Крафтъ, прежде кичившійся своимъ знаніемъ русскаго языка, поспѣшилъ снять свою русскую вывѣску на плакатъ цвѣтовъ русскаго флага и вообще многочисленные плакаты „Говорятъ по-русски“, пестрѣвшіе прежде по всему Киссингену и заискивающе приглашавшіе русскихъ оставлять свои денежки въ нѣмецкихъ рукахъ, теперь, точно по мановенію волшебнаго жезла, всѣ сразу исчезли.

Слухи шли, росли и ширились. Говорили о томъ, что русскихъ вообще больше не выпускаютъ. Говорили,

что переселять всѣхъ въ одну гостинницу подѣ военнымъ надзоромъ. Говорили, что переведутъ всѣхъ въ колонію подѣ Вюрцбургомъ, какъ, молъ, поселили уже нѣсколь- ко тысячъ подѣ Бреславлемъ и подѣ Штеттиномъ (тамъ просто въ полѣ, въ палаткахъ). Говорили, что посадятъ въ крѣпость на хлѣбъ и воду. Говорили много, но ни- кто ничего положительно не зналъ.

Менѣ всего само начальство, которое хранило глубокомысленное молчаніе, давившее насъ своей не- сказуемой тяжестью.

IV.

Русская спина широка...

Мѣстомъ встрѣчь русскихъ несчастныхъ сидѣльцевъ въ Киссингенѣ былъ курпаркъ. Здѣсь публика сходилась ежедневно нѣсколько разъ, примѣнительно къ системѣ питья водъ, и обмѣнивалась мнѣніями. Все новые и новые слухи рождались и разлетались, какъ мыльные пузыри. Настроеніе было настолько тревожное и безпокойное, что всякому вздору вѣрили.

— А знаете, вчера посты задержали автомобиль съ русскимъ шпиономъ, переодѣтымъ въ баварскую военную форму, его на мѣстѣ разстрѣляли.

— А вы слышали, говорятъ, въ прошлую ночь русскіе пытались взорвать мостъ черезъ Зале (мѣстная рѣка).

И, не смотря на то, что Зале рѣченка, которую курицы переходятъ въ бродъ пѣшкомъ, несчастные перепуганные больные вѣрили.

Мѣстные жители демонстративно одѣли въ петлицы бантики изъ ленточекъ своихъ національныхъ цвѣтовъ: германскіе (черная, бѣлая, красныя полосы) или баварскіе (голубые). Американцы, чтобы обезопасить свою личность, прицѣпили американскіе флажки, и только мы, несчастные неплѣнные плѣнники, должны бы-

ли, какъ страусъ свою голову, прятать свою національность подъ маской спокойнаго равнодушія.

Наконецъ мѣстное начальство рѣшило начать свою работу, вѣроятно, чтобы свѣше не заслужить упрека въ бездѣтельности. Начали съ того, что объявили по всѣмъ домамъ немедленный приказъ всѣмъ русскимъ явиться въ мѣстный участокъ (Einwohneramt) для прописки вида. Объявили это вечеромъ, 4-го августа и утромъ 5-го по н. ст. Для чего это нужно было—одному Богу извѣстно. И безъ того во всей Германіи существуетъ правило, въ силу котораго каждый, пріѣзжающій въ гостинницу или частный домъ, немедленно вписываетъ въ особый бланкъ свое имя, фамилію, званіе и родину или мѣсто постоянного жительства. Все это всѣ пріѣхавшіе, конечно, продѣлали своевременно. Кромѣ того всѣ уплатили куртаксу, были внесены въ курлисты (списокъ пріѣзжихъ) и имѣли соотвѣтствующіе Kurtaxe-Karten—билеты, свидѣтельствующіе объ уплатѣ куртаксы. Такъ нѣтъ, вотъ поди-жъ ты, иди прописывайся! И шли, попробовали бы не пойти!

У зданія участка образовался громаднѣйшій хвостъ, какъ на гастроли знаменитости. Жгло горячее баварское солнце. Стояли люди больные, престарѣлые, которымъ врачи предписывали самый полный покой и отдыхъ, стояли часами на солнцепекѣ. Хорошо еще, что не полилъ дождь, ибо церберы не смилостивились бы—ходили баварскіе жандармы въ темно-зеленыхъ мундирахъ и на просьбы пощадить особенно слабыхъ стариковъ и больныхъ ледянымъ тономъ отвѣчали:

— Kann nicht berücksichtigt werden—не можетъ быть принято во вниманіе.

И послѣ нѣсколькихъ часовъ такой стоянки, въ конецъ изнурявшей слабыхъ людей, жандармъ величественно отдѣлялъ часть хвоста и объявлялъ остальнымъ:

— Вотъ столько. Сейчасъ больше не успѣютъ. Прійдите черезъ 2 часа.

И безропотно подчинялись несчастные больные. И приходили и опять стояли часами. Гордость русской сцены, престарѣлая артистка Императорскихъ Театровъ М. М. Глѣбова, едва держась на ногахъ, молча страдала и стояла часами. И къ стыду русскихъ долженъ констатировать, что были нахалы, умудрявшіеся нарушать очередь и втискиваться впередъ межъ безхарактерныхъ людей, стоявшихъ въ началѣ очереди и не умѣвшихъ или не желавшихъ ссориться. А нѣмцы ходили глазѣть на этотъ своеобразный смотръ русскимъ плѣнникамъ, дефилировали мимо со своими патристическими пѣснями и всячески провоцировали насъ, надѣясь на вспышку и побоище. Для внѣшняго соблюденія приличія приказъ явки былъ распространенъ на всѣхъ иностранныхъ подданныхъ, такъ что съ нами вмѣстѣ стояли и наши враги-австрійцы напимѣръ, но ихъ было очень-очень мало. Одна австрійчка, недовольная громкими разговорами и яркими нарядами русскихъ барышень, возмущенно заявила: „Ну, какъ этотъ народъ не ненавидѣть, когда изъ народнаго горя они дѣлаютъ народный праздникъ!“ И все это мы молча должны были выслушивать и проглатывать. Терпи, казакъ...

Пытка эта продолжалась два дня—5 и 6 августа; были люди, простоявшіе по три очереди, по 3—4 часа въ каждой, пока удостоивались приѣма и занесенія въ списки. А нѣмцы ходили, издѣвались надъ нами, изъ оконъ же участка высовывались чиновники и злорадно сообщали, что насъ скоро переведутъ въ сосѣдній городокъ на хлѣбъ и на воду.

Запись состояла въ томъ, что изъ вашего паспорта выписывали ваши имя и фамилію и спрашивали о родѣ занятій и мѣстѣ жительства. Затѣмъ выдавали вамъ клочекъ бумажки съ вашей фамиліей, печатью присутственнаго мѣста и отмѣткой дня заявки. Эти бу-

маженки сослужили многимъ вполѣдствіи очень плохую службу—начальства другихъ городовъ, руководясь датой заявки, безапелляціонно рѣшали, что такъ какъ она сдѣлана послѣ объявленія войны, то очевидно мы шпіоны, спеціально, ради этого благороднаго занятія, пріѣхавшіе въ Германію послѣ объявленія войны.

При этомъ небыло недостатка въ издѣвательствахъ со стороны нѣмцевъ, изощрявшихся въ своемъ извѣстномъ ослоуміи. Такъ, напр., когда одинъ господинъ предъявилъ паспортъ, выданный ему въ Калишѣ, регистраторъ, съ непередаваемой миной тупого самодовольства и глупой ироніи, бросилъ ему:

— Ахъ такъ, вы были русскимъ подданнымъ...

Впрочемъ, для чего была учинена вся эта комедія съ записью, мы такъ и не уяснили себѣ, ибо никакого распоряженія магистрата намъ не объявляли и никакого вниманія на нашу печальную участь люди, ожирѣвшіе на наши деньги, не обращали больше, если не считать даваемыхъ частнымъ образомъ дурацкихъ совѣтовъ: не одѣваться пестро, не разговаривать громко, не носить драгоценностей—все, чтобы де не возбуждать населенія! А населеніе возбуждалось самими властями и расклейками воззваній о шпіонахъ и т. п.

Ото всего міра мы были отрѣзаны. Нѣмецкимъ газетамъ нельзя было вѣрить ни на іоту—они писали только о нѣмецкихъ побѣдахъ и печатали анекдотическія донесенія о стычкахъ, въ которыхъ непріятель polegъ весь, а у нѣмцевъ одинъ легко раненный. Писемъ и газетъ иностранцамъ не выдавали, люди жили только слухами и вѣстями, приходившими съ оказіей. Такихъ извѣстій приходило очень мало, ибо въ Киссингенъ новопріѣзжавшихъ почти не впускали. Выше я говорилъ о случаяхъ съ Гавенда, Леполадскимъ и другими. Вотъ еще разительный примѣръ.

Во время мобилизаціи въ Берлинѣ застряла жена

петроградскаго инженера Р. Д. Ассъ. Что она пережила въ гостинницѣ „Englischer Hof“ — просто невѣроятно. Толпа ворвалась въ гостинницу и требовала снять антинаціональную (!) вывѣску, но хозяинъ имѣлъ мужество воспротивиться этому идиотскому требованію; тогда толпа хотѣла ломиться въ комнаты и истребить обстановку. Кучка несчастныхъ соотечественниковъ забились въ одну комнату, забаррикадировалась и съ трепетомъ ждала своей участи. Кое-какъ чернь удалось выпроводить и первая опасность миновала, но недѣлю несчастные боялись выходить на улицу, и такъ какъ при гостинницѣ небыло ресторана, то питались кофе и чаемъ, да купленной черезъ прислугу въ колбасной холодной ѣдой. Наконецъ г-жа Ассъ рѣшила ѣхать въ Киссингенъ, гдѣ находились ея родители. Получивъ отъ властей пропускъ до Киссингена, она тронулась въ путь; со многими остановками, задержками, пересадками, обысками и прочими прелестями она, наконецъ, доѣхала. На вокзалѣ въ Киссингенѣ ее арестовали, отвели въ отдѣльную комнату, обыскали и при ней спросили по телефону начальство: сейчасъ ли отправить ее обратно въ Берлинъ или временно перевести въ тюрьму. Несчастная женщина разрыдалась и просила дать ей возможность хотя-бы повидаться съ родителями. Эту просьбу уважили и сцена семейной встрѣчи произвела такое впечатлѣніе на присутствовавшаго дежурнаго офицера, бывшаго также отцомъ семейства, что онъ переложилъ гнѣвъ на милость и дозволивъ ей вѣздъ въ Киссингенъ.

Наконецъ начальство рѣшило, что первая мобилизація кончена и потому опасность предательства со стороны иностранцевъ менѣе рѣзка—выдадимъ имъ, молъ, почту, пусть почитаютъ; но предварительно насъ вновь подвергли издѣвательской процедурѣ номеръ второй. Потребовали нашей явки къ военному началь-

ству Bezirkskommando (нѣчто вродѣ нашего воинскаго начальника), такъ какъ власть гражданская уступила мѣсто власти военной; при этомъ всѣ должны были запастись своими фотографическими карточками. На этомъ дѣлѣ, конечно, блестяще заработали мѣстные фотографы, назначавшіе при заказѣ одну цѣну (фотографъ Гофманъ) и требовавшіе нахально при выдачѣ другую—платить все равно приходилось, волей-неволей. Опять въ этомъ воинскомъ управленіи приходилось становиться въ очередь и часами стоять на солнцепекѣ, опять приходилось претерпѣть рядъ униженій и издѣвательствъ. При этомъ намъ еще болѣе подчеркнули, что мы „враги“; именно вышла какая то морда и заявила: „Американцы, голландцы и вообще націи, съ которыми мы не воюемъ, могутъ получать удостовѣренія внѣ очереди“. И гордо выходили изъ очереди американцы, австрійцы и представители прочихъ нейтральныхъ или дружественныхъ Германіи націй и надменно проходили мимо насъ, а мы стояли, кусали молча губы и глотали незаслуженныя оскорбленія.

Какъ курьезъ отмѣчу, что въ этомъ военномъ управленіи висѣлъ портретъ Вильгельма въ штатскомъ. Здѣсь надо было предъявить военному писцу свои документы, фотографію, онъ заполнялъ особый бланкъ, съ отмѣтками о датѣ вашего рожденія (чѣмъ раньше не интересовались), о родѣ занятій и пр. и пр., клеивалъ вашу фотографію, скрѣплялъ ее печатью и давалъ все подписывать коменданту. Работало одновременно 5 человекъ, но русскихъ было такъ много, что эта комедія отнимала порядочно времени.

Съ этой бумажкой надо было итти на почту. Тамъ насъ ждало издѣвательство номеръ третій. Опять очередь, опять стоянка, опять изматыванье нервовъ. На почтѣ комендантское свидѣтельство отбирали, отыскивали вашу корреспонденцію и передавали въ цензуру-

вочную комнату: тамъ сидѣли добровольцы изъ лингвистовъ, даже по еврейскому языку, вскрывали ваши письма и жадно читали интимныя строки. Душа переворачивалась, желчь вскипала, кровь начинала стучать вамъ въ виски, а палачи-добровольцы съ наслажденіемъ шуршали страницами и искали малѣйшей зацѣпки, чтобы объявить васъ шпиономъ и бросить въ яму.

Черезъ два дня послѣ объявленія о выдачѣ иностранцамъ корреспонденціи, выдачу ея внезапно прекратили и всѣхъ выгнали въ буквальный смыслъ слова изъ почтамта; а потомъ, черезъ сутки, опять перемѣнили политику и вновь стали выдавать намъ почту. Такъ во всемъ, въ крупномъ и въ мелочахъ, у нѣмцевъ бывало по семи пятницъ на недѣлѣ.

Но все это касалось нашего пребыванія тамъ, мы же всѣ жадно стремились уѣхать, но никто не зналъ, какъ можно ѣхать, куда, какія границы и пути открыты, да и можно ли пробраться вообще. Собственно вопросъ въ это время сводился только къ двумъ границамъ—датской и швейцарской, но открыть ли проѣздъ и пропускаютъ ли русскихъ—никто не зналъ. Обращались въ магистратъ, но городской голова Фуксъ, на русскія деньги отравившій себѣ брюшко, корректно холодно отдѣлывался незнаніемъ и ссылался на комендатуру. Комендатура говорила, что пока нѣтъ прямыхъ распоряженій изъ Мюнхена, они ничего не могутъ сказать. Запрашивали по телеграфу берлинскихъ знакомыхъ—тѣ отвѣчали, что изъ Берлина никуда проѣхать нельзя и совѣтовали сидѣть въ Киссингенѣ и не рыпаться. Сложились и послали повѣреннаго въ Берлинъ разузнать—тотъ тамъ такъ и застрялъ. Телеграфировали въ Стокгольмъ и не получали отвѣта. Думали ѣхать черезъ Швейцарію, Италію, Босфоръ и Одессу, но въ газетахъ писали, что Дарданеллы минированы, что Турція мобилизуется и русскихъ тамъ посадятъ на колъ. Въ Reisebureau

(бюро путешествій), гдѣ вмѣсто взятыхъ на войну служащихъ сидѣли волонтеры съ національными значками, русскимъ сквозь зубы отвѣчали, что насчетъ Даніи ничего не извѣстно, а Швейцарія-де прямо заявила, что русскихъ вообще не принимаетъ. Потомъ оказалось, что это была шовинистическая передержка: Швейцарія, опасаясь голода, не впускала вообще иностранцевъ. Вскорѣ изъ Берна испанскій консулъ отвѣтилъ на телеграфный запросъ, что Швейцарское правительство разрѣшаетъ проѣздъ черезъ свою территорію иностранцамъ, а потомъ пришла телеграмма, что разрѣшается и въѣздъ обеспеченнымъ матеріально людямъ—такъ народъ отелесодержателей остался вѣренъ себѣ: лишь бы содрать, а тамъ наплевать. Но зато приходили извѣстія, что и въ Швейцаріи не выплачиваютъ по аккредитивамъ—часть отъ часу не легче. Однако ѣхать необходимо было, ибо тучи все болѣе и болѣе сгущались и въ Киссингенѣ все болѣе и болѣе становилось неуютно.

Да, ѣхать, но какъ и куда?..

V.

Драма русской актрисы.

Здѣсь исторія пережитыхъ мною мытарствъ тѣсно сплетается съ исторіей испытаній, выпавшихъ на долю молодой русской артистки г-жи Б.

Молодая дама, страдавшая ревматизмомъ, поѣхала, по совѣту берлинскихъ врачей лѣчиться въ Ахенъ. Было это задолго еще до войны, когда никто и не помышлялъ о грядущемъ кровавомъ бѣдствіи. Какъ старый знакомый, я находился съ нею въ перепискѣ и, къ счастью, зналъ ея адресъ въ Ахенъ. Когда разыгрались событія, описанныя мною въ первой главѣ и я повезъ своего больного отца изъ Наугейма къ больной матери въ Киссингенъ, я, конечно, не могъ предполагать того, поистинѣ, разбойничьяго набѣга, который кровожадная Германія предприняла по отношенію къ беззащитной Бельгіи. Напротивъ, я предполагалъ, что такъ какъ Ахенъ близокъ къ нейтральной странѣ, намъ, всѣмъ русскимъ, возможно будетъ проѣхать черезъ него въ Бельгію и оттуда моремъ вернуться въ Россію. Зная, что г-жа Б. плохо владѣетъ нѣмецкимъ языкомъ, я, по приѣздѣ въ Киссингенъ, телеграфировалъ ей и совѣтовалъ спокойно оставаться въ безопасномъ, по моему мнѣнію, Ахенѣ и ждать, когда я повезу своихъ родныхъ черезъ Ахенъ и захвачу тамъ и ее. Во время мобили-

заціи телеграммы шли невѣроятно медленно и только черезъ два дня я получилъ телеграмму (и то спасибо, что нѣмцы выдали ее), межъ строкъ которой сквозило отчаяніе:

„Не позволяютъ оставаться здѣсь. Что дѣлать? Б“.

Я срочно телеграфировалъ совѣтъ немедленно выѣхать въ Киссингенъ, такъ какъ стало ясно, что русскихъ изъ Ахена выселяютъ. Моя отвѣтная телеграмма скрестилась въ пути со второй телеграммой г-жи Б., на имя моей квартирной хозяйки, съ запросомъ, въ Киссингенѣ ли я еще или нѣтъ. Опять срочно телеграфирую, для вѣрности на имя хозяина гостинницы „Кайзербадъ“ въ Ахенъ, гдѣ жила г-жа Б., подробное наставленіе, какъ проѣхать въ Киссингенъ. Получаю лаконичный отвѣтъ:

„Она не у насъ—въ полиціи. Кайзербадъ“.

Телеграфирую срочно въ Ахенскую полицію просьбу препроводить даму въ Киссингенъ. Получаю отвѣтъ:

„Г-жѣ Б. пребываніе въ предѣлахъ Германской Имперіи воспрещено. Уголовная полиція“.

Я опять срочно запрашиваю, куда, въ такомъ случаѣ, ее вышлютъ, на какую границу, могу ли перевести для нея деньги, если понадобится и т. д., и получаю ужасный отвѣтъ:

„Г-жа Б. переведена въ королевскую тюрьму. Уголовная полиція“.

Что дѣлать?.. какъ помочь?..

Вмѣстѣ съ упомянутымъ петроградскимъ адвокатомъ Каплуномъ идемъ къ самому извѣстному въ Киссингенѣ присяжному повѣренному—да будетъ обнародовано имя этого мерзавца—доктору Бульгеллеру, котораго рекомендовала мнѣ квартирная хозяйка. Не застаемъ его дома; намъ говорятъ: прійдите въ половинѣ девятого вечера. Приходимъ вечеромъ. Звонимъ. Открываетъ какая взлохмоченная, весьма неаппетитнаго

вида особа, какъ потомъ оказалось жена этого фрукта.

— Что вамъ угодно?

— Мы хотѣли бы видѣть господина повѣреннаго.

— Онъ теперь ужинаетъ.

— Но намъ сказали прійти въ это время. Впрочемъ, мы готовы посидѣть въ пріемной.

— А кто вы такіе?

— Мы также присяжные повѣренные, наши фамиліи такія-то, насъ посылаетъ хозяйка такая-то.

— Вотъ какъ. Ну, вы можете подождать и на улицѣ.

И, не впустивъ насъ даже въ домъ, она захлопнула дверь. Мы съ коллегой Каплуномъ видали виды, всякіе кліенты у насъ бывали, особенно въ молодые годы, въ началѣ практики, но такой номеръ и для насъ былъ новъ. Въ недоумѣніи мы стояли. Уходить не хотѣлось, потому что адвокатъ этотъ славился, какъ лучшій, а забота о судьбѣ заключенной въ тюрьму соотечественницы была для насъ выше личнаго самолюбія, щелчки по которому въ это тяжелое время стали самымъ зауряднымъ явленіемъ.

Черезъ нѣкоторое время звякнула задвижка, открылась форточка и высунулась голова адвоката:

— Кто здѣсь хотѣлъ меня видѣть? А, это вы. Можете войти.

Вошли, раздѣлись; зашли въ кабинетъ; представились.

Онъ кивнулъ головой и никому не подалъ руки. Сѣли. Я представилъ, кромѣ ссылки на квартирную хозяйку, рекомендательное письмо отъ раньше упомянутого доктора Тричлера, въ которомъ тотъ удостовѣрялъ, что знаетъ меня давно, какъ своего пріятеля. Никакого впечатлѣнія. Излагаю дѣло.

— Вамъ рѣшительно нечего беспокоиться. Ничего особеннаго не случилось. Просто всѣхъ русскихъ высла-

ли; ваша же знакомая, плохо понимая языкъ, не исполнила приказа—вотъ ее и забрали.

— Но позвольте, вѣдь ее посадили въ тюрьму, вѣдь это ужасъ!

— Никакого ужаса здѣсь нѣтъ. Вы думаете у насъ тюрьмы такія, какъ у васъ тамъ въ Россіи, язвительно вставилъ онъ. Вовсе нѣтъ, они у насъ только, что не санаторіи.

Пришлось и эту пилюлю проглотить.

— Но что же вы совѣтуете предпринять?

— Отправьтесь въ мѣстный прокурорскій надзоръ и попросите ихъ офиціально навести справку, почему дама арестована и на какихъ условіяхъ ее можно препроводить сюда. Да спросите мѣстнаго директора почтамта, можно ли посылать заключеннымъ телеграммы.

Второй совѣтъ былъ совершенно вздорный, а первый былъ очевидно данъ, чтобы отдѣлаться, ибо этотъ господинъ попросту не захотѣлъ взять на себя веденіе дѣла враговъ родины. А, какъ потомъ оказалось, для нѣмецкаго адвоката взяться за такое дѣло было вовсе не такъ трудно, но д-ръ Бульгеллеръ былъ сверхъ-патріотъ, четыре брата и отецъ котораго пошли на войну, а самъ онъ съ утра до вечера водилъ по окрестнымъ деревнямъ дружины подростковъ, горланившихъ нѣмецкія патріотическія пѣсни и проходившихъ подъ его просвѣщеннымъ руководствомъ школу челоѣконенавистничества. За совѣтъ сей мужъ взялъ десять марокъ, чего русскій адвокатъ, принимая во вниманіе, что совѣтъ былъ данъ товарищамъ по профессіи, никогда бы не сдѣлалъ, и руки на прощанье опять не протянулъ.

Мы съ Каплуномъ терялись въ догадкахъ, что могло послужить причиной ареста. Предполагали, что бѣдная дамочка въ сердцахъ ударила арестовавшаго ее шуцмана, или, что шпіоны подслушали ея разговоръ съ

какимъ либо соотечественникомъ, или, что нибудь въ этомъ родѣ. Я вспомнилъ, что г-жа Б. имѣла обыкновеніе вести дневникъ. Легко въ послѣдніе дни она могла занести въ него что нибудь анти-нѣмецкое—довольно, чтобы возбудить обвиненіе въ шпіонствѣ *). Но въ телеграммахъ уголовной полиціи я сообщалъ, что знаю ее и ручаюсь за нее, почему-же въ такомъ случаѣ не арестовали и меня; почему меня до сихъ поръ оставляютъ на свободѣ?

Хозяйка виллы, гдѣ мы жили, которую я просилъ отправить одну изъ первыхъ телеграммъ, (я опасался, что телеграмма, подписанная иностранцемъ, можетъ не дойти), считала меня завѣдомо пропащимъ человѣкомъ, а себя—сообщницей врага родины, подлежащей за это наказанію по законамъ военнаго времени. Страхъ ея при этомъ доходилъ до того, что, ожидая выселенія всѣхъ русскихъ въ административномъ порядкѣ изъ Киссингена, она предложила моимъ родителямъ и мнѣ спрятать насъ въ погребѣ. Я разсмѣялся на этотъ вздоръ и объяснилъ ей, что за это уже навѣрно разстрѣляли бы и ее и насъ.

На другое утро послѣ бесѣды съ блестящимъ представителемъ нѣмецкой адвокатуры, я отправился въ мѣстный прокурорскій надзоръ, къ т. н. *Amtsanwalt'u*. Здѣсь пріемъ былъ несравненно вѣжливѣе и любезнѣе.

— Вамъ рѣшительно нечего беспокоиться, съ вашей знакомой ничего, навѣрное, не случилось. Просто она плохо изъясняется по-нѣмецки, переводчика подъ рукой нѣтъ,—вотъ ее и заточили, очень просто.

Дѣйствительно, для нѣмцевъ посадить въ тюрьму русскую больную женщину, пріѣхавшую къ нимъ лѣ-

*) Потомъ оказалось, что ничего этого не было, ибо за подобное нѣмцы въ то время безъ разговоровъ разстрѣливали. Особенно отличился въ подобныхъ разстрѣлахъ городъ Лейпцигъ.

читься и проживать свои русскія денежки—было очень просто.

— Хорошо, но что же дѣлать?

— Пока ничего не дѣлать. Недурно было бы вамъ съѣздить туда, но сейчасъ это немыслимо, нечего и думать.

— Я самъ прежде всего объ этомъ подумалъ, но выпустятъ ли меня?

— Вы доѣдете до первой станціи отъ Киссингена, будете тамъ арестованы и посажены въ тюрьму, какъ и она. А пропуска отсюда вамъ все равно никто не выдастъ.

— Такъ что же дѣлать?

— Ждать. Теперь возлѣ Ахена база операціонныхъ дѣйствій. Взять Льежъ. Не до нея; а потомъ—будетъ время—и ее вмѣстѣ съ другими иностранцами вышлютъ изъ Германіи.

— А не можете ли вы, г. прокуроръ, официально справиться по телефону въ Ахенъ о причинѣ задержанія г-жи Б.?

— Никоимъ образомъ. Это будетъ вмѣшательство не въ свое дѣло. Къ тому же Ахенъ—Пруссія, а мы здѣсь находимся въ Баваріи.

— Могу ли я заключенной телеграфировать?

— Конечно нѣтъ. (Хорошъ былъ десятимарковый со-
вѣтъ адвоката Бульгеллера!)

— Можетъ быть директору тюрьмы?

— Тоже не имѣетъ смысла. Онъ не можетъ вамъ отвѣтить; а вы вотъ что лучше сдѣлайте: запросите ахенскую полицію, арестована ли г-жа Б. въ порядкѣ охраны или же о ней производится предварительное слѣдствие (Schutzhaft oder Untersuchungshaft)?!

Аудіенція была кончена. Я отправился на телеграфъ и послалъ двѣ срочныхъ телеграммы съ опло-
ченнымъ отвѣтомъ. Одну хозяину гостинницы, а дру-

гую—ахенской полиціи съ запросомъ въ указанной прокуроромъ формѣ. Черезъ 24 часа пришелъ отвѣтъ:

Отъ гостинницы:

„Пока въ порядкѣ охраны. Кайзербадъ“.

Что значило это „пока“? Пока обнаружится виновность въ шпіонажѣ, что ли? Полиція же отвѣчала:

„Обратитесь къ директору тюрьмы. Уголовная полиція“.

Значить и совѣтъ прокурора былъ неправильный.

Опять потеря времени и опять шагъ на мѣстѣ.

У меня явилась мысль, не обратиться ли непосредственно къ прусскому министру юстиціи. Пошелъ къ раньше нѣсколько разъ упомянутому доктору Тричлеру, который самъ доводился племянникомъ какому-то министру. Онъ мой планъ одобрилъ. Пошелъ къ моему хорошему знакомому, старѣйшему врачу Киссингена, придворному совѣтнику Дицу, наполовину разбитому параличомъ старику, лѣчившему моихъ родителей; когда то онъ написалъ двѣ пьесы, а я помѣстилъ въ нѣмецкомъ журналѣ большую статью о нихъ и это насъ сблизило. И онъ одобрилъ мой планъ телеграфировать министру. „Просить о своемъ правѣ,—нѣтъ, право должно требовать“, вспомнилъ я классическія слова знаменитаго нѣмецкаго юриста Рудольфа Іеринга. Восприняли нѣмцы его ученіе—нечего сказать!

Въ Киссингенѣ въ то время также находился популярный кіевскій адвокатъ Акимъ Яковлевичъ Погорьльскій. Пошелъ я къ нему; онъ принялъ очень теплое участіе во всей исторіи, и словомъ и дѣломъ сталъ помогать мнѣ, гдѣ могъ. Совѣтъ прокурора онъ осудилъ—зачѣмъ вы такъ телеграфировали, вѣдь подобные вопросы только наведутъ нѣмцевъ на ложное подозрѣніе?! Зато онъ также одобрилъ мой планъ телеграфировать министру юстиціи, минуя ахенскаго прокурора, о которомъ я подумалъ было. Вмѣстѣ мы составили длин-

нѣйшую телеграмму на имя министра, въ 101 слово, въ самыхъ изысканныхъ и вѣжливыхъ выраженіяхъ. Я телеграфировалъ, что знаю несчастную заключенную давно, что ручаюсь за нее головой, что тюремное заключеніе губительно для ея здоровья и т. д. и т. д.

Понесъ я написанное на телеграфъ. Чиновникъ, принимавшій телеграмму, взглянувъ на адресъ, сталъ невѣроятно почтителенъ и посовѣтовалъ мнѣ не отправлять ее срочной, ибо „такимъ высокимъ особамъ, съ трепетомъ благоговѣнія въ голосъ объяснилъ онъ, телеграммы передаются не въ очередь, въ первую голову“.

Телеграмма пошла, но отвѣта не было. (Какъ потомъ оказалось потому, что я не перевелъ соотвѣствующаго гербоваго сбора).

Тогда, по совѣту московскаго доктора Переля, я послалъ срочную телеграмму, съ оплоченнымъ отвѣтомъ и съ изложеніемъ всего происшедшаго, испанскому консулу ближайшаго къ Ахену города—Кельна.

Отвѣта не было.

Въ отчаяніи отъ безуспѣшности всѣхъ попытокъ освободить несчастную, я телеграфировалъ подробно директору ахенской тюрьмы; прибавилъ, что знаю г-жу Б. и всецѣло ручаюсь за нее. Отвѣтъ получился ошеломляющій:

„Обратитесь въ военный судъ, которому я передалъ вашу телеграмму. Директоръ тюрьмы“.

Несчастная предана военному суду. Но почему же тогда оставляютъ на свободѣ меня, который своими телеграммами заваливалъ власти? Или со мною играютъ, какъ кошка съ мышью? Когда же меня арестуютъ? Когда?

VI.

Рискнемъ на авось.

Тягостное настроеніе въ Киссингенѣ желѣзнымъ кольцомъ смыкалось вокругъ насъ. Съ одной стороны насъ какъ будто не замѣчали, точно мы не существовали вовсе; съ другой стороны, подъ личиной видимой свободы, мы были въ сущности на самой короткой привязи. Самое ужасное было фактическое лишеніе права переписки, ибо разрѣшались, какъ я говорилъ раньше, только письма внутри страны или изъ странъ нейтральныхъ, притомъ только открытыя письма и только на нѣмецкомъ языкѣ; кто этого варварскаго языка не зналъ—не могъ и строчки получить отъ товарища по несчастью, застрявшаго въ другой дырѣ проклятой страны. Въ Россію и изъ Россіи сколько угодно можно сноситься по нѣмецки, а въ Германіи даже внутри страны не допускали другого языка, кромѣ собственнаго—вотъ вамъ и культура! При этомъ полная неизвѣстность относительно будущаго—выпустятъ ли насъ, куда, когда—никто ничего не зналъ и никто изъ наживающейся на насъ, гостяхъ, курортной администраціи не интересовался даже узнать, не говоря уже о громовержцахъ тамошнихъ—властяхъ военныхъ. Ходили слухи, что часть гостинницъ и общественныхъ зданій передѣлывается подъ лазареты и съ прибытіемъ перваго раненнаго городъ долженъ быть

очищенъ отъ вреднаго элемента—иностранцевъ, страшно опасныхъ (sic!) для эвакуируемыхъ. Одинъ врачъ рассказывалъ за достовѣрное, что всѣхъ русскихъ отвозутъ на восточную границу и выпустятъ въ такомъ мѣстѣ, откуда до первой русской станціи прійдется идти 25 верстъ по сыпучему песку, съ багажомъ на плечахъ. Слуху этому вѣрили потому, что въ первые дни мобилизаціи неоднократно были случаи, когда русскихъ съ пограничныхъ станцій, чуть не по этапу, возвращали внутрь Германіи. Перспектива шествовать пѣшкомъ по песку привела публику въ ужасъ и всѣ стали запаса́ться медицинскими свидѣтельствами, въ большинствѣ случаевъ правдивыми, что они больны и пѣшкомъ идти не въ состояніи.

Многія гостинницы закрывались и жильцы, оставшіеся безъ крова, съ трудомъ находили себѣ пристанище. Такъ, напр., графъ А. Н. Тышкевичъ, извѣстный польскій магнатъ и популярный въ Кіевѣ, да и не въ одномъ Кіевѣ, человѣкъ, послѣ закрытія гостинницы „Викторія“, зашелъ ко мнѣ спросить, нѣтъ ли комнатъ въ виллѣ, гдѣ мы остановились. Я пригласилъ хозяйку и та, не особенно охотно впрочемъ, согласилась впустить въ домъ еще русскихъ. Цѣну графъ далъ не торгуясь. По уходѣ его, хозяйка попросила меня устроить такъ, что-бы графъ перевезъ свои вещи позднимъ вечеромъ, иначе, молъ, киссингенцы обвинятъ ее въ русофильствѣ! Графъ, учившійся между прочимъ въ германскомъ университетѣ въ Боннѣ вмѣстѣ съ теперешнимъ императоромъ Вильгельмомъ, бывшій съ нимъ на „ты“ и имѣвшій его секундантомъ на студенческой дуэли, человѣкъ выше всего дорожившій своей честью и достоинствомъ, страшно возмутился этимъ предложениемъ. „Я честный человѣкъ и мнѣ не отъ кого и нечего прятаться. Я готовъ умереть, выйдя на улицу и защищаясь отъ черни, но пробираться ночью, какъ воръ, я

не стану!“ И онъ былъ правъ; въ нашу виллу графъ, конечно, не переѣхалъ, а трусливая хозяйка лишилась ходнаго постояльца. Долженъ еще сказать, что узнавъ объ описанной мною въ предыдущей главѣ драмѣ русской артистки, графъ, очень мало зная меня и вовсе не зная г-жи Б., немедленно по джентльменски предложилъ мнѣ, если я долженъ уѣхать сопровождать больныхъ родителей, проводить даму, если бы она прибыла по освобожденіи въ Киссингенъ, въ Россію, и вообще оказать ей нужную помощь. Такіе люди встрѣчаются рѣдко.

Непріязнь къ русскимъ переходила въ ненависть и презрѣніе, ясно выраженное. Многіе на улицѣ въ отвѣтъ на вопросъ, заданный на плохомъ нѣмецкомъ языкѣ, плевали или отвѣчали ругательствами по адресу всей русской націи. Такъ, напр., русскій пом. присяжнаго повѣреннаго Шейнцвитъ зашелъ въ кофейню и спросилъ кофе съ булочками. Вы иностранецъ, задалъ вопросъ хозяинъ.—Да.—Вы русскій?—Тотъ промолчалъ.—Вы русскій, я васъ спрашиваю?!—Да.—Въ такомъ случаѣ вонъ отсюда, для русской дряни у меня ничего нѣтъ. И широко распахнувъ двери, онъ весьма недвусмысленнымъ жестомъ попросилъ посѣтителя убраться. Что было дѣлать? Дать хозяину по фізіономіи—это значило бы вызвать погромъ русскихъ. Пришлось, какъ оплеванному, уйти.

Наконецъ по вечерамъ начались прямая нападенія на русскихъ. Днемъ шакалы боялись нашихъ кулаковъ, но подъ покровомъ темноты они становились отважны, а оружія у насъ не было, ибо раньше еще шуцманъ обходилъ всѣхъ русскихъ, опрашивалъ и конфисковалъ оружіе. Понуро и пугливо озираясь, собирались къ источнику, единственному мѣсту встрѣчъ и обмѣну мыслей, русскіе, какъ зачумленные, лишенные пріюта и уюта. Около десяти часовъ вечера начальство гасило уже свѣтъ, чтобъ люди, уплатившіе сполна кур-

таксу и лишенные хоть какогонибудь развлечения, даже не могли бы поболтать другъ съ другомъ и скорѣй расходились по домамъ. Но когда начались нападенія, то вмѣсто того, чтобы усилить пикеты, просто отдали приказъ, и то полу-официально: никому изъ иностранцевъ, подѣ страхомъ немедленнаго ареста, не появляться на улицахъ послѣ 9 часовъ вечера. Всѣ возмутились. Но что пользы?! Возмущайтесь въ кулакъ, какъ иронически сказала одна русская дама. Потомъ время ограничили даже 6-ю часами вечера. Словомъ, мы оказались форменно на положеніи военно-плѣнныхъ, да и только.

До чего на каждомъ шагѣ можно было попасть въ самое критическое положеніе, доказываетъ слѣдующій случай, бывшій со мною. Вмѣстѣ съ одной молодой полькой, которую мы прозвали Джіокондой, въ виду поразительнаго сходства ея съ знаменитой картиной Леонардо-да-Винчи, я гулялъ по парку; добравшись до лѣсистой опушки его, на горѣ Альтенбергъ, мы на самомъ краю поля присѣли на траву. — Закуримъ, сказала она. — Знаете, пани, здѣсь неснятый хлѣбъ рядомъ, ктонибудь увидитъ и нѣмцы съ перепугу насъ обвинять въ поджогѣ. — Пустяки. Въ этотъ моментъ вдругъ показалась лѣсная стража. Намѣреніе покурить мы оставили и, какъ потомъ оказалось, хорошо сдѣлали—насъ разстрѣляли бы за покушеніе на поджогъ несжатаго хлѣба! Вотъ какіе времена были...

Въ это время пошли слухи, что Bezirkskommando, т. е. тотъ-же воинскій начальникъ, что выдавалъ почтовые свидѣтельства, выдаетъ пропускныя свидѣтельства для выѣзда изъ Германіи или для переѣзда въ другой городъ. Пошелъ я съ Каплуномъ туда. Оказалось—правда, но официально извѣстить несчастныхъ плѣнниковъ никто не счелъ нужнымъ—сидите, молъ, пока мы васъ въ тюрьму не посадимъ. Опять была большая очередь—

четвертая стоянка уже по счету. Долженъ сказать, что самъ комендантъ, Буттнеръ по фамиліи, былъ очень любезенъ, подчиненные же его—писцы—невѣроятные хамы. У Каплуна, у меня и у многихъ другихъ сомнительнымъ являлся вопросъ о возрастѣ. Буттнеръ заявилъ намъ, что лицамъ отъ 17 до 45 лѣтъ отъ роду онъ свидѣтельствъ выдать не можетъ. Многіе принесли свидѣтельства врачей, большей частью мѣстныхъ, о негодности къ военной службѣ, но комендантъ сказалъ, что пока есть распоряженіе изъ Мюнхена только о возрастѣ, независимо отъ годности къ военной службѣ, и потому онъ самъ выдать никакихъ пропусковъ не можетъ, а когда придетъ распоряженіе по вопросу о годности, то насъ будутъ свидѣтельствовать мѣстные военные врачи.

Неунывающий Каплунъ послалъ телеграмму испанскому консулу въ Мюнхенъ, (между прочимъ, что мы находимся подъ охраной испанскаго правительства, намъ опять таки никто официально не объявилъ), и получилъ отвѣтъ, что выдача свидѣтельствъ на право выѣзда должна производиться мѣстной полиціей. Извольте, пойдите ка, доказывать нѣмецкой военной власти, что она неправомочна! Послали телеграмму уже испанскому посланнику въ Мюнхенъ, отвѣта не было. Но тутъ пришло распоряженіе свидѣтельствовать и мѣстные военные врачи стали изслѣдовать русскіе тѣла; свидѣтельствовали тщательно и усердно. Многимъ выдавали аттестаты такого рода: не годенъ для полевой, но годенъ для гарнизонной службы. Обрадованный человекъ летѣлъ къ коменданту и получалъ на этомъ основаніи... отказъ въ пропускѣ.

Лицъ старше 45 лѣтъ тоже не всѣхъ выпускали. Такъ, напр., лѣчился въ Киссингенѣ престарѣлый отставной военный инженеръ Широковъ (изъ Петрограда) съ женой и дочерью. Ему на отрѣзъ отказали въ пропускѣ, мотивируя это тѣмъ, что онъ бывшій военный.—

Да, позвольте, я ходить уже не могу!—Это безразлично.—Но мнѣ ѣсть нечего, по аккредитиву не выплачиваютъ, и по переводамъ не выдають.—Подайте прошеніе магистрату и васъ съ семьей поселятъ на казенный счетъ въ сосѣднемъ городкѣ. Положеніе...

Каплуна признали негоднымъ мѣстные военные врачи. Мнѣ изъ Берлина прислалъ тамошній военный врачъ, мой старый пріятель окулистъ Фрицъ Шелеръ, 15 лѣтъ лѣчившій мои больные глаза, и бывший въ большой дружбѣ со всей нашей семьей, удостовѣреніе, что я (какъ это и соотвѣтствовало истинѣ) не пригоденъ къ военной службѣ; при этомъ онъ также клятвенно ручался, что я не шпіонъ и вполне благонамѣренный чело-вѣкъ. Свидѣтельство его сыграло большую роль и впоследствии нѣсколько разъ вызволяло меня изъ критическаго положенія.

Опять пошли въ очередь и опять стояли. Здѣсь не могу не заклеить поведенія одного кіевлянина, имя котораго я считаю своимъ долгомъ называть полностью—Соломона Яковлевича Кельбера. Съ полнымъ неуваженіемъ къ тому, что больные и старые люди часами стояли въ очереди на палящемъ солнцѣ, онъ, подъ видомъ разговора съ лицомъ, стоявшимъ впереди, имѣлъ наглость втиснуться не въ очередь. Къ ряду замѣчаній сзади онъ остался глухъ. Но зато, когда нѣмецкому конвойному, стоявшему у входа, сѣла на рукавъ оса, онъ подобострастно-почтительно смахнулъ ее—вотъ до чего можетъ пасть чело-вѣкъ! Я не выдержалъ и пошелъ объясняться съ конвойными, но они мнѣ рѣзко заявили, что не обязаны слѣдить за очередью и заявленія моего не могутъ принять во вниманіе. Пришлось уйти съ носомъ. Оса вызволила Кельбера.

Комендантъ уважилъ наши медицинскія свидѣтельства и выдалъ пропуски. Русскіе брали пропуски въ двухъ направленіяхъ—либо на югъ, на Линдау и оттуда

въ Швейцарію, либо—на сѣверъ, на датскую границу Вамдрупъ. Многие, въ томъ числѣ и мы, предпочитали послѣднее... Однако надо замѣтить, что пропуски эти составлялись очень хитро и съ чисто-іезуитскими лазейками: Такой-то—имя рекъ—столькихъ-то лѣтъ, желаетъ ѣхать туда то, къ чему со стороны мѣстныхъ военныхъ властей препятствій не имѣется. Подпись. Печать.“ Для лицъ отъ 17 до 45 лѣтъ, въ отмѣткѣ о возрастѣ, дѣлалась сноска: признанъ, согласно военно-медицинскому осмотру, негоднымъ къ военной службѣ, на основаніи такихъ то статей германскаго воинскаго устава. Юристъ въ такихъ проходныхъ свидѣтельствахъ найдетъ сколько угодно двусмысленныхъ недомолвокъ—и такъ оно и оказалось въ печальномъ дальнѣйшемъ.

Тѣмъ не менѣе отъѣздъ былъ окончательно рѣшенъ. Онъ совпалъ съ событіями, описаннымъ въ концѣ прошлой главы. Надо было только предпринять послѣднія мѣры къ спасенію несчастной г-жи Б. и вызволенію ея изъ плѣна. Я придумалъ еще слѣдующее: написалъ большое и обстоятельное прошеніе въ Ахенскій военный судъ, (не отвѣтившій на переданную ему директоромъ тюрьмы мою телеграмму), съ подробнымъ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Къ прошенію, снабженному всѣми моими адресами (киссингенскимъ, предполагаемымъ датскимъ и постояннымъ кіевскимъ), я приложилъ переводъ на 300 марокъ, на дорожные расходы и издержки по охранѣ, и просилъ освободить г-жу Б. и препроводить ее въ Данію, черезъ Вамдрупъ въ Копенгагенъ. Копію этого прошенія я препроводилъ заказнымъ порядкомъ испанскому посланнику въ Берлинъ, переведя ему одновременно небольшую сумму на телеграфные расходы и прося его со своей стороны оказывать возможное содѣйствіе. Какая судьба постигла оба ходатайства, читатель узнаетъ изъ дальнѣйшаго.

Время шло, медлить нельзя было и въ ночь съ

13-го на 14-е августа н. ст. (въ ночь на 1-е по нашему стилю) былъ назначенъ нашъ отъѣздъ. Ночью, потому что для вящаго удобства публики и для прощальной издѣвки надъ русскими, желѣзно-дорожное начальство включило въ новое военное расписаніе единственный поѣздъ для пассажировъ въ 3 ч. 08 м. утра. Это довершало всю систему благожелательнаго отношенія къ курортнымъ гостямъ. О большомъ багажѣ и думать нечего было, его не принимали совсѣмъ; пришлось оставить его на произволъ судьбы въ Киссингенѣ и въ небольшіе ручные баулы положить немного бѣлья и платья—только самое необходимое для краткаго—такъ думали мы въ своей наивности—пути. Какъ тати въ ночи, при грустномъ мерцаніи фонарей, сѣли мы вчетверомъ—мои родители, упомянутый присяжный повѣренный Погорѣльскій и я—въ ландо и поѣхали на вокзалъ. Тамъ было еще 13 русскихъ. Солдаты, вооруженный съ головы до ногъ, провѣрили наши билеты, станціонное начальство еще напоследокъ явило свою власть, выругало насъ за баулы, не положенные въ сѣтки, и заставило нѣкоторыхъ съ билетомъ II-го класса садиться въ III-ий; такъ мы выѣхали, форменнымъ образомъ съ русскимъ рискомъ на авось. Зато и дорога была чревата орнаментомъ.

VII.

Рискнули подъ дула винтовокъ.

Билеты продавали не до конечной станціи назначенія, а только до одной изъ ближайшихъ, и то самыхъ экземпляровъ билетовъ было такъ мало, что однимъ изъ насъ продали, напр., до Эйзенаха, а другимъ только до Мейнингена.

Компанія остальныхъ 13-ти русскихъ, ѣхавшихъ въ одномъ поѣздѣ съ нами, состояла изъ слѣдующихъ лицъ: сенаторъ, Егермейстеръ Двора Е. И. В., бывшій Н-скій губернаторъ Д., удивительно благородный и гуманный человѣкъ, всѣмъ намъ оказав шій громадную помощь въ этомъ многострадальномъ пути, директоръ департамента К., также очень симпатичный и весьма отзывчивый господинъ, фрейлина покойной Великой Княгини Александры Іосифовны М. Г. фонъ-Гарфельдъ, вице-директоръ департамента С. съ женой, жена Прокурора Московской Судебной Палаты Е. И. Арнольдъ съ дочерью, д. с. с. В. Г. Гончаревскій, д. с. с. М. Б. Струве съ женой, жена художника А. А. Жуковская, московскій врачъ В. Я. Дубовскій и инженеръ С. Ц. Бачисмальскій.

Надо при этомъ замѣтить, что такъ какъ почти всѣ станціонные носильщики Германіи пошли на войну,

то предвидѣлась пріятная перспектива самимъ таскать свой багажъ, что, при многочисленности грядущихъ пересадокъ, сулило мало пріятнаго. Поэтому наиболѣе состоятельные брали съ собою изъ Киссингена мѣстнаго жителя на роль носильщика-добровольца. Человѣкъ быстро ко всему приспосаблиется и потому выработалась даже своеобразная такса на этотъ счетъ: было извѣстно, напр., что до Линдау 3 дня ѣзды (вмѣсто нормальныхъ 8 часовъ), да 3 дня добровольцу обратно— всего 6 дней; вотъ они брали 120 марокъ за это удовольствіе, считая по 20 марокъ въ день. Время пути на Данію было неопредѣленно, а потому сдѣлка заключалась поденно, съ оплатой въ обратный путь числа дней прямого сообщенія туда, по расчету 10 марокъ въ день, плюсъ 5 марокъ въ день на кормежку, да плюсъ проѣздъ въ оба конца. На такихъ условіяхъ и мы наняли своего человѣка, но за нѣсколько часовъ до отхода поѣзда, позно вечеромъ, онъ по телефону отказался—какъ же, въ самомъ дѣлѣ, услужить врагамъ родины! Нанялъ себѣ также носильщика и директоръ департамента К.; какую роль опереточнаго *suí genérís* Сусанина пытался сыграть этотъ носильщикъ, читатели увидятъ изъ дальнѣйшаго. Фамилія его была очень оригинальная *Kuchenbrod* (печенье).

Отѣхавъ 18 километровъ отъ Киссингена, мы, около 4-хъ часовъ утра, должны были пересаживаться въ Эбенгаузенъ (*Ebenhausen*). Поѣзда пришлось, на холодкѣ сѣраго разсвѣта, ждать довольно долго. Къ утру мы доѣхали до Мейнингена, знаменитаго когда-то своимъ театромъ. Здѣсь, наоборотъ, времени для пересадки было очень мало, мы едва успѣли купить (кто не имѣлъ прямыхъ) билеты до Эйзенаха и сами, за почти полнымъ отсутствіемъ носильщиковъ, перетащить багажъ. Здѣсь, впервые послѣ Киссингена, солдаты, съ винтовками черезъ плечо, потребовали наши пропускныя свидѣ-

тельства и, внимательно прочитавъ ихъ, милостиво, разрѣшили намъ сѣсть въ поѣздъ, прибавивъ, что въ войнѣ виноваты мы, нѣмцы де ея не хотѣли. Въ полдень мы прибыли въ Эйзенахъ (Eisenach), гдѣ намъ объявили, что, по случаю продолжающейся мобилизации, мы только на другой день можемъ ѣхать дальше. Дѣлать нечего—отправились всѣ въ гостиницу противъ вокзала „Zum Grossherzog von Sachsen“. Это было 1/14 августа т. г.

Эйзенахъ очень интересный городокъ; здѣсь знаменитый замокъ Вартбургъ, полный воспоминаньями о Св. Елизаветѣ, о Тангейзерѣ, о Лютерѣ, здѣсь вообще много интереснаго, но теперь, конечно, не до этого было. Уныло сидѣли мы по своимъ комнатамъ. Попробовали немного пойти погулять по городу, но всюду были расклеены инсинуирующія телеграммы объ убійствѣ барона Каттовица въ германскомъ посольствѣ въ Петроградѣ и мы боялись, что въ насъ узнаютъ русскихъ и будетъ свалка. Между прочимъ, когда черезъ нѣсколько дней этотъ городъ проѣзжала семья генерала Ванновскаго, состоящая изъ трехъ дамъ, ребенка и няньки, то толпа, узнавъ, что въ гостинницѣ остановились русскіе, пыталась ворваться и кричала, что, въ отместку за Каттовица, имъ надо вырвать языки. Можно себѣ представить, что переживали несчастныя женщины въ эти мгновенья. Въ Эйзенахѣ же въ городѣ мы встрѣтили другую киссингенскую бѣглянку, кіевлянку г-жу Кафталъ; она пріѣхала наканунѣ и уѣзжала съ ночнымъ поѣздомъ; упоминаю объ этомъ потому, что она потомъ, какъ увидятъ дальше читатели, милостью судьбы избѣгла общей участи.

Дальнѣйшій путь вообще рисовался намъ очень туманно—такъ по дорогѣ въ Эйзенахъ съ нами ѣхалъ одинъ нѣмецкій почтовый чиновникъ, не въ примѣръ прочимъ любезный и только въ мѣру нетактичный человекъ, который самымъ серьезнымъ образомъ увѣ-

рялъ насъ, что черезъ Данію мы не можемъ проѣхать, т. к., ради сохраненія своего нейтралитета, Данія де минировала всѣ свои каналы и проливы, по которымъ ходятъ паромаы. Конечно, это оказалось вздоромъ.

На другой день, 2/15 августа, мы утромъ должны были ѣхать дальше. Какіе то ополченцы, въ штатскихъ костюмахъ, не то Landwehr, не то Landsturm, съ бѣлой повязкой черезъ рукавъ и съ винтовкой за спиной, охранявшіе вокзалъ, опять потребовали предъявленія пропускныхъ свидѣтельствъ, а болванъ, остановившій меня, рѣшилъ, кромѣ того, проявить и собственную инициативу и потребовалъ мое военно-медицинское свидѣтельство. Такъ какъ оно легло въ основу моего военно-пропускного билета, то киссингенскія власти смѣло могли его оставить у себя и приобщить къ своему производству, но къ счастью они не сдѣлали этого и я могъ удовлетворить любопытство ревниваго ополченца. Въ Эйзенахѣ къ намъ присоединились еще двое русскихъ, днемъ раньше насъ выѣхавшіе изъ Киссингена, супруги Леонардъ изъ Москвы, и мы поѣхали.

Немного отъѣхавъ, мы на небольшой станціи Герстунгенъ (Gerstungen), стояли цѣлый часъ и могли со всѣми деталями наблюдать отправленіе цѣлаго поѣзда съ войсками. Надо отдать имъ справедливость, солдаты ѣхали охотно, но вели себя по-мальчишески: всѣ вагоны были испещрены мѣловыми надписями и рисунками; напр., нарисованъ черепъ съ костями и подписано—„Ядъ для Франціи“; или надпись—„Россія станетъ баденской провинціей“; или нарисованы черепа и написано „Кегли изъ русскихъ головъ“ и т. п.

Въ Бебра (Bebra) насъ ждала первая серьезная непріятность. Въ вагонъ вошелъ солдатъ и спросилъ бумаги.

— А, вы русскіе,—пожалуйста за мной!

Я заявилъ ему, что мои родители страдаютъ бо-

лѣзнью сердца и не могутъ далеко и быстро итти.

— Хорошо, они могутъ подождать здѣсь.

И, отогнавъ немного любопытныхъ, онъ поставилъ возлѣ моихъ стариковъ, чтобы они не могли бѣжать, конвойного съ винтовкой на перевѣсъ съ поднятой собачкой. Меня и Погорѣльскаго повели, по дорогѣ захватили еще изъ остальныхъ 12 человѣкъ; у багажа, чтобы онъ самъ, вѣроятно, не убѣжалъ, унося въ Россію чертежи крѣпостей и планы мобилизаціи, поставили второго караульнаго, а насъ эскортировали къ начальству. Привели на карауль, гдѣ сидѣлъ какой-то майоръ съ сѣдыми усами и рядомъ орденовъ, театральнo-суровой наружности и напускной важности. Выстроили насъ въ шеренгу, въ затылокъ, и мы по очереди должны были дефилировать передъ нимъ. Первымъ былъ какъ разъ сенаторъ Д. Майоръ взялъ его паспортъ, вертѣлъ, скрывая недоумѣніе, во всѣ стороны, какъ мартышка очки, и, найдя наконецъ слово „сенаторъ“, обрадовался зацѣпкѣ и началъ:

— Вотъ вы пріѣдете въ Россію, такъ расскажите тамъ, какъ прилично и порядочно (sic!) съ вами вездѣ обращались здѣсь. А у васъ—позоръ! Какъ варвары!

Это былъ намекъ на убійство Каттовица. Но что сто человѣкъ за разгромъ посольства были преданы военному суду—это почтенный майоръ или не зналъ, или не хотѣлъ знать. Солдаты съ одобреніемъ слушали брань своего командира. А мы поневолѣ молчали и глотали незаслуженныя оскорбленія. Наконецъ осмотръ бумагъ окончился и насъ отправили обратно на перронъ. Надо при этомъ замѣтить, что, при всей шпіонофобіи нѣмцевъ, всѣхъ русскихъ въ поѣздѣ они всетаки не уловили и супруги Леонардъ и инженеръ Бачисмальскій, выйдя изъ вагона незамѣченными, этой унижительной ревизіи не подверглись.

Послѣ этого, сѣвъ въ другой поѣздъ, мы около

часу прохлаждались на ничтожной станці Нидергоне (Niederhone), скверный буфетъ которой при вагонной голодовкѣ показался намъ манной небесной. На станці Эйхенбергъ (Eichenberg), унтеръ-офицеръ зашелъ въ купэ и вновь ревизоваль бумаги. Послѣ пересадки въ Геттингенъ (Göttingen) и безцѣльной остановки въ Крейненъ (Kreinsen) мы къ вечеру доѣхали до Ганновера, опять употребивъ на путь, на который въ нормальное время достаточно 3 часовъ, — 9 или 10.

Въ Ганноверѣ мы безъ приключеній переночевали въ Grand Hotel Mussmann и утромъ, 3/16 августа, снова предъявивъ солдату на вокзалѣ наши пропуска и купивъ билеты черезъ Гамбургъ и Альтону до Фленсбурга (ибо до Вамдрупа не продавали), двинулись дальше. Опять стояли безконечно въ Ульценѣ (Uelzen), гдѣ наблюдали отправку поѣзда съ запасными очень почтеннаго возраста—видно солдатъ то у нѣмцевъ не много, и въ Гарбургѣ (Harburg). Когда здѣсь, между прочимъ, я вышелъ изъ вагона и, встрѣясь съ вышедшимъ изъ сосѣдняго вагона докторомъ Дубовскимъ, тихо обсуждалъ съ нимъ, гдѣ лучше ночевать—въ Гамбургѣ или во Фленсбургѣ, это замѣтилъ нѣмецкій шпіонъ—ибо черезъ минуту уже въ нашемъ купэ былъ солдатъ и контролировалъ пропуска; но миновала и эта чаша и въ 7 час. вечера мы пріѣхали въ Гамбургъ, гдѣ рѣшили переночевать.

На перронѣ молоденькій съ надменнымъ видомъ лейтенантъ желѣзнодорожнаго батальона, съ перетянутой таліей, въ темно-синемъ длиннополомъ мундирѣ, на ломанномъ русскомъ языкѣ спросилъ наши паспорта. Увидѣвъ столько русскихъ, онъ растерялся; хотѣлъ было сначала насъ съ тѣмъ же поѣздомъ пропустить дальше въ Альтону, но потомъ рѣшилъ на насъ сдѣлать карьеру. Принявъ дѣловой видъ и пройдя сначала къ коменданту вокзала, онъ потомъ вернулся и заявилъ, что насъ от-

ведутъ подъ военнымъ эскортомъ въ гостинницу и, что если кто сдѣлаетъ попытку бѣжать (!), то онъ будетъ на мѣстѣ застрѣленъ. Послѣ такого пріятнаго предупрежденія, насъ повели, на потѣху толпы, подъ конвоемъ солдатъ, съ наведенными на насъ дулами винтовокъ, собачки которыхъ были подняты. Часть багажа намъ позволили взять съ собой, другая до утра, когда мы должны были ѣхать дальше, оставалась на вокзалѣ. Провели насъ черезъ площадь, привели въ гостинницу „Reichshof“, отвели тамъ въ большой салонъ для чтенія, внесли за нами въ этотъ салонъ нашъ багажъ, у каждой изъ двухъ дверей поставили по часовому, съ тѣми же ружьями со взведенными курками, и лейтенантъ заявилъ, что теперь онъ приступитъ къ обыску.

Обыскъ былъ самый унижительный и самый подробный. Лейтенантъ рылся въ нашихъ вещахъ, какъ неопытная, но рьяная ищейка. Вытаскивалъ интимныя медицинскія принадлежности у дамъ и мужчинъ, чѣмъ всѣхъ неимоверно конфузилъ. Даже при саквояжахъ изъ мягкой кожи спрашивалъ, нѣтъ ли потайныхъ ящичковъ. Попавшійся ему старый номеръ русской газеты штудировалъ детально. У меня, какъ у журналиста, разумѣется было съ собой много бумагъ и замѣтокъ; многое я оставилъ въ Киссингенѣ, но самое важное захватилъ— была тамъ между прочимъ начатая монографія объ Н. Н. Евреиновѣ, надъ которой я работалъ въ Наугеймѣ и нѣсколько томовъ его сочиненій. Хотя это были пьесы, но и ихъ лейтенантъ штудировалъ усердно. Въ одной изъ пьесъ „Болваны, кумирскіе боги“, есть между прочимъ отчеркнутая мной фраза: „На Руси отъ нѣмца никуда не уйдешь“. Вотъ думалъ я бѣда будетъ, если глупый лейтенантъ наткнется на нее.

Были у меня съ собой также двѣ карты Европы. Одна лежала на банкѣ съ одеколономъ, которая разбилась и залила всю карту, и на зло—на томъ мѣстѣ,

гдѣ Бельгія; краска покрылась разводами, причемъ болѣе всего запачканъ былъ Льежъ и это юмористически-роковое совпаденіе показалось ретивому лейтенанту особенно подозрительнымъ. Онъ очень долго разсматривалъ карты, всё взглядывалъ на меня и, наконецъ, хотѣлъ объ конфисковать. Я запротестовалъ.

— Но вѣдь вы можете купить ихъ въ каждомъ магазинѣ! (Что тогда за резонъ конфисковать ихъ?!).

— Мнѣ эти карты дороги по воспоминаніямъ — посмотрите, на одной помѣтка: 1899-й годъ.

Пятнадцатилѣтняя давность убѣдила лейтенанта и онъ оставилъ мнѣ карты.

Были у меня еще рукописи и толстая тетрадь съ дорожными замѣтками, набросками, газетными вырѣзками и пр., а въ ней была вещь, которая—попадись она лейтенанту—могла бы мнѣ стоить головы. Дѣло въ томъ, что, войдя разъ въ купэ вагона (еще до войны), я нашелъ горстку клочковъ какой то бумаги. А вдругъ эпилогъ романа, заработала фантазія журналиста; я собралъ клочки, положилъ въ конвертъ, конвертъ въ тетрадь,—а сложить ихъ и прочесть я не удосужился. Такъ въ ней этотъ конвертъ съ клочками и остался. Теперь у меня явилась мысль—а вдругъ въ нихъ какой нибудь дѣйствительно шпіонскій текстъ? Вѣдь моимъ объясненіямъ лейтенантъ все равно не повѣритъ и меня разстрѣляютъ. Какой ужасъ...

Въ это время благосклонное вниманіе лейтенанта обратила на себя пачка глазныхъ рецептовъ. Затѣмъ послѣдовала пачка писемъ, на которую онъ накинулся.

— Господинъ лейтенантъ, сказалъ я, это письма интимнаго характера, въ нихъ ничего нѣтъ политическаго.

— Что-жъ если, вы конфузитесь, мы можемъ съ вами пойти разобрать ихъ въ отдѣльную комнату.

Невольнo вспомнилъ я тутъ слова Хлестакова во

2-мъ д. „Ревизора“: „Нѣтъ, не хочу! Я знаю, что значить на другую квартиру: то есть—въ тюрьму. Да какое вы имѣете право? Да какъ вы смѣете?.. Да вотъ я...“ Я помнилъ также, что среди писемъ лежалъ еще и рядъ телеграммъ по вышерасказанному дѣлу г-жи Б.; это тоже могло бы навести лейтенанта на ложные выводы, ибо въ нихъ упоминалось неоднократно о тюрьмѣ.

Я потому промолчалъ, но мое волненіе, вѣроятно, выдавалось, ибо лейтенантъ вдругъ сказалъ, смѣривая меня стальнымъ, пронизывающимъ взглядомъ:

— Вы вообще странно нервничаете, вѣдь кажется, мы настолько обходительны, насколько возможно.

— Я нервничаю потому, что везу очень больныхъ родителей, но чтобы вы получили представленіе, съ кѣмъ вы имѣете дѣло, позвольте вамъ предъявить вотъ это—и я показалъ ему упомянутое спасительное удостовѣреніе берлинскаго окулиста Шелера, клятвенно утверждавшаго, что я не шпионъ. Это помогло. Лейтенантъ захлопнулъ мой чемоданъ, не дойдя до роковой тетради, гдѣ хранился конвертъ съ таинственными клочками, и принялся за слѣдующій. Я былъ спасенъ.

У сенатора Д. онъ рылся также очень долго, просматривалъ рядъ любительскихъ фотографій и испортилъ рядъ непроявленныхъ снимковъ, вынувъ изъ аппарата катушку пленокъ.

Наконецъ обыскъ былъ конченъ. Лейтенантъ снялъ караулъ. Солдаты, къ слову сказать оба съ интеллигентными лицами, одинъ даже въ пенсне (вѣроятно ополченцы), почти все время сочувственно, насколько это, конечно, возможно было, смотрѣвшіе на насъ, щелкнули затворами, опустили ружья и, пожелавъ намъ добраго вечера, ушли.

Въ это время нервы одного изъ насъ, Бачисмальскаго, не выдержали и онъ упалъ въ обморокъ. Лейтенантъ не только бровью не повелъ, онъ не распоря-

дился даже позвать врача. Собравъ насъ въ кучку, онъ холодно объявилъ приказъ, котораго лежавшій въ обморокъ Бачисмальскій не слышалъ, а за неисполненіе котораго ему грозилъ разстрѣлъ:

— Вы всѣ считаетесь арестованными и не имѣете права выходить изъ гостинницы. Если же кто изъ васъ попытается сдѣлать это, онъ подвергнетъ себя риску быть заподозрѣннымъ въ шпіонажѣ, а что за послѣдствія это влечетъ за собою—мнѣ, вѣроятно, не надо будетъ вамъ объяснять.

VIII.

Гамбургское сидѣніе.

Исторія съ издѣвательскимъ обыскомъ развинтила всѣмъ нервы окончательно. Я лично находился въ такомъ состояніи безразличія, что объяви мнѣ сейчасъ: Васъ черезъ 10 минутъ разстрѣляютъ, я отнесся бы къ этому совсѣмъ апатично.

Когда лейтенантъ, забравъ наши паспорта, ушелъ, насъ подняли на лифтѣ на 6-й этажъ, гдѣ, какъ плѣнникамъ, намъ были отведены подъ рядъ номера. Приведя себя немного въ порядокъ, мы сошли внизъ ужинать.

Настроеніе понемногу поднималось. „Пиръ во время чумы“, остроумно замѣтилъ сенаторъ Д. Я даже сочинилъ экспромтъ:

Испытавъ ревизора турецкаго,
Мы привѣтливѣй смотримъ на свѣтъ; —
Пусть скорѣе отъ ига нѣмецкаго,
Отъ различныхъ терзаній и бѣдъ
Да избавить граница насъ датская! —
Въ той надеждѣ подыmemъ бокаль,
Чтобы нашу компанью всю братскую
Миновалъ бы девятый лишь валъ!

Увы!—онъ не миновалъ насъ — мы должны были испить чашу до дна. Уже во время ужина я замѣтилъ, что на лѣстницѣ у лифта вновь появилась гнусная фи-

зіомія лейтенанта-карьериста. Кухенбродъ сообщилъ намъ, что въ сосѣдней гостинницѣ „Kronprinz“ много русскихъ, наканунѣ пріѣхавшихъ, въ томъ числѣ и, раньше не разъ упомянутый мною, Каплунъ съ женой; у нихъ теперь лейтенантъ, (какъ потомъ выяснилось — по доносу этого самаго Кухенброда), отобралъ также паспорта и поручилъ всю компанію высокому руководству господина Кухенброда.

Утромъ рано, 4/17 августа, Кухенбродъ явился ко мнѣ и таинственно сообщилъ, что молодой негодяй-лейтенантъ еще съ вечера будто сказалъ ему: — Мнѣ кажется, кое-кого мы должны будемъ изъ вашихъ задержать. На вопросъ Кухенброда—почему?, онъ отвѣтилъ, что на паспортахъ нѣсколькихъ чиновниковъ сказано: „командируется за границу“. Эта невинная фраза какъ потомъ оказалось всколошматила нѣмецкихъ болвановъ и они не разъ попрекали насъ этой паспортной припиской, такъ какъ не могли сообразить той простой вещи, что если человѣка, допустимъ, посылаютъ для шпіонажа, то объ этомъ не пишутъ въ паспортѣ для всеобщаго свѣдѣнія. Ночью же, по словамъ Кухенброда, лейтенантъ явился въ третій разъ и спросилъ его: а гдѣ же пропускныя свидѣтельства, выданныя киссингенскимъ комендантомъ? Кухенбродъ обратился къ неспавшему еще доктору Дубовскому, взялъ свидѣтельство того и предъявилъ лейтенанту. При этомъ лейтенантъ, якобы перемѣнивъ мнѣніе, сказалъ ему, что всѣхъ насъ пропустятъ и велѣлъ утромъ притти за паспортами и пропусками, ибо всѣ препятствія къ нашему отъѣзду устранены де.

Поѣздъ нашъ шелъ въ половинѣ перваго. Съ утра мы уложили наши скудные пожитки, расплатились по счету съ, содравшей съ насъ, по случаю, на 50% дороже таксы, гостинницей и вотъ-вотъ ждали, что прійдетъ Кухенбродъ и отведетъ насъ всѣхъ на вокзалъ. Но время

шло, часовая стрѣлка все ближе и ближе подвигалась къ завѣтному часу, а Сусанина на изнанку не было. Наконецъ ясно стало, что съ этимъ поѣздомъ мы не уѣдемъ. Всѣхъ сразу охватило уныніе. Что будетъ?

Распаковали вещи и стали ждать.

По прошествіи нѣсколькихъ часовъ явился Кухенбродъ и сказалъ, что политическая полиція, ревизовавшая наши паспорта, ничего не имѣетъ противъ нашего отъѣзда, но такъ какъ вся власть сосредоточена теперь исключительно въ рукахъ властей военныхъ, то разрѣшеніе зависитъ отъ Generalcomando (Генералькомандо), а послѣднее возмущено тѣмъ, что киссингенскій комендантъ превысилъ свою власть и сталъ выдавать разрѣшенія на выѣздъ, тогда какъ это вовсе не его дѣло и онъ де не имѣлъ на это никакого права. Пока что, они посылаютъ на него жалобу въ Вюрцбургъ, Генералькомандо котораго верховная инстанція надъ киссингенскимъ Бециркскомандо,—а мы сиди и жди у моря погоды. Вотъ и весь сказъ! Паны дерутся, а у хлопцевъ чубы болятъ.

Чрезъ нѣкоторое время явились полицейскіе въ штатскомъ и отобрали еще оставшіеся у насъ злополучные пропуска киссингенскаго коменданта.

Ждали мы благопріятнаго разрѣшенія этого вопроса до времени отхода вечерняго поѣзда, но, конечно, не дождались. Такъ окончились первыя сутки нашего гамбургскаго заточенія.

На другой день Кухенбродъ съ утра опять отправился за справками. Мы сидѣли. Нарушить приказъ лейтенанта и выйти изъ гостинницы хотъ воздухомъ подышать мы, даже при желаніи, не могли, т. к. внизу сидѣлъ сыщикъ (въ штатскомъ) и сторожилъ входъ. Кухенбродъ, наконецъ, явился и сказалъ, что дѣло тормозится, что изъ Вюрцбурга еще отвѣта нѣтъ, что всѣ заняты передвиженіемъ войскъ и имъ не до насъ, что они не вѣрятъ, чтобы за границу „командировали“ безъ

опредѣленныхъ намѣреній и т. д.; а что ему де власти заявили: ваша непривлекательная роль—возиться съ русскими—окончена, до границы мы ихъ эскортируемъ сами и вы можете уѣзжать во свояси.

Мы, однако, не повѣрили этому господину и предложили ему пока что остаться на прежнихъ условіяхъ у насъ на побѣгушкахъ, покупать папиросы, фрукты и проч., такъ какъ мы сидѣли въ клѣткѣ. Къ слову сказать и прислуга гостинницы относилась къ намъ пренебрежительно, какъ къ плѣнникамъ, не здоровалась, едва подавала, что требовалось—большинство изъ насъ было увѣрено, что все это переодѣтые сыщики. Самъ хозяинъ гостинницы, толстѣйшій и богатѣйшій пьянчужка изъ пароходныхъ поваровъ, по фамиліи Лангеръ, подавалъ примѣръ, не только не здороваясь съ гостями, но даже грубо, чисто по тевтонски, пытаясь задѣвать ихъ. Такъ, проходя мимо доктора Дубовскаго, онъ бросилъ ему: „Вы кажется изъ Москвы—такъ дайте мнѣ вашъ московскій адресъ;—мы скоро тамъ будемъ, надо же отыскать знакомаго!“—„Не дойдете, отпарировалъ докторъ, замерзнете въ дорогѣ!“

Въ описываемый второй день сенаторъ Д. заявилъ, дежурившему у входа сыщику, что онъ желалъ бы лично побесѣдовать съ политической полиціей и просить подъ стражей проводить его туда. Желаніе его исполнили. Прибыль сыщикъ и отвезъ сенатора въ политическую полицію. Тамъ ему предъявили рядъ документовъ, изъятыхъ ихъ его вещей, оставленныхъ запертыми на вокзалѣ. Какъ же вы добыли все это?, удивился сенаторъ Д.—Вѣроятно вы позабыли запереть, нагло отвѣтили ему. По внѣшнему виду документовъ и по ряду вопросовъ сенатору стало ясно, что документы тщательно и весьма невѣрно переводили. Учебное свидѣтельство его сына приняли чуть ли не за государственный указъ, планъ имѣнія за

планъ крѣпости и т. д. Послѣ двухчасового допроса ему вернули документы, заявили, что политическая полиція противъ нашей группы ничего не имѣетъ, что все дѣло только за Generalkomando, и отпустили съ миромъ, даже безъ стражи.

Въ тотъ же день сенаторъ Д. послалъ письмо гамбургскому испанскому консулу. Консулъ не замедлилъ лично нанести намъ визитъ. Звали его José Velez у Cogales (Хозе Велецъ-и-Корралесъ), франтоватый худой старикъ, тщательно одѣтый въ черный сюртукъ и коричневый жилетъ, съ пуговицами съ изображеніемъ женскихъ головокъ, изъяснявшійся только по французски и весьма напоминавшій того каррикатурнаго опернаго старца, о которомъ говоритъ Онѣгинъ: — „Кто тамъ въ малиновомъ беретѣ съ послomъ испанскимъ говорить.“ По крайней мѣрѣ роль его въ нашемъ дѣлѣ въ концѣ концовъ свелась къ этой оперной вампукѣ.

Правда, онъ былъ очень любезенъ, говорилъ, что былъ недолго въ Одессѣ когда-то консуломъ и всегда вспоминаетъ это время съ удовольствіемъ, что онъ очень радъ намъ помочь—je suis enchanté de vous aider и т. д. и т. д., взялъ списокъ насъ и русскихъ, остановившихся въ „Кронпринцѣ“, обѣщаль все сдѣлать, ушелъ и—ничего не могъ сдѣлать. Нѣмецкія власти вовсе не считались съ такимъ опернымъ героемъ, „увядшимъ торреадоромъ“, какъ удачно прозвалъ его Погорѣльскій. Американскіе консула, охраняющіе нѣмцевъ въ странахъ союзниковъ, имѣютъ вліяніе; испанскіе—никакого.

Со своей стороны мы тоже пытались помочь общему дѣлу. Присяжный повѣренный Погорѣльскій вспомнилъ, что у его кievскаго кліента Германа Э. живетъ въ Гамбургѣ родной братъ, художникъ, Джонъ Э. Адресъ его мы нашли въ телефонной книжкѣ и попросили гостинницу вызвать его. Э. оказался очень отзывчивымъ и немедленно явился, но долженъ былъ

сначала получить въ полиціи Passierschein — пропускное свидѣтельство, причемъ первое свиданіе его съ Погорѣльскимъ и со мною происходило въ вестибюлѣ гостинницы, въ присутствіи сыщика, жадно слѣдившаго за разговоромъ, происходившимъ, конечно, на нѣмецкомъ языкѣ. Вообще Э. показался намъ, хотя недалекимъ, но очень милымъ человѣкомъ. Онъ всей душой былъ радъ помочь намъ, но не въ силахъ былъ сдѣлать что-либо. Въ полицейскомъ управленіи его, что называется, отшили очень скоро. Городской голова сказалъ ему, что онъ и радъ бы помочь, но ни онъ, ни гамбургскій сенатъ ничего не могутъ сдѣлать, ибо вся власть въ рукахъ Генералькомандо, а туда сунуть свой носъ бѣдный Э. не рѣшался. Такъ проходили дни за днями, не принося ничего новаго. И тутъ только мы поняли, что за великое благо свобода, право безпрепятственнаго передвиженія куда и когда угодно.

Самое досадное при всемъ этомъ было то, что не всѣ русскіе были на одинаковомъ положеніи. Такъ, напр., въ тотъ первый день нашего пребыванія въ Гамбургѣ, когда мы ждали нашего отправленія на вокзалъ и не дождались, мы видѣли изъ окна, какъ къ тому поѣзду, съ которымъ мы должны были уѣхать, свободно, безъ охраны и безъ преслѣдованія, прошли на вокзалъ упомянутая мною раньше г-жа Кафталъ, въ сопровожденіи, также киссингенскихъ затворниковъ, присяжнаго повѣреннаго Ильяша съ женой. Лишь по отъѣздѣ ихъ, чтобы своимъ запросомъ имъ не повредить, мы черезъ Кухенброда навели справки. Въ полиціи сдѣлали видъ, что этотъ, ускользнувшій отъ ихъ бдительнаго ока поѣздъ русскихъ, имъ извѣстенъ и сказали: „Да, мы знаемъ, что они проѣхали, но почему мы ихъ не задержали — мы не вправѣ вамъ сказать.“ Это называется *fair bonne mine aux mauvais jeux*. Видѣли мы также изъ окна, какъ супруги Леонардъ, счастливо избѣгшіе массоваго

ареста на вокзалѣ, безпрепятственно покидали гостиницу и разъѣзжали по городу въ автомобилѣ. Наконецъ ко мнѣ въ гости пришелъ, жившій рядомъ въ „Кронпринцѣ“, Каплунъ—имъ никто не запрещалъ выходить—только мы были на положеніи плѣнниковъ.

Каплунъ рассказывалъ съ какими пертурбаціями доѣхала его группа. Въ Эрфуртѣ (они выбрали другой маршрутъ) ихъ вели подъ конвоемъ въ гостиницу—толпа улюлюкала и толстый нѣмецъ крикнулъ: „Въ свинушникѣ мѣсто этимъ русскимъ свиньямъ, а не гостинницѣ!“ Въ Магдебургѣ ихъ сначала повели въ какіе то казематы, въ гостинницѣ переночевать не позволили, а оставили на вокзалѣ, запертыми въ залѣ, подъ охраной совершенно пьяныхъ солдатъ, которые всю ночь бродили между ними и отчаянно ругались. Другой партіи русскихъ, во главѣ съ г-жей Р. и харьковскимъ присяжнымъ повѣреннымъ С., комендантъ Магдебурга предложить взять изъ тюрьмы двухъ русскихъ дамъ безъ средствъ и за свой счетъ повести дальше—тѣ, конечно, охотно согласились и вызволили несчастныхъ плѣнницъ.

Незапрещеніе постояльцамъ „Кронпринца“ гулять кончилось тѣмъ, что, по доносу Кухенброда, бѣдныхъ соотечественниковъ лишили и этого маленькаго „права“. Всѣ сидѣли взаперти и всѣ томились. И тутъ началось характерное явленіе. Наше заточеніе собственно говоря явилось любопытнымъ матеріаломъ для опытовъ по исторіи культуры: какъ даже въ самой тѣсной ячеекѣ, идеально изолированной ото всего внѣшняго міра, несходство человѣческихъ характеровъ ведетъ къ разногласію и раздорамъ. Пошли споры и ссоры между своими же. Такъ одинъ изъ насъ распорядился привезти съ вокзала оставленныя тамъ, по словамъ начальства якобы на одну ночь только, вещи. Другой страшно возмутился.—Этимъ вы имъ покажете, что примирились со

своей участью сидѣть здѣсь, вы насъ подводите. И началась ссора—еле-еле ихъ примирили. Но потомъ оказалось, что распоряженіе это было не лишнее, намъ еще долго пришлось сидѣть. Когда вещи принесли, мы пришли въ ужасъ: замки были поломаны, содержимое перерыто и скомкано и, кромѣ того, у многихъ пропали вещи; у сенатора Д. дорогія бездѣлушки, у прис. повѣр. Погорѣльскаго нѣсколько парижскихъ бумажниковъ, золото изъ запасного кошелька, бѣлье и галстухи и т. д. Потомъ полиція оправдывалась тѣмъ, что новые вокзальные носильщики, набранные съ бору, да съ сосенки, оказались ворами. Вотъ вамъ и хваленая германская честность.

И дни проходили за днями и не приносили ничего новаго. Просыпались мы съ надеждою и ложились спать съ отчаяніемъ. И обидная мысль, что такъ обращаются съ гостями, не успѣвшими выйти изъ дому, пока озвѣрѣвшій хозяинъ не заперъ всѣ двери, и досадное сознаніе, что во всемъ поведеніи нѣмецкихъ властей отсутствуютъ простѣйшіе элементы логики—ибо въ одномъ мѣстѣ запрещали то, что въ другомъ разрѣшали—не покидали насъ, мучительно тревожа. Порою казалось, что все это только злой сонъ, что надо только ущипнуть себя, протереть глаза—и все пройдетъ и все будетъ опять по хорошему, но увы, это былъ не сонъ, а жуткая дѣйствительность...

IX.

Издѣвательство продолжается...

Въ заключеніи меня не покидала мысль, какъ все-таки помочь несчастной артисткѣ г-жѣ Б., о драмѣ которой я говорилъ подробно въ пятой главѣ. Но что я могъ сдѣлать, самъ плѣнникъ, лишенный права свободного передвиженія?! Тѣмъ не менѣе я написалъ три письма, съ подробнымъ изложеніемъ всего дѣла,—одно городскому головѣ города Ахена, другое—тому коменданту города Магдебурга, который освободилъ изъ тюрьмы великодушно двухъ русскихъ дамъ, о чемъ я упоминалъ въ предыдущей главѣ и на доброе сердце котораго я поэтому имѣлъ наивность разсчитывать; наконецъ, третье письмо я, на удачу, направилъ совсѣмъ романтически: генералу Эммиху, побѣдителю при Льежѣ. „Для Германіи вы герой, писалъ я ему, проявите же человѣчность и по отношенію къ несчастной женщинѣ, которая волею судебъ попала въ положеніе почти военно-плѣнной“. Эта спекуляція на незнакомое теutonской расѣ чувство благородства была, какъ впрочемъ и оба первыхъ письма, выстрѣломъ въ воздухъ. Всѣ письма остались безъ отвѣта.

Чтобы эти письма избѣжали контроля сторожившаго насъ въ вестибюлѣ сыщика, я попросилъ Э., ежедневно одинъ—два раза уже безпрепятственно на-

вѣщавшему насъ, бросить ихъ, безъ вѣдома гостинницы, въ почтовый ящикъ, что онъ и исполнилъ. Ему же, опасаясь вторичнаго нѣмецкаго обыска на границѣ, я отдалъ на храненіе, до лучшихъ временъ: свою записную книжку съ дорожными замѣтками, свою расходную книжку, пачку частныхъ писемъ и телеграммъ и пакетъ писемъ Н. Н. Евреинова, матеріалъ для упомянутой монографіи. Онъ охотно согласился хранить все это у себя; вообще, насколько Э. могъ, онъ старался услужить; одно только непріятное „качество“ было у него—это свойственная всѣмъ нѣмцамъ нетактичность. Не соображая, что мы, какъ плѣнные, особенно чутки къ судьбамъ нашей дорогой родины, онъ все время трубилъ намъ о побѣдахъ нѣмецкой арміи и занимался дѣленіемъ карты Россіи. А рѣзко возражать ему—значило бы лишиться послѣдней точки соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ. Между прочимъ, когда мы узнали, что двухъ соотечественниковъ, жившихъ въ „Кронпринцѣ“, выпустили, съ правомъ выбора гостинницы и свободнаго передвиженія по городу, на поруки двухъ гамбургскихъ жителей, мы попросили Э. сдѣлать то же для Погорѣльскаго и меня. Э. охотно согласился, но когда онъ съ этимъ предложеніемъ явился въ полицію, то его тамъ такъ отшили, что онъ еле ноги унесъ. Любопытно при этомъ отмѣтить, что Гамбургъ—вольный ганзейскій городъ, Германія ему не законъ, онъ управляется собственнымъ выборнымъ сенатомъ, но теперь этотъ сенатъ ссылался на военное положеніе и, кивая на Генералькомандо, умывалъ руки.

По прошествіи нѣсколькихъ дней мы рѣшили, что услугъ Кухенброда съ насъ довольно будетъ. Мы сильно подозрѣвали его въ шпіонажѣ. Директоръ деп. К., у котораго онъ считался въ услуженіи, предложилъ ему получить за 2 дня дороги, плюсь 3 дня обратно, плюсь 6 дней въ Гамбургѣ, всего за 12 дней по 15 марокъ

въ день—180 марокъ и стоимость дороги обратно. Кроме того, Кухенбродъ заработалъ на нашихъ билетахъ: они были взяты всѣми нами до Фленсбурга и, такъ какъ срокъ дѣйствія ихъ истекалъ, всѣ мы подарили ихъ ему для представленія въ кассу желѣзной дороги и полученія обратно разницы по тарифу. Но Кухенбродъ сначала на расчетъ г. К. не согласился; желая и число дней, проведенныхъ въ Гамбургѣ, помножить на два, онъ требовалъ уплаты за 18 дней. Едва его урезонили. Мы, остальные, собрали съ 10 мужчинъ по 5 марокъ и предложили ему за мелкія услуги, оказанныя намъ, (какъ покупка папирозъ, фруктовъ, шнурковъ для ботинковъ и т. п.), эти 50 марокъ. Онъ рѣзко заявилъ намъ:

— Ничего подобнаго,—теперь здѣсь я назначаю цѣны, а не вы, и я требую съ каждого по 30 марокъ, 16 человѣкъ, исключая К., его—480 марокъ положите на столъ.

Мы отказались.

— Тогда вы увидите, что будетъ,—грозно заявилъ Кухенбродъ и ушелъ къ судѣ.

Мы рассказали обо всемъ дежурившему внизу сыщику, заявивъ, что мы охотнѣе дадимъ эти деньги на „Красный Крестъ“, чѣмъ удовлетворимъ наглые требованія Кухенброда. Сыщикъ, къ несказанному удивленію, сталъ на нашу сторону. Къ вечеру явился Кухенбродъ, сказалъ швейцару, что онъ судьи не засталъ, а ему скоро ставится въ ополченіе, поэтому онъ торопится вернуться въ Киссингенъ и проситъ передать намъ письмо. Въ письмѣ онъ соглашался получить уже всего 100 марокъ. Мы, однако, теперь принципиально денегъ не дали. Кухенбродъ сейчасъ же уѣхалъ.

— И хорошо сдѣлалъ, сказалъ потомъ сыщикъ, иначе мы бы его арестовали за вымогательство.

Черезъ нѣсколько дней сенаторъ Д. добился позволенія съѣздить къ испанскому консулу; ему это раз-

рѣшили, даже безъ охраны, но консулъ ничего отраднаго сообщить не могъ—дѣло тормозилось. Любопытно отмѣтить, что, когда сенаторъ Д. пригласилъ „увядшаго торреадора“ вмѣстѣ съ нимъ позавтракать въ „Атлантикѣ“, тотъ наотрѣзъ отказался, видимо боясь быть замѣченнымъ въ обществѣ русскаго.

Время шло, дни тянулись нескончаемо, мы задыхались безъ свѣжаго воздуха и завидовали арестантамъ, которые имѣютъ хоть право прогулокъ. Я занялся работою, у меня были съ собой планы и наброски и я за нѣсколько дней написалъ двѣ небольшихъ пьески „Послѣдняя ночь“ и „Три ночи“ и рассказъ „Каракулевый сакъ“. Вечеромъ собирались наши дамы, кое кто изъ мужчинъ, (остальные играли въ бриджъ) и я читалъ имъ свои произведенія или декламировалъ стихи, свои и чужіе. Въ отелѣ не было даже билліарда, гдѣ мы, какъ приговоренные къ смерти въ новеллѣ Мопассана франкतिеры, могли бы развлечься и поиграть. На всю колонію оказалось 2—3 русскихъ книги и онѣ жадно ходили по рукамъ. Такъ тянулись наши безотрадные дни, но человѣкъ—живучее животное, ко всему можетъ приспособиться—и мы приспособлялись и жили, но какъ...

Когда мы какъ то спросили сторожившаго насъ въ вестибюлѣ сыщика, почему же дѣло о нашемъ освобожденіи и отправленіи на родину положено подъ сукно, онъ очень самоувѣренно отвѣтилъ:

— Не безпокойтесь, у насъ не Россія, у насъ дѣлъ не задерживаютъ; будьте увѣрены, что и ваше получило законный ходъ; и хотя мы и очень заняты дѣлами военными, но и ваше скоро дождется своего разрѣшенія.

Это „скоро“, однако, всё не наступало...

Однажды къ намъ прибѣжалъ секретарь испанскаго консула, весь радостный, и сообщилъ: господа, 99% противъ 1%, что вы завтра уѣдете. Мы ожили,

обрадовались невѣроятно, хотѣли уже шампанское пить, но, какъ это часто въ жизни бываетъ, одинъ процентъ побѣдилъ 99—мы не уѣхали, т. е., вѣрнѣе, намъ не разрѣшили уѣхать.

Прибыла новая партія русскихъ, большинство также изъ Киссингена. Въ числѣ ихъ былъ сенаторъ И. съ семьей, пережившій невѣроятные ужасы; во время мобилизаціи онъ ѣхалъ изъ Эмса; на ст. Гиссенъ (Giessen) его и другихъ арестовали, обыскали, помѣстили на солому въ сарай съ выбитыми стеклами, гдѣ бывшій съ ними маленькій ребенокъ рисковалъ простудиться на смерть, затѣмъ перевели въ Нассау, гдѣ у нихъ отобрали всѣ деньги; черезъ два дня ихъ изъ Нассау отправили во Франкфуртъ н./М., деньги вернули, отсчитавъ 350 марокъ (по 70 марокъ за человѣка—ихъ было пятеро) за ночлегъ и охрану! Прибыла семья Ванновскихъ, которымъ, какъ я упоминалъ уже, въ Эйзенахъ собирались рвать языки. Прибыла упомянутая раньше m-lle Джіоконда, пережившая неописуемая издѣвательства въ Эйзенахъ и Ганноверѣ. Прибыла, также упомянутая, m-me Ассъ и рассказывала, что въ Ганноверѣ полковникъ—комендантъ станціи отказался пропустить дальше цѣлую группу въ 5 или 6 молодыхъ людей, имѣвшихъ отъ киссингенскаго коменданта пропуски и военно-медицинскія свидѣтельства о своей негодности къ несенію военной службы.

— Меня это не касается, заявилъ автономный полковникъ, и всѣхъ вернулъ въ Киссингенъ.

Въ этой же компаніи ѣхалъ изъ Киссингена русскій врачъ Валлерштейнъ. Ему военно-медицинское начальство въ Киссингенѣ выдало разрѣшеніе на выѣздъ, съ ссылкой на Женевскую конвенцію пунктъ 12-й, въ силу котораго врачъ, давшій честное слово поступить на родинѣ въ армію врачомъ, имѣетъ право безпрепятственнаго выѣзда изъ непріятельской страны.

— Никакія тамъ женеvскія конвенціи меня не касаются, я ихъ не признаю и васъ не пропущу, отрѣзаль ретивый полковникъ, вѣрный принципамъ нѣмецкаго способа безчестнаго веденія войны.

Энергичный докторъ всеvтаки добился, чтобы былъ сдѣланъ телеграфный запросъ куда-то и, въ концѣ концовъ, ему разрѣшили проѣхать до Гамбурга.

Наконецъ прибыла третья группа киссингенцевъ; съ нею ѣхаль кіевскій равинъ Гуревичъ. Онъ обратился къ гамбургской еврейской общинѣ, тѣ хлопотали, хлопотали, но тоже были безсильны.

Отношеніе къ русскимъ даже въ одномъ и томъ же городѣ Гамбургѣ стало опять нерегулярнымъ, какъ и во всей Германіи. Послѣднія партіи новоприбывшихъ русскихъ размѣстились въ разныхъ отеляхъ и имъ разрѣшили выходить и даже не у всѣхъ отобрали паспорта, а потребовали только личной явки въ полицію для регистраціи. Между прочимъ m-lle Джіоконда, пользовавшаяся правомъ выходить, встрѣтила на крыльцѣ „Кронпринца“ m-me Каплунъ, узнала отъ нея, гдѣ я живу и вызвала меня по телефону. Разговоръ былъ самый невинный, касался моихъ литературныхъ работъ въ заключеніи и тоски сидѣнья безъ воздуха. Но я упоминаю объ этомъ потому, что потомъ эта бесѣда имѣла любопытныя послѣдствія.

Сенатора Д. опять посѣтилъ испанскій консулъ. Завѣрялъ въ своей готовности все сдѣлать и говорилъ о невѣроятномъ поведеніи германскихъ властей; такъ генераль, стоящій во главѣ Генералькомандо, вотъ девятый день отказываетъ въ личномъ приѣмѣ ему, представителю нейтральной державы, на которую возложена миссія охраны иностранцевъ! Протестовать и скандалить онъ не рѣшался. Такъ робки были защитники нашихъ интересовъ въ Германіи. Американскіе консулы, защищая своихъ или ввѣренныхъ ихъ попеченіямъ лицъ,

совершенно иначе умѣли держать себя съ нѣмцами, которые, по самому складу своего характера, какъ трусливыя собаки, нахальны только до тѣхъ поръ, пока на нихъ не прикрикнуть хорошенько. Но нашъ испанскій консулъ, очевидно, небылъ храбраго десятка или просто соблюдалъ свои выгоды. Однако, подъ секретомъ онъ сообщилъ намъ объ удачномъ вторженіи русскихъ войскъ въ сѣверо-восточную Пруссію, что сильно подняло наше упавшее настроеніе.

Въ этотъ день въ „Кронпринцъ“, въ сопровожденіи одного нѣмца, пріѣхало 9 русскихъ дамъ. Нѣмецъ, сейчасъ же по прибытіи, съѣздилъ въ Генералькомандо, немедленно досталъ имъ всѣмъ пропуски и на другое утро препроводилъ въ Данію. Намъ это поразило и мы стали узнавать въ чемъ дѣло. Оказалось, что этотъ нѣмецъ—баронъ изъ Берлина, ходившій съ костьюлемъ, но, тѣмъ не менѣе, очень живой и подвижный. Когда въ Генералькомандо небыло пріема, онъ очень энергично настоялъ на томъ, чтобы его приняли, говоря, что теперь не такое время, чтобы пріемъ ограничивать извѣстнымъ часомъ. За свою услугу онъ лично ничего не взялъ, но потребовалъ внесенія черезъ него на Красный Крестъ 500 марокъ. Потомъ къ нему обратились изъ „Кронпринца“ (остановился онъ почему-то въ нашей гостинницѣ) другіе русскіе и онъ обѣщалъ имъ помочь. Я и докторъ Дубовскій рѣшили тоже попытать счастья. Подошли къ барону въ корридорѣ гостинницы, когда онъ вышелъ изъ ресторана, представились ему и попросили совѣта; онъ пригласилъ насъ къ себѣ въ номеръ, долго бесѣдовалъ, очаровалъ своей любезностью, очень увѣренно говорилъ о возможности помочь, о доброжелательности мѣстной администраціи, лояльности нѣмцевъ вообще и вселилъ въ насъ новую бодрость и надежды. Затѣмъ я рассказалъ ему исторію ареста артистки г-жи Б. и онъ и тутъ обѣщался помочь освободи-

дить несчастную изъ тюрьмы. Словомъ, казалось—благодѣтель, а не человѣкъ.

— За свои труды я ничего не беру, сказалъ намъ баронъ, но прошу за каждого, за кого я долженъ хлопотать, внести черезъ меня въ Красный Крестъ десять марокъ.

Мы просили его о разрѣшеніи на проѣздъ для 8 человѣкъ, (такъ какъ не были всѣми уполномочены), и должны были дать ему 80 марокъ, да за г-жу Б. 10 марокъ и 10 марокъ я опредѣлилъ на телеграфные расходы по ея дѣлу. Съ радостью вручилъ я барону 100 марокъ. Впечатлѣніе онъ произвелъ на насъ съ докторомъ настолько хорошее, что, выйдя изъ его номера, мы съ докторомъ на радостяхъ стали на лѣстницѣ цѣловаться.

Потомъ мы узнали, что въ „Кронпринцъ“ баронъ такимъ же образомъ собралъ много денегъ, что часть публики, не получая сейчасъ же разрѣшенія на отъѣздъ, усомнилась въ его честности, что кто-то потребовалъ отъ него квитанціи во взносѣ имъ денегъ на Красный Крестъ, что баронъ сначала обидѣлся и сказалъ, что внесетъ деньги въ Берлинъ, но что потомъ, подъ давленіемъ обстоятельствъ, онъ передумалъ и внесъ первую сумму въ Гамбургъ, но не всѣ 500 марокъ, а только 350, отсчитавъ за свои труды 150 марокъ; потомъ говорили, что на вокзалѣ барона арестовали въ тотъ моментъ, когда онъ собирался садиться въ берлинскій поѣздъ, предъявивъ ему обвиненіе въ незаконномъ сборѣ денегъ, что потомъ его выпустили и онъ поклялся, что ноги его не будетъ болѣе въ Гамбургъ. Не знаю, были ли баронъ мошенникъ или нѣтъ. Тогда я не думалъ; не думалъ потому, что онъ самъ своей рукой записалъ въ мою записную книжку свою фамилію Р. фонъ Гофе и берлинскій адресъ (хотя адресъ могъ быть и вымышленнымъ); да и впечатлѣніе онъ не производилъ мошен-

ника—и докторъ и я столько путешествовали, и столько видѣли на своемъ вѣку, и столько, въ силу нашихъ профессій, сталкивались съ людьми, что трудно предположить, чтобы мы оба одновременно находились подъ гипнозомъ обстоятельствъ и ошибались. Правда, баронъ обѣщалъ сейчасъ по пріѣздѣ въ Берлинъ справиться по телефону въ Ахенъ объ участи г-жи Б. и дать мнѣ телеграмму—таковой я не получилъ; но извѣстія отъ него впослѣдствіи, какъ узнаетъ читатель, имѣлъ; правда, онъ нашему отъѣзду не помогъ, но въ день этого отъѣзда, говорятъ, что-то телефонировалъ изъ Берлина въ Гамбургъ о нашемъ освобожденіи; мнѣ же все-таки не хотѣлось думать, чтобы человѣкъ съ такимъ честнымъ и открытымъ лицомъ былъ мошенникомъ.

Однако, что же было дѣлать? Къ кому обратиться, какъ выбраться? У меня явилась оригинальная, но нѣсколько рискованная мысль. Отправить отъ имени всѣхъ насъ коллективную телеграмму въ Генералькомандо слѣдующаго содержания:

„Право на жизнь имѣетъ не всякій, но право на смерть имѣетъ всякій. Не въ силахъ болѣе переносить заключенія, просимъ насъ либо выслать, либо разстрѣлять. Подписи“.

Однако мои компатріоты подписать такую телеграмму не рискнули. А вдругъ положить резолюцію: разстрѣлять—?!

Х.

Девятый валъ.

Вечеромъ 11/24 августа, ровно по истеченіи 8 сутокъ нашего заключенія, намъ сообщили, что мы имѣемъ право выходить. Какъ школьники мы бросились на улицу. Мнѣніе нѣкоторыхъ пессимистовъ, что такое разрѣшеніе не предвѣщаетъ ничего хорошаго и является признакомъ того, что насъ еще долго будутъ держать и поэтому немного раздвигаютъ рамки нашего ареста, казалось намъ слишкомъ тягостнымъ, чтобы повѣрить въ него. Жадно вдыхали мы теплый воздухъ городского осенняго вечера. Свобода, свобода—тутъ только мы поняли, что это значить. Какъ адвокату-криминалисту мнѣ, конечно, приходилось бывать въ тюрьмѣ, но лишь испытавъ самому заключеніе, хотя бы въ гостинницѣ, понимаешь, что значить лишеніе свободы. И только, чтобы помучить насъ, чтобы поиздѣваться надъ беззащитными плѣнниками, насъ лишили этого блага, ибо не могли же нѣмцы, при всей своей недалекости, серьезно предполагать, чтобы въ Гамбургѣ, внѣ базы операций, мы могли бы собрать хоть какія-нибудь свѣдѣнія, полезныя для нашей родины. Но попались въ наши руки, такъ помучимъ беззащитныхъ... Это такъ нетрудно и такъ—благородно!

На другой день дамы потребовали, чтобы мы ихъ повезли въ знаменитый Thierpark (садъ-звѣринецъ) Га-

генбека. Взяли автомобиль и поѣхали. Тамъ было пустынно, но большая обезьяна, движимая чувствомъ патриотизма, (вѣроятно она приняла нѣмецкое подданство и готовилась вступить въ храбрую германскую армию), швырнула въ насъ громадный камень, который угодилъ въ голову m-me Гарфельдъ, къ счастью не сильно ушибивъ ее. Съ такими комбаттантами нѣмцы далеко уйдутъ. Въ паркѣ этотъ мы поѣхали въ автомобиль; мнѣ пришлось сидѣть рядомъ съ шофферомъ; разговорились; онъ насъ принялъ за американцевъ; я нарочно не скрылъ, кто мы; когда онъ узналъ, что везетъ русскихъ, то чуть не налетѣлъ на столбъ и потомъ при расчетѣ пытался накрыть насъ на 6 лишнихъ марокъ, что ему, однако, не удалось. Противъ русскихъ всѣ способы хороши. И ружьемъ и рублемъ; и изъ за угла, и въ спину.

Въ тотъ же день, послѣ обѣда, Э. гостепріимно рѣшилъ показать намъ гавань и, со свойственнымъ ему умомъ, тутъ, у самого конца нашихъ мытарствъ, едва не подвелъ насъ подъ разстрѣлъ.

Повезъ онъ насъ сначала по подземной желѣзной дорогѣ. Мы всѣ—насъ было 4 человѣка: m-lle Джюконда, Погорѣльскій, Дубовскій и я—говорили между собой по нѣмецки, а Э., по „полиглоту Кунтце“ выучившій нѣсколько русскихъ фразъ и словъ, весьма неумѣстно пытался теперь именно щегольнуть ими.

Въ гавани мы сѣли на пароходикъ и мимо чего, какъ вы думаете, выбралъ рейсъ остроумный господинъ Э.? Что онъ намъ хотѣлъ показать? Ни болѣе, ни менѣе, какъ нѣмецкій военный крейсеръ „Дерфлингеръ“, стоявшій на якорѣ. Мы похолодѣли, когда узнали въ чемъ дѣло. Во время войны, русскіе, во вражескомъ порту, подѣзжаютъ близко къ готовому итти въ бой бронесному крейсеру—понимаете ли, что это значить?! Скажи мы одно слово по-русски, даже меньше—

угадай толпа рабочихъ, наполнявшихъ нашъ пароходъ, народнымъ чутьемъ въ насъ русскихъ—наши часы были бы сочтены; либо чернь насъ просто побросала бы въ воду, либо власти, по причалѣ, насъ разстрѣляли бы какъ шпионовъ.

Вотъ и самъ крейсеръ, вотъ на носу вахтенный зорко высматриваетъ въ бинокль окрестности, вотъ грозныя вращающіяся башни. Жутко было смотрѣть на это бронированное чудище, точно безъ глазъ глазѣвшее на насъ, готовящееся нести огненную смерть тысячамъ людей и людей нашихъ, русскихъ, смерть нашимъ братьямъ и сыновьямъ... Осмотрѣвъ еще самый большой пассажирскій океанскій пароходъ „Imperator“, мы, опять мимо военного крейсера, вернулись къ пристани. Таможенные жандармы въ своихъ темнозеленыхъ мундирахъ пристально смотрѣли на наши не нѣмецкія лица, но ничего не сказали. Пронесло.

Всетаки времени терять не слѣдовало, надо было заботиться о своемъ освобожденіи и на другой день, 13/26 августа, на 10-я сутки нашего гамбургскаго сидѣнія, мы, вдвоемъ съ Погорѣльскимъ, рѣшили отыскать какого-нибудь гамбургскаго коллегу по профессіи и поручить ему веденіе дѣла о нашемъ освобожденіи. Э. посовѣтовалъ намъ адвоката Зивекинга. Пошли втроемъ туда. Это было бюро изъ пяти адвокатовъ. Принялъ насъ Вернеръ Бинтцъ. Этотъ адвокатъ показался намъ почему-то дѣльнымъ человѣкомъ; онъ блестяще говорилъ по французски, не выказывалъ, по крайней мѣрѣ, никакой лжепатріотической ненависти къ мирнымъ иностранцамъ, охотно взялся по мѣрѣ силъ помочь намъ, сдѣлать необходимыя записи, взять кое-что изъ документовъ и обѣщалъ вечеромъ заѣхать къ намъ въ гостиницу. Дѣло поставлено на рельсы, показалось намъ. Очень довольные, мы вернулись въ гостиницу и узнали новость: вновь возстановленное запрещеніе русскимъ

покидать гостинницу! Опять узники, опять въ заточеніи! Было отъ чего въ отчаяніе прійти.

Въ это же время наши высокопоставленные спутники предприняли другую попытку къ освобожденію. Сенаторы Д. и И., директоръ департамента К. и д. с. с. Струве рѣшили рискнуть поѣхать вчетверомъ въ Генералькомандо. Поѣхали.

Стали въ очередь. Попали въ пріемную. Сначала адъютантъ грубо отвергъ всякую попытку видѣть генерала, но затѣмъ переговоры возымѣли свое дѣйствіе. Генераль принялъ, даже довольно любезно, и сказалъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ отъѣзда, но не черезъ Вамдрупъ, а на Любекъ. Лишь только они вышли изъ пріемной, какъ, по приказанію другого генерала, повидимому начальника штаба, ихъ остановили въ передней и адъютантъ сталъ снова грубо спрашивать, кто имъ разрѣшилъ явиться къ генералу. Когда они отвѣтили, что ни у кого разрѣшенія не спрашивали, такъ какъ имъ былъ предоставленъ свободный выходъ изъ гостинницы, на нихъ стали кричать и угрожать имъ арестомъ. Заставили ихъ стать у стѣнки и поставили караулъ, предупредивъ солдата, что онъ головой отвѣчаетъ за арестованныхъ. Такъ стоять пришлось долго. Появился откуда то раввинъ Гуревичъ и вслѣдъ за нимъ начальникъ штаба грозно велѣлъ выбросить эту сволочь (*Hinaus mit den Pack!*). Гуревичъ улетучился. Опять ждали. Потомъ вышелъ начальникъ штаба и снова обрушился на просителей: какъ вы смѣли сюда явиться, какъ вы, подданные воюющей державы, дерзнули не только выйти изъ гостинницы, но прійти сюда, въ святая святыхъ военныхъ операцій! Вытребовали по телефону полицейскаго агента и объявили, что за явку къ генералу безъ разрѣшенія всѣ четверо арестованы и будутъ подъ конвоемъ отправлены въ гостинницу. Впрочемъ адъютантъ прибавилъ, что данное разрѣшеніе на

выѣздъ остается въ силѣ. Полицейскій отвезъ ихъ въ автомобиль (за ихъ счетъ, конечно), обратно въ гостиницу. Но радостная вѣсть насъ мало обрадовала—мы уже разучились вѣрить въ нѣмецкія обѣщанія.

Вечеромъ полиція заявила намъ черезъ швейцара, что завтра утромъ намъ и вообще всѣмъ, находящимся въ Гамбургѣ, русскимъ выдадутъ паспорта и повезутъ насъ въ Любекъ, гдѣ посадятъ на пароходъ. Морской путь намъ казался даже пріятнѣе, ибо сухопутнымъ надо было миновать знаменитый Kaiser Wilhelm Kanal, черезъ который возлѣ Ренсбурга выстроены длинный мостъ. Этотъ мостъ, во избѣжаніе возможности взрыва его (обысканными пассажирами то!), не дозволяется переѣзжать въ вагонахъ, а публика должна итти въ обходъ пѣшкомъ около 5 километровъ, (это больнымъ женщинамъ и старикамъ!), чуть-ли не неся въ рукахъ свои пожитки. Вообще боязнь за свои мосты доходила у нѣмцевъ до идіозинкразіи. Я уже описывалъ въ III-й главѣ, какъ въ первые дни нѣмцы разбрасывали по вагонамъ красныя летучки съ пламеннымъ патріотическимъ текстомъ, начинавшимся словами: „Reisende, schützt unsere Brücken und Tunnels!“ (Путешественники, охраняйте наши мосты и туннели). Эти же летучки на все время войны расклеены внутри вагоновъ и содержатъ категорическое требованіе держать всѣ окна закрытыми и всѣ шторы спущенными во все время прохода поѣздомъ мостовъ, дамбъ, туннелей, акведуковъ и пр.. У важнѣйшихъ мостовъ днями лежали солдаты съ ружьями, навѣденными на окна идущаго мимо поѣзда. Опустись въ это время отъ сотрясенія, вызваннаго ходомъ поѣзда, случайно оконная рама и несчастный путникъ, сидящій у окна, ни за что, ни про что отправился бы *ad patres*, не говоря уже о тѣхъ, кто дерзнетъ выглянуть изъ окна. Таковы тевтонскіе военные нравы. Пріятно при такихъ условіяхъ было путешествовать по желѣзной дорогѣ.

Вечеромъ къ намъ пришелъ Бинтцъ; онъ ничего не зналъ о распоряженіи Генералькомандо и самъ еще ничего выхлопотать не успѣлъ. Я воспользовался случаемъ и подробно изложилъ ему все дѣло артистки Б. Онъ сдѣлалъ видъ, что его тронули ея злоключенія и обѣщалъ энергично взяться за дѣло. Я выдалъ ему нѣсколько сотъ марокъ авансомъ, довѣренности на право полученія денегъ изъ депозита Ахенскаго военного суда и моей корреспонденціи (въ Германіи это дѣлается очень просто, безъ нотаріуса) и всѣ, хранившіеся у Э., телеграммы по этому дѣлу.

На другое утро, — 14/27 Августа 1914 г., мы радостно стали сносить наши вещи въ вестибюль гостиницы и съ нетерпѣніемъ ждали паспортовъ, но ихъ не несли. Начинало закрадываться безпокойство. Осторожный Бинтцъ, не сразу повѣрившій наканунѣ въ скорую возможность отъѣзда, зашелъ къ намъ справиться какъ дѣла. Мы нервничали. Пришелъ докторъ Дубовскій и полушепотомъ, взволнованно заявилъ: „Господа, не снесите своихъ вещей; меня только что сыщикъ внизу по секрету предупредилъ чтобы мы не торопились, такъ какъ еще возможно, что мы не поѣдемъ сегодня“. Опять! Доколѣ, о Господи?!

Но это были предпоследнія конвульсіи нѣмецкихъ шиканъ. Черезъ полъ-часа наши вещи нагрузили на тачки, а намъ велѣли самимъ пойти въ полицейское управленіе, благо оно находилось рядомъ съ гостинницей, и получить тамъ свои паспорта. Паспорта намъ выдали уже безпрепятственно, но злополучные киссингенскіе комендантскіе пропуска вернули почему-то не всѣмъ. Перешли мы на вокзалъ, купили сами себѣ билеты до Любека и, подъ руководствомъ сыщика, насъ всѣхъ 139 человекъ размѣстили въ поѣздѣ, не позволяя, однако, садиться въ вагоны по своему выбору. Э. любезно насъ сопровождалъ всю дорогу, вплоть до

парохода, но не отказался потомъ отъ возмѣщенія понесенныхъ имъ расходовъ.

Въ пути то и дѣло приходилось закрывать окна и опускать шторы по указанію какъ разъ въ одномъ купѣ съ нами ѣхавшаго для охраны (насъ отъ нѣмцевъ или нѣмцевъ отъ насъ ?) сыщика. Разговорились. Онъ рассказывалъ много интересныхъ вещей и казался, если забыть о его профессіи, недурнымъ малымъ. Имени его я не хочу назвать, хотя онъ собственноручно вписалъ его въ мою записную книжку, прося по его адресу прислать впослѣдствіи изъ Россіи открытку; не хочу назвать потому, что, получивъ отъ моего отца „за охрану“ 30 марокъ, онъ, однако, проявилъ себя благороднымъ человекомъ и впослѣдствіи оказалъ мнѣ неоцѣнимую услугу, о которой рѣчь впереди.

— Ну, теперъ вы ужъ въ вагонѣ сидите, разоткровенничался онъ, такъ я могу вамъ рассказать правду. Вамъ грозило ужасное. Поэтому я и совѣтовалъ утормъ доктору Дубовскому не сносить вещей. Начальство рѣшило васъ всѣхъ, за безпокойное поведеніе (!) нѣкоторыхъ (раввинъ Гуревичъ и другіе), переселить на корабли, гдѣ живетъ нѣсколько тысячъ задержанныхъ русскихъ рабочихъ; тамъ, конечно, ужасно; питаются изъ одного общаго котла, спятъ антигигіенично въ повалку, но что же дѣлать, если начальство прикажетъ! Въ послѣднюю минуту только Генералькомандо рѣшило отдѣлаться отъ васъ и всѣхъ скопомъ выпроводить изъ Гамбурга, чтобы развязаться только съ этой оравой.

Хорошая перспектива ждала насъ! И при томъ среди насъ были люди съ сильною сердечною болѣзью, люди, страдавшіе астмой и т. п., но что за дѣло до этого было современнымъ гуннамъ!

Потомъ гамбургскій Шерлокъ Хольмсъ выкинулъ чисто конанъ-дойлевскую штучку:

— А среди вашихъ компатріотовъ, сказалъ онъ вдругъ,

былъ нѣкій докторъ Валлерштейнъ—такъ онъ времени подъ арестомъ не терялъ; написалъ двѣ пьесы и разсказъ.

Я и докторъ Дубовскій выпучили глаза.

— Да, продолжалъ невозмутимо пинкертонъ, онъ на дняхъ бесѣдовалъ съ одной дамой по телефону; и тутъ сей мужъ сталъ передать всю мою, рассказанную въ предыдущей главѣ, бесѣду съ m-lle Джіокондой.

Мое безпокойство росло, наконецъ я не выдержалъ.

— Послушайте, да вы дословно передаете разговоръ, который я самъ на дняхъ велъ по телефону съ одной дамой.

— Да, я знаю, сказалъ онъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ, что этотъ разговоръ вели вы, и тутъ же передалъ всѣ детали нашей бесѣды. Я случайно (вы вѣрите?) держалъ въ тотъ моментъ трубку нижняго телефона въ гостинницѣ; вскорѣ я убѣдился, что разговоръ не политическій, но изъ любопытства (!) дослушалъ его.

— А потомъ справились у швейцара, кто изъ постояльцевъ былъ вызванъ къ телефону?

— Нѣтъ, разговоръ былъ такъ безобиденъ, что, кто его велъ—меня не интересовало. Теперь я просто случайно вспомнилъ его и имя Валлерштейна я назвалъ безъ всякой задней мысли, чтобы назвать только чье-либо имя, ибо, повторяю, не зналъ кто говорилъ. Но взглядъ доктора Дубовскаго, брошенный на васъ, выдалъ мнѣ автора пьесъ. Такъ узнаютъ тайны!—

Вотъ какъ надо быть осторожнымъ, подумалъ я,—какъ можно влопаться изъ за пустяка, изъ за одного опрометчиваго слова, сказаннаго не во время!

За два съ половиной часа, вмѣсто нормальнаго часа, доѣхали мы до Любека. Высадили насъ; нѣмцы изъ оконъ вагоновъ глазѣли и, сквозь зубы, злобно ругали насъ.

Любопытно, что даже въ Любекѣ на вокзалѣ „начальство“ не знало въ точности—повезутъ ли насъ въ Копенгагенъ или прямо въ Стокгольмъ.

Чтобы не было „соблазна“ для народа, насъ подъ конвоемъ доводили до автомобилей и сплавляли на пристань, при чемъ за автомобили должны были платить, конечно, мы сами.

У мола гавани стояло два паршивыхъ суденышка. Състь въ нихъ не позволяли. Капитанъ перваго высокомерно сказала: „Съ нами вамъ не уѣхать!“—и отчалилъ. Второе судно также отвели. Ибо —

— любекское военное начальство не соглашалось насъ пропустить. Намъ де Гамбургъ не указъ! У насъ свое военное начальство.

Вотъ она — судьба!

XI.

Освобожденіе.

Опять мы сидѣли у разбитого корыта и не знали, что съ нами будетъ. Осеннее солнце пекло. На молѣ присѣсть негдѣ было, выйти никуда не пускали, все было оцѣплено. Ждали. Томительно бѣжало время. Любекское начальство не признавало директивъ гамбургскаго. У насъ, молъ, есть приказъ рейхсканцлера русскихъ не выпускать—и достаточно, не выпустимъ. Совѣщались. Но, вѣроятно, порѣшили, что 139 человекъ не такъ легко то размѣстить, хотя бы и по конюшнямъ и сѣноваламъ, и потому, скрѣпя сердце, рѣшили выпроводить насъ въ Данію.

Тѣмъ временемъ привезли нѣсколько громаднхъ площадокъ съ нашимъ багажомъ. Предстояла ревизія. Носильщиковъ бѣло 2—3 человека и они нехотя брались за вещи. Тогда энергичныя барышни Ванновскія не выдержали и показали примѣръ мужчинамъ, взявшись сами за разгрузку подводъ. Мужчины послѣдовали ихъ примѣру, взобрались на подводы и, работая какъ ломовики въ потѣ лица своего, мы разгрузили всѣ площадки.

Почему только датская таможенная ревизія, думали мы, происходитъ передъ посадкой на корабль, еще на нѣмецкой территоріи. Но оказалось, что это не дат-

ская таможенная ревизія, а нѣмецкій жандармскій прощальный обыскъ. Опять пошло подозрительное копанье въ вещахъ, опять пошло хватанье географическихъ картъ, опять пошли унизительныя сцены. Къ счастью только багажу было такъ много, что подлая прусскія ищейки не имѣли ни времени, ни возможности основательно поиздѣваться надъ беззащитными путниками. Наконецъ и это было кончено. Сами вы вынесли изъ сарая, гдѣ эта процедура происходила, наши вещи на молъ и сѣли на нихъ въ ожиданіи парохода, точно заморскіе эмигранты, какъ рисуютъ ихъ на тенденціозныхъ картинахъ. Хотя бы глоточекъ воды выпить, просили изморенные путники, но даже этого нельзя было и за цѣпь стража никого не выпускала. Вдали же стояли нѣмецкіе зѣваки и любовались отправкой „дикарей“ на родину.

Наконецъ подали пароходъ „Adler“ (Орель), несчастное суденышко, вродѣ тѣхъ, которыя ходятъ изъ Кіева въ Слободку, не имѣвшее даже отдѣльныхъ каютъ и пригодное скорѣе для перевозки грузовъ, чѣмъ для 139 человекъ, которые едва помѣстились на немъ. Но пока помѣстились...

Вмѣсто билетовъ продавали клочки нарѣзанной писчей бумаги, на которой наскоро поставили наборной каучуковой печатью названіе парохода и синимъ карандашомъ написали цѣну: 22 марки. Сдѣлано это было для того, чтобы сорвать съ cadaго изъ насъ по 9 лишнихъ марокъ, такъ какъ билетъ 1-го класса съ мѣстомъ въ каютѣ, гдѣ хоть прилечь можно, на приличномъ пароходѣ, отъ Любека до Копенгагена стоитъ всего 13 марокъ, а здѣсь насъ везли какъ свиней въ свалку и сдирали почти въ вдвое.

У входа на пароходъ стоялъ солдатъ, проверялъ паспорта, вверхъ ногами „читая“ русскій текстъ и пытаясь требовать коменданскіе пропуска и тѣхъ, у кого

они уже были отобраны въ Гамбургѣ, какъ я писалъ въ предыдущей главѣ.

Кончилось и это—мы были на пароходѣ; но и на прощаніе нѣмцы не могли обойтись безъ шиканъ.

— Вы въ Россію собираетесь?, съ виду полу-доброжелательно спрашивалъ таможенный жандармъ; ну не знаю, какъ вы поѣдете дальше Копенгагена (выяснилось окончательно, что насъ везутъ туда).

— Какъ, почему?

— Да потому, что Швеція категорически отказалась принимать русскихъ; съ послѣдняго парохода ни одному русскому не позволили сойти — всѣ должны были вернуться обратно.

— Куда обратно?

— Да въ Данію, можетъ оттуда прямо въ Петербургъ рейсы есть, язвительно отвѣчалъ онъ.

Со времени высадки изъ вагоновъ протекло уже болѣе 4 часовъ. Въ 7 часовъ съ минутами пароходъ отчалилъ. Публика сидѣла, какъ сельди въ бочкѣ. Несчастный буфетъ попросту штурмовали и буфетчикъ, учтя моментъ, рѣшительно отказывался считаться съ вѣщеннымъ преись-курантомъ. Но публика уже не протестовала—все равно ужъ, лишь бы только поѣсть чего-нибудь, да выпить глотокъ.

Время шло. Наступала ночь и, чѣмъ больше мы входили въ открытое море, тѣмъ сильнѣе начиналась качка. На носу парохода, на какихъ то неудобныхъ ящикахъ, сидѣли мы вчетверомъ: супруги Каплунъ, m-lle Джіоконда и я, смотрѣли на звѣздное небо, на нѣмецкія волны и подъ скрипъ такелажа и бортовъ утлаго пароходика обсуждали наши мытарства. Дамамъ было весело, они радовались своему освобожденію и изливали свою радость въ смѣхъ и возгласахъ.

Вдругъ въ темнотѣ на мостикѣ надъ нами появилась какая то мрачная фигура и гаркнула на насъ, во

всю глотку: не шумѣть—другіе хотятъ спать! Корабль шель подѣ германскимъ флагомъ, слѣдовательно, по международному праву, (здѣсь нѣмцы соблюдали его, ибо это было для нихъ выгодно), считался кускомъ германской территоріи и то, что на немъ происходило, подчинялось германскимъ законамъ и, въ частности, тогдашнему военному положенію. Разсуждать не приходилось. Гаркнувшее изъ темноты начальство всегда осталось бы право.

Вѣтеръ крѣпчалъ, а вмѣстѣ съ нимъ и качка. Хотя она была только, пока что, килевая, но пассажиры стали заболѣвать морскою болѣзною. Картина ея заражала крѣпившихся и тѣ, одинъ за другимъ, не выдерживали. При этомъ далеко не всѣ могли даже прилечь. Несчастный пароходъ, какъ я отмѣтилъ выше, небылъ вовсе приспособленъ для перевозки столькихъ лицъ и мѣста всѣмъ сидѣть даже еле хватало. Я не спалъ и ходилъ взадъ и впередъ по палубѣ. Вѣтеръ все крѣпчалъ и крѣпчалъ и волны становились все яростнѣй и яростнѣй. Порой онѣ перекашивались черезъ бортъ и брызги соленой пѣны обдавали насъ съ головы до ногъ; порой казалось, что волны совсѣмъ захлестнутъ нашего „Орла“, но не страшно было—вѣдь мы были на пути изъ проклятой Германіи, а хуже нѣмцевъ—что же могло быть? Вдругъ на разсвѣтѣ раздался сильный трескъ и машина застопорила. Мало кто изъ больныхъ пассажировъ замѣтилъ это,—и къ лучшему, могла произойти паника. Оказалось, что мы собирались основательно сѣсть на мель, но во время остановились.

Звѣзды постепенно стали гаснуть. Начинался сѣрый разсвѣтъ. Печальный, но для насъ радостный—вѣдь мы были на пути къ свободѣ. Края горизонта понемногу бѣлѣли. Тутъ пошла еще килевая качка и та окончательно свалила тѣхъ, кто еще держался. На всѣмъ пароходѣ только 6 человѣкъ — сенаторъ Д., докторъ Ду-

бовскій, Струве съ женой, мой отецъ и я—стойко выдерживали и не поддавались качкѣ—остальные были всѣ готовы.

Настало утро. Звѣзды померкли. Взошло солнце. За нѣсколько миль до Копенгагена къ пароходу причалила шлюпка и вошелъ лоцманъ. Все вокругъ было тщательно минировано и безъ его помощи мы навѣрное взлетѣли-бы на воздухъ. Но датчане знаменитые минеры, они не разбрасываютъ своихъ минъ, подобно нѣмцамъ, куда попало и гдѣ попало по морю, они кладутъ ихъ строго опредѣленно, по точно рассчитанному плану, въ извѣстныхъ мѣстахъ, такъ что торговля и пассажирскія суда могутъ съ лоцманомъ смѣло совершать свои рейсы. И мы благополучно прошли всѣ минныя загражденія, фортъ „Трехъ Коронъ“—сильную морскую крѣпость—и вошли въ рейдъ Копенгагена. Еще нѣсколько минутъ—и мы причалили. Обрадованные думали мы—вотъ, вотъ сойдемъ на берегъ, но не тутъ то было.

Вѣроятно нѣмецкія власти нарочно увѣрили датскихъ, что всѣ русскіе на пароходѣ сплошь нищіе, изгнанные изъ Германіи, и потому датская полиція, правда очень вѣжливо и предупредительно, провѣрила наши паспорта и спрашивала каждого о наличности у него денегъ. Пока продолжалась эта процедура, носильщики вынесли нашъ багажъ на берегъ. Вдругъ пошелъ слухъ о томъ, что насъ не хотятъ высадить въ Копенгагенѣ, а повезутъ прямо въ Мальмѣ или въ Стокгольмъ; но опять опредѣленно никто ничего не зналъ. Всѣ были утомлены, хотѣли пить, однако пароходный буфетъ былъ уже истощенъ. Я вспомнилъ, что у насъ былъ мѣшокъ съ фруктами; въ наше отсутствіе во время ревизіи паспортовъ его вынесли, вмѣстѣ съ багажомъ, на берегъ. Я подошелъ къ капитану и вѣжливо попросилъ разрѣшенія внести мѣшокъ съ фруктами обратно на пароходъ; но капитанъ рѣшилъ до конца оставить по себѣ пріятное воспоминаніе.

- Не могу разрѣшить: не надо было выносить.
- Но вынесли безъ нашего вѣдома, когда мы были на ревизіи паспортовъ.
- Безразлично; ничего не могу сдѣлать.
- Но моя мать больна, ей надо освѣжиться.
- Все равно.

Что возьмешь съ тевтонскаго остолопа...

Ожиданіе тянулось. На молѣ гулялъ молодой человекъ, оказавшійся русскимъ студентомъ. Онъ подошелъ къ пароходу. Завязался разговоръ. Сенаторъ Д. далъ ему свою карточку и попросилъ отнести въ консульство.

Это возымѣло дѣйствіе. Консулъ протелефонировалъ русскому посланнику, барону Буксгевдену и тотъ, вмѣстѣ съ русскимъ вице-консуломъ, немедленно на автомобилѣ примчался къ пароходу.

Баронъ Буксгевденъ настолько популяренъ и любимъ въ Копенгагенѣ, что достаточно было ему сказать два слова представителю полиціи и намъ немедленно разрѣшили сойти съ парохода. Нельзя описать тѣхъ чувствъ, которыя волновали насъ, когда мы, послѣ столькихъ ужасныхъ мытарствъ и невзгодъ, ступили, наконецъ, на берегъ, на берегъ дружественной державы, навсегда покинувъ гнусную тевтонскую почву, хотя бы въ формѣ корабля подъ ея флагомъ. Моментъ былъ трогательный и торжественный. У многихъ на глазахъ показались слезы. Баронъ Буксгевденъ сообщилъ намъ, тщательно скрывавшую нѣмцами, правду объ успѣхахъ русскаго оружія и тогдашнемъ вторженіи нашихъ доблестныхъ войскъ въ Восточную Пруссію; онъ также опровергъ, со снисходительной улыбкой, нѣмецкія сказки о готовящейся, якобы, войнѣ Россіи съ Даніей, о несуществующемъ запретѣ въѣзда русскихъ въ Швецію и прочій вздоръ. Гостепріимные датчане даже не ревизовали нашъ багажъ и мы поспѣшили въ гостинницы.

Наша компанія заѣхала въ Отель Палась (Palads-

hotellet) на площади ратуши. Привели себя немного въ порядокъ, смели дорожную пыль и сошли обѣдать. Пришелъ, командированный посланникомъ, корреспондентъ Петроградскаго Телеграфнаго Агентства А. И. Марковъ, симпатичный и дѣловитый господинъ, и интервьюировалъ насъ по поводу всѣхъ нашихъ злоключеній. Зашедшій военный аташе при русской миссіи, красавецъ графъ Потоцкій, поздравилъ насъ съ благополучнымъ избавленіемъ отъ вражескаго плѣна. Пили шампанское. Было тепло, свѣтло и радостно на душѣ въ памятный день 15/28 августа 1914 года.

Мы были спасены, но надо было подумать и объ остальныхъ, томившихся еще въ неволѣ. Участъ несчастной артистки г-жи Б. интересовала и волновала всю нашу компанію. Сенаторъ Д. разсказалъ о ея горькой судьбѣ посланнику Буксгевдену и выхлопоталъ мнѣ у него личный пріемъ.

Баронъ Буксгевденъ принялъ меня у себя, во дворцѣ на Frederiksgade, на другой день, 16/29 августа, въ 2^{1/2} часа дня. Этотъ необыкновенно любезный сановникъ проявилъ высокую гуманность и искреннюю сердечность. Судьба бѣдной женщины глубоко тронула его, тевтонская безчеловѣчность до глубины души возмутила. Онъ обѣщалъ сдѣлать все, чтобы напасть на слѣдъ несчастной и попытаться освободить ее изъ рукъ звѣрей.

Возвратясь домой, я засталъ телеграмму отъ гамбургскаго адвоката Бинтца, сообщавшаго, что по офиціальнымъ свѣдѣніямъ Генералькомандо изъ Кобленца, г-жа Б. препровождена въ Киссингенъ. Горчица послѣ обѣда. Вечеромъ посланникъ зашелъ къ сенатору Д.; я показалъ ему телеграмму и баронъ сказалъ, что теперь лучше ему не справляться о ней, ибо, если нѣмцы узнаютъ, что несчастной женщиной заинтересовалась русская миссія, они ее вовсе не выпустятъ. Это было мудро. Сообща рѣшили пока подождать.

Въ тотъ же день вдругъ къ намъ въ гостинницу явился капитанъ „Орла“ съ визитомъ къ m-lle Ванновской. Нѣмцы, даже высадивъ насъ на датскую почву, не могли обойтись безъ шиканъ. Капитанъ притворился очень любезнымъ и таинственно сообщилъ m-lle Ванновской слѣдующее:

— Я не имѣю права открыть вамъ „почему“, но дружески совѣтую вамъ: уѣзжайте сегодня же въ Швецію, ибо возможно, что завтра вы уже не уѣдете.

Очевидно бравый морякъ намекалъ на возможность вовлеченія въ войну съ Россіей нейтральныхъ скандинавскихъ государствъ, но его провокаціи мы не повѣрили.

На другой день, 17/30 августа, въ воскресенье, мы всѣ отправились на обѣдню въ русскую церковь, въ которой служилъ о. І. Я. Щелкуновъ, (авторъ историческаго изслѣдованія о потомкахъ царя Іоанна Алексѣевича въ Даніи), а послѣ обѣдни отслужили благодарственный молебенъ за избавленіе изъ плѣна.

Днемъ пришла вторая телеграмма отъ адвоката Бинтца, сообщавшаго что, по свѣдѣніямъ киссингенской администраціи, г-жа Б., вмѣстѣ съ семействомъ генерала Лебедева, выѣхала черезъ Гамбургъ-Копенгагенъ въ Россію. Всѣ поздравляли меня съ успѣхомъ хлопотъ и мы весело провели всѣ вмѣстѣ вечеръ въ знаменитомъ мѣстномъ увеселительномъ саду „Тиволи“. Потомъ оказалось, что радоваться было преждевременно...

Въ понедѣльникъ, 18/31 августа, вечеромъ я проводилъ всю нашу компанію на пристань. Пароходъ увезъ ихъ въ Мальмэ. На другое утро они были въ Стокгольмѣ. 20-го августа пароходъ привезъ ихъ въ Раумо (Финляндія), а 21-го вечеромъ они прибыли въ Петроградъ. Я остался ждать въ Копенгагенѣ пріѣзда несчастныхъ страдальцевъ изъ Германіи, хлопоты о судьбѣ которыхъ составили своего рода цѣлую эпопею въ исторіи моихъ скитаній.

XII.

Въ Копенгагенѣ.

Въ Копенгагенѣ жить было очень пріятно. Симпатичный городъ — со своими дворцами, говорящими о прошломъ времени Струэнзэ и Рантцау, и со своей уличной толпой, говорящей о настоящемъ шумнаго Парижа — всегда привлекаетъ путешественника. Славное населеніе, насквозь пропитанное ненавистью къ нѣмцамъ, всосанною имъ съ молокомъ матери послѣ разбойничьяго набѣга тевтоновъ, отнявшихъ у нихъ въ 1864 году Шлезвигъ-Гольштейнъ, невольно внушало къ себѣ симпатіи. Ненависть къ нѣмцамъ въ Даніи та исходная точка, съ которой можно завести всякій разговоръ, на которой могутъ сойтись люди различнѣйшихъ убѣжденій. Жизнь, при счетѣ на кроны, не особенно дешева, но немногимъ дороже, чѣмъ въ Германіи. Симпатичная природа, постоянно хорошая погода и милое отношеніе людей дѣлаютъ пребываніе въ Даніи очень пріятнымъ.

Вечеромъ, въ день отъѣзда нашей компаніи въ Россію, 18/31 августа, я получилъ отъ адвоката Бинтца изъ Гамбурга телеграмму, что онъ разыскалъ г-жу Б., которая вмѣстѣ съ Лебедевыми остановилась въ томъ самомъ отелѣ „Рейхсгофъ“, гдѣ столько времени томились мы, и что черезъ нѣсколько дней полиція дастъ имъ разрѣшеніе на дальнѣйшій проѣздъ. Насколько затяну-

лись эти нѣсколько дней, читатель увидитъ изъ дальнѣйшаго.

Въ Копенгагенѣ было много русскихъ. Часть были журналисты, спеціально прибывшіе сюда, какъ въ интернаціональную штабъ-квартиру политическихъ новостей, часть русскіе путники, съ горемъ пополамъ выбравшіеся изъ Германіи и передыхавшіе здѣсь отъ нѣмецкихъ звѣрствъ. Среди послѣднихъ было много лицъ, пережившихъ интереснѣйшіе эпизоды.

Такъ фабрикантъ Гольдштейнъ изъ Лодзи пріѣхалъ къ женѣ въ Берлинъ въ день мобилизаціи. Ѣхавшая съ нимъ въ вагонѣ отъ границы нѣмка предложила властямъ, по приходѣ поѣзда на вокзалъ въ Берлинъ, арестовать его, какъ шпіона, за то только, что онъ не принялъ участія въ ея патріотической бесѣдѣ. Гольдштейна заперли въ какое то вокзальное помѣщеніе, вродѣ сторожевой будки, передъ которой немедленно собралась толпа рабочихъ, вооруженныхъ лопатами и граблями, и требовала выдачи „шпіона“. Что онъ переживалъ—можно себѣ представить. Черезъ нѣсколько часовъ явился шуцманъ и предложилъ Гольдштейну слѣдовать за нимъ. Видя въ окошко разъяренную толпу, тотъ отказался. Начался споръ. Наконецъ шуцманъ внялъ аргументу въ видѣ трехъ серебрянныхъ марокъ и согласился, за счетъ Гольдштейна, позвать автомобиль, который и доставилъ плѣнника въ полицію. Въ полиціи его опять продержали, допрашивали, потомъ указали на часы и сказали:

— Видите, теперь безъ двадцати минутъ четыре. Въ четыре часа идетъ поѣздъ на Данію. За двадцать минутъ вы въ автомобиль успѣете доѣхать до вокзала. Ступайте. Но если вы не успѣете доѣхать и попадете опять въ наши руки, то пеняйте на себя...

— Позвольте, взмолился Гольдштейнъ, да вѣдь на вокзалъ меня безъ удостовѣренія не впустить.

Начальство ухмыльнулось догадливости „шпіона“ и выдало ему клочекъ бумаги, на которомъ была поставлена полицейская печать. Больше ничего. Я самъ видѣлъ этотъ документъ. Съ подобнымъ пропускомъ Гольдштейнъ, не повидавъ даже своей жены, вызволять которую онъ прибылъ, добрался до вокзала и поѣхалъ. На каждой буквально станціи его арестовывали, обыскивали, запирали, вновь отпускали и т. д. Во Фленсбургѣ какой то лейтенантъ, по фамиліи Крюгеръ, счелъ своимъ долгомъ подсѣсть къ „шпіону“, отрекомендоваться и заявить, что будетъ караулить его до самой границы, при чемъ даже въ уборную онъ не отпускалъ Гольдштейна одного, сопровождая его, изъ боязни, чтобы тотъ не взорвалъ поѣздъ. Такъ доѣхалъ бѣдняга до датской границы и оставался теперь въ Копенгагенѣ ждать пріѣзда своей жены изъ Берлина. Охваченный, послѣ перенесенныхъ передрагъ, фанатической ненавистью къ нѣмцамъ, онъ мечталъ только объ одномъ, чтобы, по входѣ русскихъ войскъ въ Берлинъ, переименовать Unter den Linden въ Николаевскій проспектъ и провезти черезъ него въ двухъ клѣткахъ Вильгельма Кроваваго и достославнаго сына его Кронпринца Окаяннаго.

Другой русскій, застрявшій въ Копенгагенѣ въ ожиданіи своей жены изъ Берлина, былъ нѣкто Данцигеръ изъ Лодзи; онъ рассказывалъ, какъ въ день балконной рѣчи Вильгельма энтузіазмъ царилъ на улицахъ въ Берлинѣ, какъ люди обнимали и цѣловали встрѣчавшихся японцевъ, въ твердой увѣренности, что Японія присоединится къ Германіи и вмѣстѣ ударитъ на общаго врага. Къ находившемуся на улицѣ Данцигеру подошелъ нѣмецъ и спросилъ:

- А почему вы не сняли шляпу?
- Я, знаете ли, боюсь простудиться—сыро.
- Хорошо, а почему вы не поете со всѣми вмѣстѣ?

— Я чувствую себя охрипшимъ.

Нѣмецъ съ сомнѣніемъ покачалъ головой, а Данцигеръ, чуя недоброе, поспѣшилъ во время ретироваться. Вскорѣ онъ уѣхалъ съ группой русскихъ, рѣшившихъ, что женѣ безопасно оставить въ Берлинѣ, мужчинамъ же необходимо ѣхать, чтобы не попасть въ военно-плѣнные. Поѣздка была невозможная. Доходило до того, что кондуктора не позволяли пассажирамъ даже выйти изъ вагона напиться, а бутылочку обыкновенной воды изъ подъ крана продавали по двѣ марки!

Въ еще худшихъ условіяхъ путешествовалъ нѣкто Гиршбергъ изъ Лодзи. Онъ ѣхалъ съ той группой русскихъ, которая спасла министра * * *, спрятавъ его въ вагонъ подъ скамейкой. Съ ними обращались особенно жестоко. Заставляли часами стоять на неприкрытыхъ перронахъ подъ проливнымъ дождемъ, въ Штетинѣ устроили ночевать на сѣновалѣ, дамъ въ уборныя сопровождали солдаты, только въ присутствіи которыхъ имъ позволялось отправлять свои естественныя надобности—словомъ неподдающіяся описанію издѣательства шли по всему фронту.

До чего доходила безцеремонность нѣмцевъ, не желавшихъ считаться рѣшительно ни съ чѣмъ, доказываетъ случай съ русскимъ консуломъ въ Штутгардѣ, который, имѣя дипломатическій паспортъ отъ Великаго Герцога Вюртембергскаго, подвергся въ вагонѣ по пути къ швейцарской границѣ самому грубому насилію. Схвативъ его за бортъ сюртука, ревизовавшій поѣздъ майоръ поволокъ консула къ выходу, не желая слушать никакихъ объясненій. Тогда вступился какой то нѣмецъ и сказалъ майору: „Вы слышите, этотъ господинъ говоритъ, что у него великогерцогскій пропускъ, вы обязаны посчитаться съ этимъ, иначе вы оскорбляете свою страну!“ Это подѣйствовало и свирѣпый майоръ, провѣривъ бумаги консула, отпустилъ несчастнаго. А если бы не

было, случайно оказавшагося порядочнымъ, нѣмца-спутника?!

И подобные рассказы русскихъ бѣглецовъ можно было слышать въ Копенгагенѣ сотнями. Къ тому же здѣсь получались русскія газеты, переполненныя рассказами о нѣмецкихъ звѣрствахъ, были описанія невѣроятныхъ ужасовъ въ Калишѣ, официальное сообщеніе нашего Министерства Иностранныхъ дѣлъ объ обращеніи нѣмцевъ съ курортными гостями и др.; страшный случай съ г-жей Туганъ-Барановской, которая умерла отъ зараженія крови, издѣвательство надъ супругой намѣстника Кавказа графиней Воронцовой-Дашковой и т. п. рассказы ледянили сердце и тѣмъ страшнѣе становилось за участь еще оставшихся въ Германіи русскихъ; тѣмъ острѣе казалась необходимость помочь имъ во что бы то ни стало и тѣмъ ужаснѣе было сознаніе своего безсилія сдѣлать что либо.

Отъ адвоката Бинтца я получилъ, дополнительно къ телеграммѣ, письмо отъ 18/31 августа, въ которомъ онъ писалъ, что разыскалъ въ „Рейхсгофѣ“ г-жу Б., что она здорова, что полиція сейчасъ еще не можетъ выдать разрѣшенія на выѣздъ, но что это будетъ сдѣлано въ ближайшемъ будущемъ, всего черезъ нѣсколько дней, причемъ пассажиры будутъ отправлены тѣмъ же путемъ, что и мы—черезъ Любекъ и Копенгагенъ; при этомъ онъ просилъ перевести г. Э. денегъ, въ погашеніе кредитованной ему Э., за мой счетъ, суммы. Письмо это я получилъ на 4-й день, за это время была отъ Бинтца еще телеграмма—отвѣтъ на мой запросъ, въ каковой Бинтцъ сообщалъ, что г-жа Б. въ деньгахъ пока не нуждается, а относительно отъѣзда еще ничего неизвѣстно. Деньги я Э. всетаки перевелъ, т. к. онъ далъ ихъ за мой счетъ Бинтцу.

Самое скверное во всемъ положеніи вещей было то, что никто ничего опредѣленно не зналъ. Ходили,

напр., слухи, что датское правительство не хочет принимать русских бѣглецовъ, опасаясь, что они, по бѣдности своей, лягутъ бременемъ на датскую казну. Чтобы провѣрить эти слухи, я пошелъ въ русское консульство. Тамъ мнѣ очень любезно объяснили, что слухи такіе дѣйствительно ходятъ, но что, съ тѣхъ поръ, какъ русская миссія, въ лицѣ барона Буксгевдена, приняла на себя ручательство за всѣхъ имѣющихъ проѣхать Данію русскихъ, препятствій къ проѣзду соотечественниковъ болѣе нѣтъ, но что, однако, по свѣдѣніямъ консульства, со дня нашего прибытія ни одна партія русскихъ не прибывала и даже говорятъ, будто нѣмцы, опасаясь обремененія бюджета своей страны содержаніемъ бѣдныхъ русскихъ путешественниковъ, хотятъ обязать каждого имущаго русскаго провести за свой счетъ изъ Германіи одного неимущаго. Даже и съ послѣднимъ можно было бы примириться, если бы это было извѣстно, какъ положительный фактъ, но все это были только слухи, одни слухи. Положительнаго никто ничего не зналъ...

20/VIII=2/IX и 22/VIII=4/IX я имѣлъ отъ г-жи Б. телеграммы, что разрѣшенія на отъѣздъ все еще нѣтъ.

Въ это время приблизительно во всѣхъ датскихъ газетахъ было напечатано сообщеніе о состоявшемся (15/28 VIII?) соглашеніи между русскимъ и германскимъ правительствами о безпрепятственномъ выѣздѣ иностранныхъ подданныхъ изъ предѣловъ воюющей державы, за исключеніемъ способныхъ носить оружіе и лицъ подозрительныхъ. Соглашеніе это редактировано было такъ ясно и просто, что для проведенія его въ жизнь казалось не могло встрѣтиться никакихъ препятствій. При этомъ Россія и до того безпрепятственно разрѣшала выѣздъ изъ своихъ предѣловъ иностранцамъ, но подлая Германія и здѣсь поступила предательски — добившись фиксаціи правъ своихъ подданныхъ, она къ русскимъ продолжа-

ла прежнія, ничѣмъ не объяснимыя и ничемъ не оправдываемыя, жестокость и безчеловѣчность.

Вскорѣ послѣ телеграммъ было письмо отъ г-жи Б., помѣченное 23/VIII=5/IX, въ которомъ она писала мнѣ, что отъѣздъ затянулся и что теперь ихъ отправятъ уже не въ Копенгагенъ, а черезъ Зассницъ (на островѣ Рюгенъ) въ Треллеборгъ (на шведскомъ берегу, недалеко отъ Мальмэ).

Послѣ этого я протелеграфировалъ Бинтцу, что нѣмецкія газеты подтверждаютъ международное соглашеніе о выпускѣ задержанныхъ войной, что, судя по тѣмъ же газетамъ, изъ Берлина отправленъ поѣздъ съ 700 русскими прямо въ Швецію, и потому просилъ его ускорить отъѣздъ г-жи Б., добиться, если нужно, для освобожденія поручительства мѣстныхъ жителей и совѣтовалъ, съ цѣлью ускоренія отъѣзда, обратиться по телеграфу къ рейхсканцлеру, либо къ испанскому посланнику въ Берлинѣ. Бинтцъ 25/VIII—7/IX телеграфировалъ мнѣ, что отъѣздъ состоится предположительно 27/VIII—9/IX и письменно дополнительно объяснилъ мнѣ, что въ Берлинѣ ему обращаться нечего, т. к. отъѣздъ зависитъ всецѣло отъ мѣстныхъ властей; при этомъ онъ подтверждалъ, что русскіе будутъ направлены прямо въ Швецію. Транспортъ русскихъ будетъ порученъ „Шведскому бюро путешествій“ въ Берлинѣ, которое имѣетъ свое отдѣленіе въ Зассницѣ, куда онъ мнѣ и совѣтуетъ послать запросъ. Кромѣ того на мою прежнюю, обращенную къ нему просьбу, дать г-жѣ Б., во избѣжаніе инсинуацій со стороны плебса, нѣмецкую провожатую, Бинтцъ отвѣчалъ, что это излишне, т. к. она ѣдетъ вѣдь вмѣстѣ съ Лебедевыми. Изъ имѣвшихся въ его распоряженіи денегъ онъ писалъ, что выдалъ пока что г-жѣ Б. только 100 марокъ.

27/VIII—9/IX отъѣздъ, конечно, не состоялся, а на другой день, на мой телеграфный запросъ, я получилъ отъ Бинца телеграмму, въ которой выражалась надеж-

да, что на слѣдующій день онъ предполагаетъ получить отъ властей окончательный отвѣтъ. Въ телеграммѣ онъ просилъ еще денегъ, которыя я и имѣлъ наивность перевести ему.

Кромѣ того я телеграфировалъ, по его совѣту, въ вышеупомянутое шведское бюро путешествій въ Засницѣ запросъ, съ оплаченнымъ отвѣтомъ, когда пойдетъ поѣздъ съ русскими изъ Гамбурга въ Засницъ, а оттуда паромомъ въ Трелле боргъ. Черезъ двадня прибылъ отвѣтъ, гласившій, что бюро закрыто, а представитель выбылъ неизвѣстно куда. Вотъ и узнавай!...

Въ Даніи, гдѣ шведовъ почему то не долюбиваютъ, мнѣ объясняли, что все это шведскія интриги, что Швеція вошла съ Германіей въ соглашеніе не пропускать русскихъ черезъ Данію, а прямо въ Швецію, чтобы заработокъ доставался исключительно шведамъ. На сколько это соотвѣтствовало дѣйствительности—судить не могу.

Политика Германіи, между тѣмъ, продолжалась по прежнему; безъ всякихъ объясненій причинъ и поводовъ они задерживали мѣсяцами русскихъ и продолжали глумиться и издѣваться надъ ними, на зло чиня препятствія къ ихъ отъѣзду. Полуофициально нѣмцы оправдывались тѣмъ, что они де яко бы заняты перевозкой войскъ и у нихъ нѣтъ свободныхъ вагоновъ. Но все это былъ вздоръ. Ежедневно изъ Германіи въ Копенгагенъ прибывали нѣмцы, чтобы обдѣлывать свои дѣлишки. Подъ видомъ румынъ и прочихъ національностей, они занимались шпіонажемъ и посылали на родину условныя телеграммы. Владѣлецъ гостинницы „Бристоль“, одной изъ популярнѣйшихъ въ Копенгагенѣ, нѣмецъ родомъ, устроилъ, рассказывали, въ своемъ домѣ флагштокъ для радіотелеграфированія и такъ обслуживалъ свой фатерландъ. Шпіонажъ вообще былъ сильно развитъ въ Копенгагенѣ. Даже самъ австрійскій посланникъ, яко бы

случайно (sic!), заѣхалъ на автомобилъ въ линію укрѣплений, гдѣ и былъ арестованъ, какъ шпіонъ. Толерантнѣйшее изъ правительствъ—датское даже принуждено было арестовать трехъ, уже слишкомъ нахально „собиравшихъ свѣдѣнія“, нѣмцевъ и посадить ихъ подъ замокъ.

Словомъ „работали“ нѣмцы, какъ могли и, хотя проѣздъ изъ Германіи въ Копенгагенъ былъ совершенно свободенъ, но нѣмцы попросту хотѣли пошиканировать русскихъ, поиздѣваться надъ беззащитными и подольше позадерживать ихъ, чтобы содержатели гостинницъ нажились бы хорошенько; и что же—въ этомъ они успѣвали отлично...

Въ эти дни я случайно встрѣтилъ въ Копенгагенѣ на улицѣ глазного врача изъ Наугейма, лѣчившаго меня тамъ, докторъ Герлова. Онъ покосился на мой національный значекъ въ петлицѣ, который большинство задержавшихся въ Копенгагенѣ русскихъ принципиально надѣвали, чтобы у симпатичныхъ датчанъ не было никакихъ сомнѣній на счетъ національности, но разговаривалъ довольно любезно; рассказалъ, что онъ безпрепятственно и съ большимъ комфортомъ доѣхалъ изъ Берлина до Копенгагена и притворно—сочувственно вздохнулъ на мое замѣчаніе о мытарствахъ русскихъ въ Германіи. „Что же дѣлать, когда это государственная необходимость!“ Вотъ разсужденіе интеллигентнаго нѣмца—ничѣмъ не оправдываемое звѣрство своего правительства онъ одобряетъ и облекаетъ въ мантию государственной необходимости! Какая, спрашивается, необходимость задерживать несчастныхъ женщинъ и стариковъ. Вотъ верхъ подлаго лицемѣрія и самаго изощреннаго тартюфства...

Что болѣе всего поражало при всемъ этомъ—это полное отсутствіе логики у нѣмцевъ. „Глупыя рѣчи, но въ нихъ есть что-то методическое“, говоритъ Полоній о нарочито безумныхъ рѣчахъ Гамлета. У нѣмцевъ

были глупые поступки, но въ нихъ, увы, ничего небыло методическаго. У преступниковъ, даже въ жесточайшихъ преступленіяхъ, наблюдается нѣкоторая логичность. Въ безчеловѣчности нѣмцевъ этого небыло. Была простая подлость. Ибо почему изъ Гейдельберга, скажемъ, можно было выѣхать, а изъ Гамбурга нельзя было—этого логически самый умный нѣмецъ вамъ не въ состояніи былъ бы объяснить хоть сколько нибудь удовлетворительно.

Въ заключеніе докторъ Герловъ порадовалъ меня извѣстіемъ, что всѣхъ иностранцевъ русскихъ — интернируютъ, т. е. поселятъ арестантскимъ манеромъ, на островѣ Рюгенъ. Такъ какъ Зассницъ, черезъ который должны были везти русскихъ изъ Гамбурга, лежитъ на Рюгенѣ, то мнѣ особенно больно сжало сердце и я пришелъ въ отчаяніе и уже готовъ былъ схватить револьверъ и пойти стрѣлять въ нѣмецкаго посланника въ Копенгагенѣ. Конечно этимъ безразсудствомъ я бы ничего не достигъ, г-жу Б. бы не спасъ, а себя бы погубилъ, но хоть количество нѣмецкихъ негодяевъ уменьшилось бы однимъ.

Въ такомъ настроеніи 28/VIII—10/IX меня встрѣтилъ на улицѣ баронъ Буксгевденъ. Со своей обычной любезностью и внимательностью онъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ объ участи русской плѣнницы, освобожденіемъ которой я былъ такъ занятъ. Я разсказалъ ему о своемъ отчаяніи.

— Не безпокойтесь, утѣшилъ меня баронъ. Не выпустить нѣмцы не могутъ, согласно заключенному условію съ Россіей—иначе мы не выпустимъ нѣмцевъ. Вопросъ только во времени, такъ какъ теперь они оправдываются тѣмъ, что у нихъ поѣзда заняты перевозкой войскъ. А выпустить—навѣрное выпустятъ.

Воспользовавшись случаемъ, я передалъ барону явившуюся у меня въ эти дни мысль: подать прошеніе датской королевѣ, которая является родной сестрой германской кронпринцессы; можетъ быть она можетъ хлопотать за г-жу Б.

Баронъ пожалъ плечами.

— Вы этимъ поставите только королеву въ неловкое положеніе, ибо она, при всемъ желаніи, ровно ничего не въ состояніи сдѣлать. Представьте себѣ, что даже ея письма нѣмецкія власти вскрываютъ на границѣ и читаютъ.

— Но вѣдь принцесса ея родная сестра!

— Что же изъ того? Она палецъ о палецъ не ударить. Мнѣ извѣстенъ случай, когда кронпринцессу просили за одно лицо, ей лично извѣстное, и она наотрѣзъ отказалась что либо сдѣлать.

— Такъ что это безнадежно?

— Совершенно. Но вы не волнуйтесь. Увѣряю васъ, что дѣло только во времени.

Такъ хлопоты стояли на точкѣ замерзанія. По странной ироніи судьбы я въ тѣ же дни получилъ, персланное изъ Германіи, письмо отъ г-жи Б., писанное наканунѣ заключенія ея подѣ стражу и шедшее до меня ровнымъ счетомъ 6 недѣль (отъ 2. VIII н. ст. до 11. IX н. ст.), а на другой день нѣмцы соблаговолили переслать мнѣ телеграмму, незначительнаго содержанія, отъ 1. VIII н. ст., невыданную мнѣ своевременно въ Киссингенѣ.

Багажъ г-жи Б. и супруговъ Лебедевыхъ также прибылъ въ Копенгагенъ и датскія власти любезно выдали его мнѣ на слово, безъ предъявленія квитанціи, и, т. к. у меня не было, конечно, ключей, то и безъ таможеннаго досмотра. Мертвый инвентарь нѣмцы выпускали изъ предѣловъ своей страны, а живыхъ людей безчеловѣчно задерживали. Ужасно...

XIII.

За помощью къ тронамъ.

Среди жившихъ въ Копенгагенѣ русскихъ у меня завязалось много знакомствъ, но особенно близко сошелся я съ однимъ уроженцемъ г. Гродно, Маврикіемъ Наумовичемъ Гринбергомъ.

Въ Копенгагенѣ Гринбергъ попалъ оригинальнымъ образомъ. Война застала его на далекомъ сѣверѣ, въ области скитаній жюльверновскаго капитана Гаттераса, на Шпицбергенѣ. Гринбергъ, вмѣстѣ со многими другими пассажирами, находился на борту германскаго парохода, совершавшаго экскурсію въ заарктическую область, когда капитанъ получилъ радіо-телеграмму о возгорѣвшейся войнѣ. Вскорѣ, тѣмъ же путемъ, пришелъ приказъ немедленно вернуться, ибо въ Германіи всѣ коммерскіе пароходы были зачислены во вспомогательныя суда военнаго флота и капитанъ, прервавъ *Vergnügungsreise*, на всѣхъ парахъ взялъ курсъ къ фатерлянду. Но, въ 18-ти часахъ отъ Бремергафена, радіотелеграфъ принесть таинственное извѣстіе о выступленіи Англіи и храбрый капитанъ, повернувъ пароходъ, потушивъ всѣ огни и перегрузивъ печи углемъ, принялся во всю улепетывать отъ англійской опасности. Ъхали съ такой быстротой, рассказывалъ Гринбергъ, точно самъ дьяволъ гнался за ними по пятамъ. Такъ прибыли въ Бергенъ, въ Норвегіи; оттуда пассажиры поѣхали даль-

ше уже сухопутнымъ путемъ, а храбрый капитанъ, чтобы не попасть англійскимъ морскимъ волкамъ въ зубы, легъ въ дрейфъ на все время войны—такъ было и спокойнѣе и безопаснѣе.

Гринбергъ былъ очаровательный господинъ, недюжиннаго ума, подъ личиною нѣкоторой внѣшней сухости скрывавшій сердечную теплоту; для меня онъ явился настоящимъ другомъ, не разъ оказывавшій мнѣ помощь словомъ и дѣломъ и своими разумными совѣтами удерживавшій меня отъ опрометчивыхъ шаговъ, которые я готовъ былъ сдѣлать, доведенный до отчаянія нѣмецкой подлостью.

Между прочимъ я собирался послать циркулярную телеграмму слѣдующимъ лицамъ: германскому военному министру, германскому рейхсканцлеру Бетману-Гольвегу, бывшему рейхсканцлеру князю Бюлову, (въ тѣ дни рѣшительно стремившемуся своими рѣчами и выступленіями сыграть роль въ общественной жизни Германіи и потомъ этой саморекламой, какъ извѣстно, добившемуся поста Германскаго посла въ Римѣ), Американскому послу въ Берлинѣ и Испанскому посланнику тамъ же. Въ телеграммѣ этой я хотѣлъ указать на общее бѣдственное положеніе русскихъ женщинъ, задержанныхъ въ Гамбургѣ, на ихъ болѣзненное состояніе, вызванное продолжительнымъ арестомъ и при этомъ хотѣлъ просить о содѣйствіи ихъ скорѣйшему освобожденію и пустить шпильку фразой: „вѣдь не ведутъ же въ Германіи войны съ беззащитными женщинами“ (увы это именно такъ и было!). Отъ посылки этой телеграммы Гринбергъ удержалъ меня.

— Не дѣлайте этого, вы плохо знаете нѣмцевъ, сказалъ онъ, если думаете, что это на нихъ подѣйствуетъ. Это вызоветъ только обратные результаты. Я долго жилъ въ Германіи и прекрасно изучилъ ихъ нравы и психологию. Увѣряю васъ, нѣмцы по характеру своему сволю-

чи въ полномъ смыслѣ этого слова и будутъ нарочно шиканировать, а чувства милосердія и состраданія имъ вовсе незнакомы и недоступны и на нихъ спекулировать нечего, ибо горькая участь г-жи Б. ихъ не тронетъ вовсе, развѣ только вызоветъ желаніе еще чѣмъ нибудь досадить.

Кромѣ этой телеграммы я собирался послать еще телеграмму въ Главное Управленіе германскаго Краснаго Креста съ предложеніемъ ускорить немедленный выѣздъ г-жи Б. за пожертвованіе въ пользу Краснаго Креста въ размѣрѣ 300 марокъ.

И отъ этого шага удержалъ меня Гринбергъ, говоря, что этимъ я ничего не достигну, т. к. нѣмцы скажутъ, что мы де не занимаемся торговлей и взятокъ не беремъ. Здѣсь, какъ оказалось впослѣдствіи, Гринбергъ былъ неправъ. Нѣмцы именно усвоили приемы Зелимъ Хана съ требованіями выкупа и впослѣдствіи стали выпускать состоятельныхъ русскихъ за взносъ въ пользу Краснаго Креста, подобно туркамъ, требовавшихъ съ уѣзжавшихъ иностранцевъ взносъ на турецкій флотъ.

Однако сидѣть сложа руки все же нельзя было и когда, непрестанно размышляя кого бы призвать на помощь, я придумалъ послать телеграмму Президенту Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, Гринбергъ мою мысль вполнѣ одобрилъ и мы вмѣстѣ выработали слѣдующій текстъ, который присяжный переводчикъ, очаровательный англичанинъ мистеръ Дайеръ, картинно передалъ по англійски.

Президенту

United States President.

Соединенныхъ Штатовъ

New-York.

Вильсону.

Нью-Йоркъ.

In Humanity's name aid
us. against German atrocities.
Germany not satisfied with

Во имя человѣчности
спасите отъ нѣмецкой же-
стокости! Германія не удо-

barbarously treating Russian civilians German watering plase sand elsewhere, innocent invalid women confined to their hotels for weeks guarded by police, promises of speedy release absolutely disregarded, glory in maliciously oppressing. Germany alone scorns national rights, helpless beings trampled down, public opinion inflamed against them. help us. Was personally detained four weeks Germany whereof twelve days with 139 fellow Russians many invalids and aged interned in Hamburg. Awaiting here two unfortunate Russian ladies detained with others 13 days Hamburg hotel inexpressibly ill treated. Kindly reply Paladshotel, Copenhagen, journalist, barrister Greger Schwartz.

вольствуется тѣмъ, чтобы варварскимъ образомъ мучить мирныхъ русскихъ гражданъ, захваченныхъ войной въ нѣмецкихъ курортахъ; невинно страдающихъ, больныхъ русскихъ женщинъ недѣлями задерживаютъ въ Германіи подъ строгимъ гостинничнымъ арестомъ. Ежедневно ихъ терзаютъ обѣщаніями дачи скорого разрѣшенія на отѣздъ и злорадно шиканируютъ ихъ. Германія одна неслыханнымъ образомъ издѣвается надъ международнымъ правомъ, въ прахъ топча беззащитныя существа и возбуждая противъ себя общественное мнѣніе. Во имя человѣчности помогите! Послѣ того, какъ я самъ былъ задержанъ въ Германіи въ теченіе четырехъ недѣль, изъ которыхъ 12 дней, вмѣстѣ со 139 русскими, частью стариками и больными, былъ заключенъ въ Гамбургѣ, я ожидаю здѣсь уже двѣ недѣли двухъ несчастныхъ русскихъ дамъ *) которыхъ, вмѣстѣ

*) Я подразумѣвалъ г-жу Б. и г-жу Лебедеву. За мужчинъ хлопотать я считалъ бесполезнымъ.

съ другими, 13 дней не-
сказанно мучать гостин-
ничнымъ арестомъ въ Гам-
бургѣ. Отвѣтить прошу мнѣ
въ Копенгагенъ. Палась-
Отель. Русскій журна-
листъ и адвокатъ Григорій
Шварцъ.

Эта телеграмма обошлась очень дорого. Въ ней
было 107 словъ, слово въ Нью-Йоркѣ стоитъ 1 крону
35 эровъ и, такимъ образомъ, вся телеграмма стоила
133 кроны и 75 эровъ. Отправлена она была въ 8 ча-
совъ веч. 30/VIII—12/IX, а уже въ 3 ч. 49 м. ночи изъ
Нью-Йорка телеграфъ послалъ мнѣ отвѣтъ классическа-
го содержанія.

M. Greger Schwartz.

Palads-Hotel.

Copenhagen.

United States President

New-york undlived not for
Newjorkcity.

Мистеру Григорію Шварцъ.

Палась-Отель.

Copenгагенъ.

Президентъ Соединен-

ныхъ Штатовъ въ Нью-Ю-
кѣ не живетъ.

Глава государства въ столицѣ этого государства
неразысканъ! Неудодно ли. Тутъ я только вспомнилъ, что
Президентъ постоянно живетъ въ Вашингтонѣ. Чтобы
исправить свою ошибку, я немедленно отправился на
телеграфъ и попросилъ протелеграфировать въ Нью-
Йорскій телеграфъ просьбу передать телеграмму Прези-
денту дальше въ Вашингтонъ, но на телеграфѣ мнѣ
объяснили, что теперь дополнительно нельзя передать
телеграмму Вильсону въ Вашингтонъ по телеграфу,
потому что въ Америкѣ телеграфы частное предпріятіе,
которое такими спеціальными и детальными функціями
не занимается; можно только просить Нью-Йорскій теле-

терафъ переслать ее въ Вашингтонъ письмомъ, которое будетъ итти всего 4 часа. Телеграмма съ этой просьбой обошлась еще въ 12 кронъ и 50 эровъ.

Моимъ обращеніемъ къ Президенту, почти совпавшимъ съ обращеніемъ къ нему Императора Вильгельма и бельгійской депутаціи, заинтересовалась копенгагенская коллегія журналистовъ. Представитель парижской газеты *Le Temps* и Американскаго союза печати (*The Associated Press of America*). *Mr. Albert Thorup* далъ объ этомъ телеграммы въ свои органы. Заинтересовалась и датская пресса, *Berlingske Tidende* въ лице *Svend'a Borberg'a* и др., но въ виду германофильскаго настроенія датскаго правительства, находящагося въ антагонизмъ съ германофобскимъ настроеніемъ широкихъ слоевъ населенія, они не рѣшались опубликовать на своихъ столбцахъ текстъ моего обращенія къ президенту. Отвѣта отъ Вильсона, однако, небыло. Прождали мы его десять дней и черезъ десять дней, 9/22 IX, послали вновь телеграмму Вильсону, на этотъ разъ уже въ Вашингтонъ, слѣдующаго содержанія:

United States President.
Washington.

Pray excuse pertinacity
have you received my wire
13 September about German
atrocities and detention
suffering Russian ladies
in Hamburg will you help
me. Kindly reply Palads-Hotel,
Copenhagen, barrister
journalist Greger Schwartz.

Президенту
Соединенныхъ Штатовъ.
Вашингтонъ.

Простите за беспокойство. Получили ли Вы мою телеграмму отъ 13 Сентября *) относительно нѣмецкихъ жестокостей и задержанія больныхъ русскихъ дамъ въ Гамбургѣ? Поможете ли Вы мнѣ? Отвѣтить прошу туда то (слѣдовали прежній адресъ и подпись).

*) День предполагаемаго полученія Вильсономъ моей телеграммы.

Въ Вашингтонъ слово стоитъ 1 крону 40 эровъ. Въ телеграммѣ было 34 слова и обошлась она въ 47 кронъ и 60 эровъ. Такимъ образомъ все обращеніе къ Президенту стоило 193 кроны и 85 эровъ и хотя на эту телеграмму отвѣта не послѣдовало, но все это имѣло свою пользу тѣмъ, что толкнуло меня на путь обращенія къ великимъ міра сего, путь въ концѣ концовъ, увѣнчавшійся нѣкоторымъ успѣхомъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ посылки первой телеграммы Вильсону, я рѣшилъ обратиться къ дирекціи „Дворца Мира“ въ Гаагѣ, какъ учрежденію постоянно, такъ думалъ я, функционирующему и объективно блюдущему незыблемыя основы международного права. Составилъ я туда обстоятельную телеграмму, за незнаніемъ голландскаго, на нѣмецкомъ языкѣ и, сдавъ на телеграфъ, уплатилъ по особому тарифу за отправку ея въ Гаагу черезъ Англію, такъ какъ боялся, чтобы, при слѣдованіи черезъ Германію, телеграмма небыла бы задержана нѣмецкой цензурой, о чемъ бы я никогда не узналъ, какъ никогда не узнавали родственники жертвъ, замученныхъ и убитыхъ медичисами въ Palazzo Vecchio во Флоренціи о судьбѣ дорогихъ для нихъ людей. Въ этомъ отношеніи тевтоны перещеголяли темнѣйшее средневѣковье. Къ тому же я боялся даже косвенно повредить несчастнымъ плѣнницамъ. Телеграмму приняли, но черезъ нѣсколько часовъ прислали мнѣ въ гостинницу обратно вмѣстѣ съ уплоченными деньгами, съ поясненіемъ, что телеграмма на нѣмецкомъ языкѣ не можетъ быть отправлена черезъ Англію. Однако черезъ Германію я все же не рискнулъ послать эту телеграмму, по вышеуказаннымъ соображеніямъ, и потому я поручилъ Дайеру перевести ее на англійскій языкъ. Вотъ редакція, въ которой телеграмма была отправлена 3/16. IX. 14:

The Hague Convention.

Hague.

Holland.

Protest against German atrocities invalid patients watering places. Russian women for weeks detained Hamburg daily promises speedy release disregarded inexpressible violation national rights have personally suffered German brutality for weeks plead for help for suffering Russian ladies detained sixteen days Hamburg. Kindly reply, Copenhagen, Paladshotel, Gregor Schwartz author barrister.

Въ Гагскую Конвенцію.

Гаага.

Голландія.

Протестую противъ нѣмецкой жестокости. Возвращающихся изъ курортовъ больныхъ, страждущихъ русскихъ дамъ недѣлями задерживаютъ въ Гамбургѣ, ежедневно терзаютъ обѣщаніями разрѣшенія на скорый отѣздъ. Это неслыханное надругательство надъ международнымъ правомъ. Я лично 4 недѣли страдалъ подъ ярмомъ нѣмецкой жестокости. Прошу оказать помощь для страждущихъ русскихъ дамъ, 16 дней задержанныхъ въ Гамбургѣ. Жду отвѣта по адресу... (Слѣдовали прежніе адресъ и подпись).

Ровно черезъ недѣлю, 10/23. IX., я получилъ отвѣтъ на эту телеграмму почтой отъ Голландскаго Генеральнаго Консульства въ Копенгагенѣ, за № 1461, отъ 22. IX. 14. Генеральный консулъ, по нѣмецки (это весьма характерно!), сообщалъ мнѣ, что моя телеграмма, адресованная въ „Гагскую Конвенцію“, получена въ Гагѣ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, которое поручило консулу сообщить мнѣ, что Голландское Правительство не можетъ заниматься разсмотрѣніемъ мѣропріятій, которыя Германское Правительство предпріяло въ

Германіи по отношеніи къ русскимъ или, во всякомъ случаѣ, не голландскимъ подданнымъ. Поэтому консулъ совѣтуетъ мнѣ обратиться съ просьбой въ Берлинъ, къ такому послу нейтральнаго государства, который занимается защитой русскихъ подданныхъ (sic!). Въ переводѣ на общепонятный языкъ, это означало весьма вѣжливое, но и столь же опредѣленное, указаніе на дверь.

Но я рѣшилъ уже ни передъ чѣмъ не останавливаться; видя, что и этихъ шаговъ мало, я придумалъ обратиться еще и ко вновь избранному римскому Папѣ Бенедикту XV-му. Для этого подходилъ текстъ телеграммы Вильсону, но только его надо было перевести на итальянскій языкъ. Отправились мы съ съ Гринбергомъ за этимъ въ итальянское консульство; тамъ намъ не перевели, но любезно направили насъ къ переводчику Калькару, управляющему конторой датскаго Ллойда; его не оказалось въ Копенгагенѣ, а помощникъ его направилъ насъ къ профессиональному переводчику Ринальдо Гизальберти. Послѣдній, по итальянской манерѣ содралъ за переводъ дорого, но за то перевелъ звучно. Вотъ текстъ телеграммы по итальянски:

Sua Santità

Papa Benedetto XV.

Roma.

In nome Umanità imploriamo aiuto contro atrocità tedesche. La Germania no solo si soddisfa martirizzare barbaramente civili Russi sorpresi dalla guerra in luoghi di cura tedeschi ma trattiene settimane intere innocenti Signore Russi sofferenti, ammalate, tormentandole ignominiosamente e malignamente raggirandole con vane promesse giornaliere di lascia partire. Germania sola calpesta inauditamente leggi umane anientando perfidamente creature inermi rivoltando pubblica opinione. In nome Umanità im-

ploriamo aiuto a Sua Santità. Per quattro settimane io stesso fui trattenuto Germania e per dodici giorni con altri 139 Russi internati Amburgo alcuni malati, invalidi, vecchi. Aspetto qui' inutilmente da due settimane due infelici Signore Russe che con altre sono penibilmento forzate arresto albergo Amburgo. Jmloriamo benigna risposta Sua Santità al Sig. Avvocato Gregor Schwartz giornalista Russo Paladshotel, Copenhagen.

Когда мы съ этимъ текстомъ явились на телеграфъ, то тамъ вовсе отказались принять телеграмму на итальянскомъ языкѣ. Оказалось, что мы хлопотали понапрасну съ тщательнымъ переводомъ. Пришлось возстановить прежній англійскій текстъ, и опять таки, чтобы эта телеграмма не попала въ руки тевтонскихъ палачей, я послалъ ее въ Римъ, по болѣе дорогому тарифу, черезъ Францію. Но и Папа мнѣ не отвѣтилъ, хотя на нѣмецкія звѣрства онъ потомъ реагировалъ извѣстной энцикликой.

Потомъ я составилъ, переведенное Дайеромъ на англійскій языкъ, обращеніе къ редакціямъ газетъ, въ которомъ приводилъ тексты моихъ телеграммъ Президенту Соединенныхъ Штатовъ, Папѣ Бенедикту XV-му и въ Гаагскую Конвенцію, сообщалъ, что самъ на себѣ испыталъ всѣ прелести нѣмецкаго режима и потому пишу теперь книгу своихъ воспоминаній о пережитомъ, и выражалъ протестъ противъ дѣйствій „культурной націи“.

Этотъ протестъ я разослалъ заказнымъ порядкомъ въ 25 мѣстъ. Въ американскія газеты: „New-Jork Herald“, „New-Jork Tribune“ въ Нью-Йоркѣ и представителю американской ассоціаціи прессы въ Копенгагенѣ—Альберту Тарупу; въ англійскія: „Times“, „Dailly Mail“ въ Лондонѣ; во французскія: „Matin“, „Le Journal“, „Le Temps“, „Figaro“ въ Парижѣ—Бордо; въ русскія: „Новое Время“,

„Рѣчь“, „Биржевыя Вѣдомости“ въ Петроградѣ, „Русское Слово“ и „Русскія Вѣдомости“ въ Москвѣ, „Вечерняя Газета“ и „Южная Копѣйка“ въ Кіевѣ, и представителю Петроградскаго Телеграфнаго Агенства въ Копенгагенѣ А. И. Маркову; въ датскія: „Berlingske Tidende“, „Politiken“, „Extrabladet“ въ Копенгагенѣ; въ итальяскія: „Corriere della Sera“ въ Миланѣ, „Tribuna“ и „Popolo Romano“ въ Римѣ, и, наконецъ,—на зло врагамъ—въ одну нѣмецкую „Berliner Tageblatt“ въ Берлинѣ, куда, къ моему удивленію, бумага, очевидно, дошла, ибо, въ противномъ случаѣ, почта заказной конвертъ вернула бы.

Не знаю, въ какихъ изъ перечисленныхъ органовъ, мой протестъ былъ напечатанъ—не слѣдилъ за этимъ. Но вся разсылка протестовъ была актомъ чисто академическаго характера. Между тѣмъ надо было продолжать дѣйствія, могущія и съ точки зрѣнія реальной политики принести практическіе результаты...

XIV.

Послѣднія попытки.

Дополнительно къ своей телеграммѣ о задержкѣ отъѣзда Бинцъ писалъ мнѣ (отъ 28/VIII—10/IX), что полиція ссылается на отсутствіе „ауторизаціи“ со стороны военныхъ властей, причины чего имъ де неизвѣстны; во всякомъ случаѣ возможность отъѣзда отдѣльных лицъ изъ всей задержанной партіи исключается. На послѣдніе нѣсколько сотъ марокъ, вытребованные имъ по телеграммѣ, онъ собирается устроить г-жѣ Б. аккредитивъ. Помощь детектива Юсифа Ш., къ которому я телеграфно рекомендовалъ ему обратиться, онъ отклонялъ и подчеркивалъ, что дѣлаетъ со своей стороны всё возможное.

На другой день послѣ полученія мною этого письма, отъ Бинца вновь прибыло письмо (отъ 29/VIII—11/IX), въ которомъ онъ писалъ, что, по просьбѣ г-жи Б., выдалъ ей, вмѣсто аккредитива, наличными нѣсколько сотъ марокъ. Генералькомандо, гдѣ онъ въ тотъ день побывалъ лично, отказало въ выдачѣ разрѣшенія отдѣльнымъ лицамъ и обѣщало скорый отъѣздъ всей партіи—ждутъ де только соотвѣтствующей бумаги изъ Берлина.

Такъ негодяи-германцы купно кормили „завтраками“ и въ тиши посмѣивались надъ нами. Я терялъ голову, что предпринять. Послалъ, между прочимъ, упо-

мянутому въ 8-й главѣ берлинскому барону фонъ-Гофе телеграмму съ оплаченнымъ отвѣтомъ, по адресу имъ записанному въ мою книжку. Я спрашивалъ, не можетъ ли онъ помочь и на какихъ условіяхъ. Отвѣтъ не получился. Гринбергъ высказалъ подозрѣніе, что такого барона вовсе не существуетъ и что адресъ онъ записалъ вымышленный, но я думаю, что въ такомъ случаѣ я получилъ бы телеграфную повѣстку о нерозыскѣ адресата.

Впослѣдствіи уже, по возвращеніи въ Россію, я узналъ изъ газетъ, что баронъ такого имени дѣйствительно существовалъ и что онъ все таки оказался мошенникомъ, специализировавшимся на обьегориваніи иностранцевъ. Значить я и докторъ Дубовскій, не смотря ни на что, ошиблись. Вотъ что о фонъ-Гофе было напечатано въ 289 №—рѣ газеты „Кіевлянинъ“, отъ 19-го октября 1914 года, въ статьѣ „Страничка изъ недавняго прошлаго“, подписанной инициалами Н. Г.:

„Возвратясь изъ нѣмецкаго плѣна на родину, несмотря на то, что жизнь начала уже понемногу входить въ прежнюю колею, по ночамъ все еще продолжаютъ мучить кошмары—отголоски пережитыхъ ужасовъ: вотъ открывается дверь, и на порогѣ вырисовывается рослая фигура нѣмецкаго жандарма, рядомъ—солдатъ съ ружьемъ... Они пришли ночью арестовать насъ, обвиняя въ черченіи военныхъ плановъ... Насъ выводятъ на улицу; даже во снѣ слышатся гулкіе шаги конвоя по тротуару... А затѣмъ—въ сотый разъ переживаю мучительныя минуты допроса, агонію ожиданія рѣшенія своей участи. Проснусь—и не вѣрю дѣйствительности.

Чуть засну—опять выплываютъ и мучаютъ мысли, что нѣтъ еще разрѣшенія на выѣздъ изъ Берлина, рѣютъ образы таинственной комендатуры, отъ которой все зависитъ, и куда попасть—неимовѣрно трудно.

Въ связи съ этимъ кошмаромъ вспомнилась мнѣ характерная сценка нашего пребыванія въ Берлинѣ. Собрались мы однажды въ одной комнатѣ, сидимъ грустныя, подавленные неопредѣленностью положенія; вдругъ—стукъ въ дверь, входятъ три знакомыя русскія дамы, живущія въ другомъ отелѣ.

— Возвѣщаемъ вамъ огромную радость!—говорятъ онѣ, перебивая другъ друга:—Есть возможность получить билеты помимо еврейскаго бюро! Нашелся добрый человѣкъ! это—баронъ Höfer, онъ близко стоитъ къ комендатурѣ, откуда непосредственно и получаетъ разрѣшенія на выѣздъ!

Мы насторожились: этотъ вопросъ былъ для насъ самый важный.

— Надо только вручить ему,—продолжаютъ вошедшія,—вашъ паспортъ, разрѣшеніе полиціи на жительство въ Берлинѣ и 100 марокъ, которыя пойдутъ въ уплату за билетъ. Баронъ назначитъ вамъ день, когда надо явиться къ нему, и вы получите билетъ II класса до Стокгольма... Видите—какъ просто! Причемъ вамъ не надо будетъ уплачивать лишнихъ 100 марокъ за билетъ II кл. и 200 марокъ—за билетъ I кл., которыя комендатура удерживаетъ якобы на Красный Крестъ—вѣдь это возмутительно! Завтра же къ 4 час. поѣзжайте къ барону: онъ очень любезенъ!..

— Но какъ-же отдать ему паспортъ и полицейское свидѣтельство? вѣдь черезъ каждые 3 дня мы должны являться въ полицію; а безъ свидѣтельства, насъ могутъ арестовать и бросить въ тюрьму!—ставлю я практическій вопросъ.

— Ничего, успокаиваютъ меня; его имя извѣстно всему Берлину и, по его словамъ, жена его—предсѣдательница комитета Краснаго Креста. Достаточ-

но будетъ предъявить въ полиціи его визитную карточку, на которой онъ напишетъ нѣсколько словъ!

Это извѣстіе взволновало насъ несказанно: вопросъ полученія билета на проѣздъ въ Россію былъ вопросомъ жизни и смерти.

Съ одной стороны такъ заманчиво получить билетъ черезъ 2—3 дня, избавивъ себя отъ томительной процедуры; съ другой—какъ-то страшно отдать незнакомому лицу документы, безъ которыхъ жить положительно нельзя. Благоразумно рѣшили переждать и посмотреть—чѣмъ окончится дѣло нашихъ знакомыхъ.

Черезъ 3 дня встрѣчаемъ ихъ на улицѣ.

— Получили билетъ?

— Нѣтъ еще, баронъ очень извиняется, проситъ зайти черезъ 2 дня; надежды не теряютъ!

Прошла недѣля; зашли къ нимъ узнать о положеніи дѣла. Онѣ страшно волнуются, и даже лица у нихъ какъ-то вытянулись: баронъ все откладываетъ выдачу билетовъ, оправдываясь тѣмъ, что въ комендатурѣ много работы.

Я посовѣтовалъ обратиться къ г. Петерсону (русскій учитель, работающій въ комендатурѣ спеціально по отправкѣ русскихъ на родину).

Вскорѣ все выяснилось: благодѣтель баронъ Höfer оказался самымъ обыкновеннымъ аферистомъ-евреемъ, носящимъ самую прозаическую еврейскую фамилію *). Къ счастью для насъ, онъ оказался нѣмецкимъ подданнымъ, а не русскимъ—чего мы боялись. Онъ ловко обиралъ довѣрчивыхъ

*) Еврейское происхожденіе барона—ни на чемъ, кромѣ крайне субъективнаго личнаго предположенія, не основанный выводъ автора статьи въ „Кіевлянинѣ“, ибо внѣшностью и манерами фонъ-Гофе отнюдь не напоминалъ еврея.

русскихъ, набралъ нѣсколько десятковъ тысячъ марокъ—предварительныхъ взносовъ за билеты и хотѣлъ уже ликвидировать свои дѣла; но вмѣшался г. Петерсонъ и прихлопнулъ его, явившись къ нему на квартиру съ пострадавшими дамами.

Сдѣлали легкій обыскъ и нашли знаменитаго барона... подъ кроватью.

Вызвали его въ комендатуру, куда онъ явился даже на костыляхъ, и долго отчитывали его. Окончаніе этой мелодрамы простымъ смертнымъ неизвѣстно. Кажется дѣло замяли“.

Впрочемъ долженъ оговориться, что я лично все же имѣлъ отъ барона еще до прочтенія вышеприведенной замѣтки вѣсточку, свидѣтельствующую о томъ, что онъ былъ, если такъ можно выразиться, „не совѣтъ мошенникъ“, но объ этомъ читатель узнаетъ своевременно изъ XVII главы.

Затѣмъ я воспользовался любезностью русскаго посланника барона Буксгевдена и попросилъ его, письмомъ отъ 2/15 IX похлопотать черезъ испанскаго посланника. Съ обычной любезностью баронъ отвѣтилъ мнѣ, письмомъ отъ 4/17 IX за № 925, въ которомъ сообщалъ, что испанскій посланникъ охотно немедленно взялся хлопотать и что съ другой стороны барону извѣстно, что 10/23 IX изъ Наугейма выпустятъ задержанныхъ тамъ русскихъ и отпустятъ также черезъ Зассницъ-Треллеборгъ. Дальнѣйшаго результата, однако, хлопоты испанскаго посланника не достигли.

31/VIII—13/IX я имѣлъ отъ г-жи Б. телеграмму, что есть надежда на отъѣздъ, но я уже пересталъ вѣрить надеждамъ. 3/16 IX была телеграмма отъ Бинтца, чтобы я выслалъ еще денегъ, но на этотъ разъ Гринбергъ удержалъ меня отъ перевода ихъ, увѣряя, что Бинтцъ жуликъ. И онъ былъ недалекъ отъ истины, такъ какъ черезъ часъ пришла телеграмма отъ г-жи Б. съ прось-

бой не удовлетворять телеграфнаго требованія Бинтцемъ денегъ, такъ какъ у нея довольно денегъ, а если понадобятся еще, то она извѣститъ сама. Потомъ прибыло пояснительное письмо Бинтца, въ которомъ онъ писалъ, что выдалъ г-жѣ Б. еще денегъ (но далеко не всѣ, переведенные ему), что Э. болѣе не кредитуетъ его и что онъ проситъ меня перевести ему еще 1000 марокъ, такъ какъ неизвѣстно де, сколько времени продолжится еще пребываніе въ Гамбургѣ задержанныхъ русскихъ. И баронъ Буксгевденъ, и упомянутый мною представитель Петрогр. Телегр. Аг—ва А. И. Марковъ, и мои пріятели Гринбергъ и Данцигеръ (дядя упомянутого въ 12-й главѣ Данцигера, пресимпатичный господинъ изъ Лодзи),—всѣ въ одинъ голосъ увѣрили меня, что Бинтцъ жуликъ и что онъ нарочно задерживаетъ отъѣздъ, видя возможность доить корову до безконечности. Я послушался и не послалъ денегъ, письменно отвѣтивъ Бинтцу, что таковыхъ сейчасъ не имѣю.

Вдругъ 4/17 IX, въ день полученія мною вышеупомянутого отвѣта отъ барона Буксгевдена, получается телеграмма отъ Бинтца:

„Отъѣздъ завтра. Подробности слѣдуютъ“.

Я повѣрилъ этой телеграммѣ потому, что, жившая въ томъ же Паласъ-Отелѣ, княгиня Святополкъ-Мирская также получила въ тотъ же день телеграмму отъ гувернантки своихъ дѣтей, задержанныхъ въ Бреславлѣ: „Пріѣзжаемъ завтра“. Тѣмъ горше было мое разочарованіе, когда наступило это завтра, дѣти княгини прибыли, а изъ Гамбурга никакихъ извѣстій небыло. Наконецъ наступаетъ и послѣ-завтра—6/19. IX—и приходитъ телеграмма отъ г-жи Б.:

„Получили паспорта. Ждемъ разрѣшенія на отъѣздъ“.

Въ тотъ же день была вновь телеграмма отъ Бинтца:

„Отъѣздъ отодвинуть на нѣсколько дней. Убѣдительно прошу денегъ“.

Но, поддерживаемый Гринбергомъ и Данцигеромъ, я былъ твердъ, какъ скала, и денегъ не послалъ. Потомъ было еще отъ Бинтца письмо, помѣченное 8/21 IX, въ которомъ онъ приводилъ текстъ письменнаго отъказа Генералькомандо ускорить отъѣздъ и вновь просилъ перевести г-жѣ Б. деньги.

Занятый всѣми этими хлопотами, я, однако, съ живымъ интересомъ слѣдилъ за развертывающимися на театрѣ военныхъ дѣйствій событіями; и вотъ читаю въ датскихъ газетахъ, отъ 18 или 19-го сентября н. ст., что нѣмцы собираются отдать подъ военный судъ взятаго ими въ плѣнъ въ Восточной Пруссіи командира 15-го армейскаго корпуса генерала Мартоса, обвиняя его въ отдачѣ якобы приказа разстрѣливать всё мужское населеніе занимаемыхъ мѣстностей.

„Вся кровь во мнѣ заговорила“, кровь журналиста по признанію и кровь русскаго человѣка, возмущеннаго новымъ, со стороны насильниковъ-тевтоновъ, попирательствомъ международнаго права. Я рѣшилъ рискнуть, рѣшилъ сдѣлать попытку пробраться въ пещеру льва и съ этой цѣлью послалъ 7/20 IX въ военный судъ въ Берлинъ слѣдующую телеграмму съ оплаченнымъ отвѣтомъ:

Kriegsgericht.

Berlin.

Laut Zeitungsnachrichten soll der gefangene General Martos unter öffentliches Kriegsgericht Anwesenheit internationaler Pressevertreter gestellt werden. Hinsicht Verantwortung Weltgeschichte wird Ihnen Anwesenheit eines russischen

Военный Судъ.

Берлинъ.

По газетнымъ свѣдѣніямъ взятый въ плѣнъ генераль Мартосъ будетъ преданъ гласному военному суду, въ присутствіи международныхъ представителей печати. Въ отношеніи отвѣтственности передъ всемірной исторіей для васъ бу-

Journalisten sehr erwünscht sein. Bin bereit dem Zweck mit meinem Secretair unter Bewachung nach Berlin zur Verhandlung zu reisen, wenn sie sich bereit erklären mir und meinem Secretair durch einen hiesigen akkreditierten neutralen Gesandten Hinreise Rückreise Pässe ausliefern, officiell diesem Gesandtem unsere Sicherheit garantieren uns Hinwege, sowie Rückwege, sowie Aufenthalte, sowie Gerichtssitzung gegen jedweilige Ausschreitungen des Volkes schützen, uns sofort nach Schluss Gerichtsverhandlung Rückreisegelegenheit geben. Antwort erbeten Palas-hotel Journalist Rechtsanwalt Gregor Schwartz.

детъ очень желательнымъ присутствіе на процессѣ русскаго журналиста. Я готовъ для этой цѣли, вмѣстѣ съ моимъ секретаремъ, приѣхать подъ охраной на процессъ въ Берлинъ, если вы изъявите готовность выдать мнѣ и моему секретарю, черезъ посредство какого либо аккредитованнаго въ Копенгагенѣ нейтральнаго посланника, паспорта, для путешествія туда и обратно, официально гарантируете этому посланнику нашу безопасность, защитите насъ отъ какихъ бы то нибыло выхождокъ со стороны народа, какъ по дорогѣ туда, такъ и по дорогѣ обратно, во время пребыванія въ Берлинѣ и во время судебного засѣданія и, немедленно по окончаніи судебного засѣданія, дадите намъ возможность выѣхать обратно. Отвѣтъ прошу на Паласъ-Отель. Журналистъ и адвокатъ Григорій Шварцъ.

Увы, тевтонскія головы, привыкшія мыслить отъ печки, не поняли античности этого жеста и даже не отвѣтили. Примѣръ кареагенянъ, отпускаявшимъ плѣнныхъ римлянъ на побывку на родину подъ честное сло-

во, ни въ одномъ вариантѣ ничего не могъ сказать отупѣвшимъ нѣмцамъ. Я хотѣлъ было потомъ послать имъ ироническую телеграмму съ предложеніемъ обогатить истощенную государственную казну суммой стоимости неиспользованнаго ими оплаченнаго обратнаго отвѣта въ размѣрѣ 1 кроны и 10 эровъ, но плюнулъ. Не мейте бисера...

Потомъ, прочитавъ въ газетахъ, что лица, хлопотавшія за захваченнаго въ Карлсбадѣ австрійцами профессора М. М. Ковалевскаго, обратились непосредственно къ испанскому королю Альфонсу 13-му и я рѣшилъ побезпокоить этого монарха и 9/22 IX послалъ ему телеграмму такого содержанія (текстъ ея опять перевелъ на англійскій языкъ обязательный мистеръ Дайеръ).

His Majesty

Alfonso King of Spain.

Madrid.

Его Величеству

Альфонсу, Королю Испаніи.

Мадридъ.

Appeal Your Majesty's chivalrous assistance for protection my poor countrymen so scandalously treated in Germany during the war begging your intervention on behalf suffering Russian ladies German brutality beggars description and public feeling inflamed against them suffering Russian women travelling through Germany detained 22 days Hamburg under promises speedy release oppressed and imprisoned in their ho-

Ваше Величество по рыцарски соблаговолили принять на себя на время войны защиту въ Германіи интересовъ моихъ бѣдныхъ, такъ ужасно терзаемыхъ, соотечественниковъ. Это даетъ мнѣ смѣлость всепокорнѣйше просить у Вашего Величества помощи противъ угнетенія беззащитныхъ, больныхъ русскихъ дамъ. Нѣмецкая жестокость превосходитъ всякія границы и вздымаетъ противъ себя общественное

tels slowly but surely driven to despair and death I appeal to Your Majesty's noble protection liberate them from their intolerable position and allow them to come to Copenhagen should Your Majesty vouchsafe a gracious reply my address is Paladshotel Copenhagen barrister journalist Gregor Schwartz.

мнѣніе. Въ теченіе 22-хъ дней больныхъ русскихъ дамъ, проѣздомъ очутившихся въ Гамбургѣ, задерживаютъ тамъ, ежедневно мучаютъ обѣщаніями скорого отъѣзда, издѣваются надъ ними, держа ихъ подъ строгимъ гостинничнымъ арестомъ и такъ медленно, но вѣрно, ведутъ ихъ въ объятія смерти. Спасите ихъ, Ваше Величество, освободите ихъ изъ этого ужаснаго положенія и велите ихъ отправить въ Копенгагенъ. Если Ваше Величество соблаговолитъ мнѣ отвѣтить, то мой адресъ такой то.

Увы, просившіе за Ковалевскаго были счастливы меня. Имъ король отвѣтилъ черезъ своего секретаря. (Но и это заступничество реальныхъ результатовъ не имѣло и Ковалевскій даже къ Новому Году небылъ освобожденъ). Я же никакого отвѣта небылъ удостоенъ.

Наконецъ, я, въ тотъ же день, обратился еще къ послѣднему, кажется, изъ не занятыхъ войной монарховъ Европы, къ шведскому королю.

Вотъ какъ я телеграфировалъ ему:

Seiner Majestät
König Oskar II
von Schweden.

Stokholm.

Geruhen Majestät gnädigst einer Bitte einer russischen Journalisten Gehör zu schenken. Majestät sind ein gnädiger König, ein Herrscher eines starken Reiches, ein einflussreicher Souverain und ritterlicher Beschützer unglücklicher und mishandelter. Im Namen der Menschlichkeit helfen Majestät gegen Niedertretung in barbarischer Weise von deutscher Seite der Menschenwürde, gegen Mishandlung wehrloser Frauen, gegen Verhöhnung der Elementarprincipien der Humanität, denn deutsche Grausamkeit übersteigt alles denkbare. Leidende russische Damen, vom Kriege in deutschen Badeorten überrascht, bemittelte Reisende, sind nun seit 22 Tagen in Hamburg in Hotelhaft aufgehalten, werden täglich mit Versprechungen baldiger Abreiseerlaubnis gequält, schadenfroh moralisch gepeinigt, eine unerhörte Verhöhnung des

Его Величеству
Оскару II-му,
Королю Швеціи.

Стокгольмъ.

Благоволите, Ваше Величество, всемилостивѣйше удѣлить вниманіе просьбѣ русскаго журналиста. Ваше Величество милостивый король, повелитель 'сильнаго государства, вліятельный суверенъ и рыцарскій защитникъ несчастныхъ и униженныхъ. Во имя человечества, помогите, Ваше Величество, противъ угнетенія со стороны нѣмцевъ самымъ варварскимъ образомъ человѣческаго достоинства, противъ униженія беззащитныхъ женщинъ, противъ издѣвательства надъ элементарными принципами гуманности, ибо нѣмецкая жестокость превосходить все мыслимое. Больныя русскія дамы, застигнутыя войной въ нѣмецкихъ курортахъ, состоятельныя путешественницы, теперь въ продолженіи 22-хъ дней задержаны въ Гамбургъ подъ арестомъ въ гостинницѣ, ежедневно ихъ мучать обѣщаніями

Völkerrechtes! Geruhen Majestät zu helfen diesen unglücklichen kranken Damen und deren Herüberschaffung von Hamburg nach Schweden. Sollten Majestät zu antworten geruhen, so ist meine Adresse so und so.

скорого разрѣшенія на отъѣздъ, злорадно ихъ подвергаютъ нравственнымъ пыткамъ—неслыханное издѣвательство надъ международнымъ правомъ. Благоволите, Ваше Величество, помочь этимъ несчастнымъ больнымъ дамамъ и содѣйствовать ихъ отправленію изъ Гамбурга въ Швецію. Если бы Ваше Величество соблаговолили отвѣтить, то мой адресъ такой то.

Телеграмму эту я отправилъ вечеромъ. Когда, поздно ночью, мы вернулись съ Гринбергомъ домой изъ театра, швейцаръ передалъ намъ, что меня экстренно вызывали съ телеграфной станціи. Не понимая въ чемъ дѣло и немного волнуясь, садимся въ автомобиль и ѣдемъ. Прибыли.

— Это вы отправляли телеграмму шведскому королю?

— Я.

— Какъ же вы могли адресовать на имя покойника?

— То есть какъ?

— Да очень просто. Вы адресовали Оскару II-му, а онъ два года, какъ покоится въ могилѣ. Теперь въ Швеціи благополучно царствуетъ Густавъ V-й.

— Боже мой, что же дѣлать?! схватился я за голову.

— Да что же,—я уже рискнулъ самъ за васъ исправить ошибку въ адресѣ, любезно сказалъ датчанинъ и покачалъ головою: какъ это, молъ, возможно такіа штуки дѣлать?!..

Вотъ что значить поусердствовать.

Въ концѣ концовъ, увлеченный этими обращеніями

ми къ великимъ міра сего и доведенный до отчаянія нѣмецкой подлостью, я хотѣлъ было, чтобъ досадить нѣмецкому самолюбію, послать Президенту Китайской Республики телеграмму такого содержанія:

Юаншикаю.

Пекинъ.

„Привѣтствую въ Вашемъ лицѣ главу государства, которому до сихъ поръ причиняли глубочайшую несправедливость, ставя его въ образецъ звѣрства и жестокости, тогда какъ самыя дикія безчинства боксеровъ партіи „Большого Кулака“ рѣшительно блекнутъ передъ злодѣяніями современныхъ гунновъ-тевтоновъ. Русскій журналистъ такой то“.

Но слово въ Китай стоило 3 кроны 40 эровъ и выбросить сотню кронъ на щелчекъ по гиппопотамовой кожѣ тевтоновъ мнѣ стало жаль.

Сухой комикъ Гринбергъ здѣсь не выдержалъ и сказалъ мнѣ:

— Ну, знаете, списокъ коронованныхъ и некоронованныхъ правителей европейскихъ и заокеанскихъ государствъ теперь исчерпанъ весь, полностью; часть занята войной, другая чтеніемъ вашихъ телеграммъ—теперь вамъ остается одно только, послѣднее лицо, къ которому вы можете еще обратиться съ просьбой объ освобожденіи г-жи Б., и которое, какъ лицо близкое къ женскому вопросу съ одной стороны и къ Императору Вильгельму съ другой, несомнѣнно можетъ вамъ помочь.

— Но кому же именно, Маврикій Наумовичъ? Скажите, ради Бога, скорѣе, къ кому, не томите!

— Къ Оберъ-Евнуху турецкаго султана, послѣдовалъ краткій отвѣтъ.

Американскій трюкъ.

Телеграфировать я телеграфировалъ, беспокоиться безпокоился, а осязательныхъ результатовъ все небыло. Въ Германіи же положеніе русскихъ день ото дня становилось все хуже и хуже. Доходило до того, что самыя безобидныя телеграммы стало затруднительно передавать несчастнымъ узникамъ.

Такъ Гринбергъ послалъ, напимѣрь, телеграмму самага невиннаго характера, съ запросомъ о здоровьи, своему родственнику Эттингеру, задержанному въ Киссингенѣ, и телеграмма эта была ему возвращена, за непускомъ военной цензурой въ Гамбургѣ. И при этомъ небыло, какъ и во всемъ, никакого единообразія. Подобныя телеграммы сплошь и рядомъ пропускали и, опять таки сплошь и рядомъ, задерживали.

Понятно, что это меня волновало неимоვნно, я терялъ всякую надежду и приходилъ въ отчаяніе.

И тутъ Его Величество—Случай самымъ причудливымъ образомъ вмѣшался въ мою жизнь и дернулъ за правильную нитку, которая распутала весь Гордіевъ узелъ. Случилась такая чисто пинкертоновская исторія, что не переживи я самъ ее, самолично, на глазахъ многихъ свидѣтелей, я бы, слыша про эти похожденія своеобразной Гарриэтъ Болтонъ-Рейдъ въ устахъ другого,

признаться, не повѣрилъ бы и усумнился бы въ истинѣ его словъ. А между тѣмъ фантастичный пинкертоновскій вымыселъ сталъ фактомъ. Вотъ какъ было дѣло.

На другой день послѣ отправки мною телеграммы шведскому королю, 10/23 сентября 1914 г., въ Копенгагенъ пріѣхалъ по дѣламъ изъ Петрограда не разъ упомянутый мною раньше адвокатъ Каплунъ. Я былъ очень радъ его видѣть и вмѣстѣ съ нимъ, Гринбергомъ и еще однимъ петроградскимъ помощникомъ присяжнаго повѣреннаго, славнымъ М. К. Вольфсономъ, мы рѣшили вчетверомъ пообѣдать въ „Bristol'ъ“. Времени до обѣда оставалось еще много и вотъ, когда мы съ Гринбергомъ, медленно и въ раздумьи, спускаемся по широкой лѣстницѣ Palas Hotel'я, Гринбергъ замѣчаетъ идущую впереди насъ даму.

— Посмотрите, толкаетъ онъ меня, какая хорошенькая дамочка!

— Не разглядѣлъ.

— Очень хорошенькая, увѣряю васъ. Возможно что русская.

— Ну такъ что?

— А то, что давайте, познакомимся съ нею!

— Да что вы, бросьте.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ!

— Да я вовсе не расположенъ сейчасъ знакомиться съ дамами, да еще въ гостинницѣ пристать — можно нарваться на скандалъ.

— Зачѣмъ, можно все деликатно сдѣлать. Ну, дорогой, для меня, давайте познакомимся.

— Ну—для васъ, такъ и быть. Для друга семь верстъ не околица.

И мы пошли за дамой, которая спустилась на площадку перваго этажа и взошла въ читальню, гдѣ сѣла за газету. Мы же встрѣтили тамъ Данцигера и стали бесѣдовать на тему о военныхъ событіяхъ и объ опе-

раціяхъ генерала Гинденбурга, о которомъ я отзывался скептически.

Дама же, видимо, изъ за своей газеты слѣдила за нашимъ разговоромъ и, судя по выраженію ея лица, понимала въ чемъ дѣло.

Гринбергъ все указывалъ мнѣ знаками, что пора перейти къ атакѣ, какъ вдругъ дамочка сама разрѣшила наши сомнѣнія и вмѣшалась въ нашъ разговоръ на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ, хотя и съ примѣсью легкаго акцента, напоминавшаго польскій.

— Извините, господа, сказала она, но вы невѣрно оцѣниваете событія; я сама только что вернулась изъ Бреславля и могу васъ увѣрить, что на генерала Гинденбурга тамъ возлагають большія надежды.

Съ этого завязался разговоръ и вскорѣ мы узнали, что дама эта—американка по рожденію, не то изъ Калифорніи, не то изъ Санъ-Франциско, вышла въ Америкѣ замужъ за промышленника-фабриканта, жила съ нимъ сначала въ Пекинѣ, гдѣ даже научилась немного китайскому языку, (она, между прочимъ, свободно, въ совершенствѣ, владѣла почти всѣми европейскими языками), а теперь живетъ съ мужемъ въ Россіи, въ средней Азіи, въ городѣ К., гдѣ у ея мужа 54 завода. Зовутъ ее миссъ Розбери Г. Жизнь на глухой окраинѣ мало привлекаетъ ее и потому почти полъ-года она живетъ въ Европѣ, путешествуя со своей маленькой бѣби, двухлѣтней дочуркой. Война застала ее въ Бреславлѣ, гдѣ у нея были какіе то не то родичи, не то свойственники.

— Ну что, съ вами, лэди, плохо обращались?

— Со мной?! О что Вы, я вольная амеріканская граждѣнка -(такъ выговаривала она). Меня не смѣетъ никто тронуть. Чуть что—я сейчасъ вызываю по телефону нашего консула, а тотъ уже умѣетъ постоять за честь и достоинство американскихъ подданныхъ.

— Не то, что наши испанскіе защитники, подумалъ я.

— Знаете, продолжала она, американское правительство отпускает своимъ консуламъ на это спеціальныя средства. Консулъ, напр., на мой телефонный вызовъ немедленно пріѣзжаетъ ко мнѣ на автомобилѣ и даже не беретъ съ меня за расходы по поѣздкѣ — это все идетъ на счетъ Соединенныхъ-Штатовъ.

— Почему же Вы раньше не выѣхали, лэди?

— Мнѣ нечего было такъ особенно беспокоиться, мнѣ ничего не грозило; но къ тому же и изъ Бреславля для частныхъ лицъ никакого сообщенія небыло. Тамъ всѣ невѣроятно заняты защитой города и стягиваніемъ войскъ. Ну вотъ я и сидѣла, а потомъ собралась и уѣхала.

— И никакихъ препятствій Вамъ не чинили?

— Мнѣ?! Я вольная амеріканская граждѣнка. Меня никто не смѣетъ тронуть.

Дѣйствительно, американцевъ нѣмцы какъ огня боялись.

— Какъ же вамъ понравился Копенгагенъ, лэди? спросилъ Гринбергъ.

— О, я его совсѣмъ не разглядѣла. Вѣдь я вчера пріѣхала, а сегодня въ 5 ч. ѣду дальше на Мальмэ, Стокгольмъ, Раумо, Петроградъ.

Какъ, уже сегодня?, всполошился Гринбергъ, и вотъ мы стали уговаривать m-me Розбери не торопиться отѣздомъ въ Россію и остаться въ Копенгагенѣ, который мы обѣщали ей показать всесторонне.

Но М-me Розбери не соглашалась и приводила три довода: 1) она насъ совсѣмъ не знаетъ и не можетъ довѣриться случайнымъ знакомымъ; 2) съ нею есть бѣзби, которое сейчасъ безъ няни, т. к. нѣмку нельзя было вести въ Россію; 3) у ней уже купленъ билетъ на вечерній пароходъ до Мальмэ и спальное мѣсто въ поѣздѣ оттуда до Стокгольма.

Но мы постарались разбить эти доводы: что зна-

читать случайное знакомство, когда съ одной стороны теперь война такъ перевернула все вверхъ дномъ и такъ передвинула всякія перспективы, что обычное стало случайнымъ, а случайное обычнымъ, а съ другой — развѣ не въ духѣ свободнаго американскаго народа быть выше узкихъ европейскихъ предразсудковъ! Во вторыхъ, что касается бэби, то вѣдь нѣтъ ничего легче, какъ найти для него въ Копенгагенѣ временную няньку и распорядиться по этому поводу мы съ удовольствіемъ беремъ на себя. А билеты — это уже совсѣмъ плевое дѣло, дайте ихъ намъ и мы немедленно вернемъ ихъ бюро спальныхъ вагоновъ.

Дамочка все еще колебалась, но когда она, въ доказательство истины своихъ словъ, показала намъ билеты, то билеты эти немедленно исчезли въ жилетномъ карманѣ Гринберга и мы, вырвавъ у м-те Розбери согласіе отобѣдать въ обществѣ нашихъ друзей и поручивъ бэби временному наблюденію телефонной барышни, помчались съ Гринбергомъ въ жел.-дор. бюро возвращать билеты, потомъ мы извѣстили Каплуна и Вольфсона и, наконецъ, купивъ по дорогѣ цвѣты, вернулись обратно въ гостиницу.

Вскорѣ сошла м-те Розбери, пришли наши пріатели, бэби мы посадили съ кассиршей отеля въ автомобиль и, давъ послѣдней 10 кронъ на расходы, предложили ей до вечера не возвращаться. Потомъ мы всѣ отправились обѣдать въ „Bristol“. Обѣдъ прошелъ весело и непринужденно, а послѣ него мы сѣли въ автомобиль и поѣхали на берегъ моря, на Lange Linie, гдѣ пили кофе. Я потягивалъ свой любимый шерри-коблеръ и невеселыя мысли кружились въ моей головѣ.

— А отчего Вы такой печальный, мосье, замѣтила американка мое настроеніе.

Тутъ мои пріатели, знавшіе исторію плѣна г-жи Б., и моихъ безплодныхъ телеграммъ, стали на перерывъ рассказывать ей детали этого дѣла.

Внезапная мысль сверкнула въ глазахъ у m-те Розбери.

— Вы знаете, господа, сказала она, если бы у меня была няня для моего бэби, я бы сейчасъ поѣхала въ Гамбургъ и освободила бы эту несчастную дамочку.

— Ну что Вы, усмѣхнулся я. Вы сами едва только что выбрались изъ пасти льва, какъ Вы можете опять рискнуть ѣхать туда!

— О, со мной, ровно ничего не можетъ случиться, вѣдь я амѣриканская граждѣнка, вновь съ гордостью подчеркнула она.

— Да все равно, вмѣшался Гринбергъ, это вѣдь невозможная авантюра.

— Невозможная, стиснула зубы лэди Розбери. Для амѣриканки нѣтъ невозможнаго. Скажите мнѣ только одно—г-жа Б. не шпіонка?, обратилась она ко мнѣ.

— О, конечно нѣтъ.

— Навѣрно? Вы ручаетесь? Въ этомъ отношеніи я ничѣмъ не рискую?

— Само собой разумѣется, ручаюсь.

— Ну тогда найдите мнѣ няню для моего бэби и я ѣду въ Гамбургъ.

На мгновеніе мы всѣ остолбенѣли. Одинъ скептикъ Гринбергъ не унимался и говорилъ:

— Ничего не выйдетъ.

— А вотъ я вамъ, докажу, что выйдетъ. Если только Богъ можетъ это сдѣлать, то я нѣ могу, но если человекъ это можетъ сдѣлать, то я могу сдѣлать.

Потомъ она обратилась ко мнѣ уже чисто дѣловымъ тономъ:

— Вы меня не знаете, я Васъ не знаю, но я вѣрю Вамъ, что господа Б. не шпіонка и, если Вы найдете мнѣ няню для бэби, я завтра ѣду. Денегъ я съ Васъ за это не возьму, Вы только заплотите мнѣ за дорогу и путевыя издержки.

Надо ли говорить, что я охотно согласился, хотя все еще не вѣрилъ въ возможность осуществленія этого чисто—американскаго, по химеричности своей, плана.

Чтобы не дать американкѣ опомниться, мы скоро взяли автомобиль, заѣхали въ отель, гдѣ поручили швейцару хоть изъ подъ земли добыть, а извернуться и доставить на завтра утромъ няню для бѣби, а потомъ поѣхали въ оперетту. Скучнѣйшія „Чары весны“ мы не досмотрѣли до конца, а повезли американку ужинать въ другой шикарный копенгагенскій ресторанъ, къ Вивелю, гдѣ пили *l'groû Gout Americain* за успѣхъ предпріятія. А ночью мы вновь поѣхали кататься на автомобилѣ и мчась по набережной, любовались, какъ датскіе прожекторы то и дѣло съ налету освѣщали портъ и зорко сторожили возможное нарушеніе нейтралитета. И когда автомобиль мчался мимо черныхъ острововъ, по милости тевтоновъ лежавшихъ въ дрейфѣ, пароходовъ и какъ вспышки молніи ихъ освѣщали секторы лучей прожекторовъ, мнѣ казалось, что мы мчимся навстрѣчу желанной цѣли, что мы ближе къ освобожденію несчастной г-жи Б.

Ночь прошла тревожно. Всѣ спали плохо, ибо необычайный, чисто американскій планъ лэди Розбери волновалъ всѣхъ и, въ то же время, манилъ своей сверхэксцентричностью.

Поѣздъ отходилъ въ 9 часовъ утра (на Гьездеръ, оттуда паромомъ на Варнемюнде, оттуда вновь поѣздомъ на Гамбургъ). До 8 еще мы были на ногахъ. Я снабдилъ мадамъ Розбери подробными адресами адвоката Бинтца, агента гамбургской политической полиціи Юсифа Ш., (проводжавшаго насъ тогда до Любека), американскимъ національнымъ значкомъ для ношенія на верхнемъ платьѣ и необходимымъ количествомъ денегъ. Къ госпожѣ Б., во избѣжаніе недоразумѣній и сомнѣній съ той стороны, я далъ ей легитимационную карточку, по

необходимости краткую, тоже въ чисто пинкертоновскомъ стилѣ—на оборотѣ моей визитной карточки я написалъ: „Эта лэди—американка, которая желаетъ Вамъ добра. Прошу ее слушаться во всемъ“.

Съ нетерпѣніемъ ждали мы няньку для бэби, наконецъ появилась и нянька; все было улажено и съ трепетомъ мы отправились на вокзалъ. И здѣсь сразу обнаружилась вся ловкость и предусмотрительность нашей американки. Только успѣли мы ступить на вокзалъ, какъ она сказала намъ по нѣмецки: „А теперь, господа, прошу—ни слова болѣе по русски, у нѣмцевъ шпионы по всюду и меня пріймутъ за русскую шпионку, ѣдущую въ Германію“. Мѣра была далеко не лишняя, какъ нельзя болѣе остроумная, свидѣтельствующая о чисто женской предусмотрительности лэди и о томъ, что предприятие освобожденія г-жи Б. въ надежныхъ рукахъ.

Поѣздъ ушелъ и, полные надеждъ и тревогъ, вернулись мы съ Гринбергомъ въ гостинницу. Каплунъ и Вольфсонъ, узнавъ что американка привела свое внезапное намѣреніе въ исполненіе, прямо отказывались вѣрить этому, а бравый майоръ американской арміи, мистеръ Джорджъ Шерманъ изъ Вашингтона, жившій въ одномъ отелѣ съ нами, добродушно ухмылялся и говорилъ: „Да, американки знаютъ, они того — умѣютъ“...

Въ тотъ же день 11/24 сентября я получилъ и отвѣтъ отъ шведскаго короля на мою телеграмму. Письмо это было писано кабинетъ-секретаремъ шведскаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ 9/22 IX (снимокъ съ него, какъ любопытнаго историческаго документа, приложенъ къ этой книгѣ) и гласило:

Kungl. Utrikes
Departementet.
Kabinettsecretaren.
Stockholm den 22
September 1914.

Till Herr Gregor Schwartz,
Köpenhamn.

Med anledning av Edert telegram till Hans Majt Konungen har jag äran meddela att Hans Majestät givit order om införskaffande av upplysning rörande utsikterna för infrågavarande damers frigivande.

Högahtningsfullt
Olwerlof.

Королевскій Департаментъ
Иностранныхъ Дѣлъ.
Кабинетсекретарь.
Стокгольмъ 22-го
Сентября 1914 г.

Господину
Григорію Шварцъ.
Копенгагенъ.

Въ отвѣтъ на Вашу телеграмму къ Его Величеству Королю, имѣю честь сообщить, что Его Величествомъ даны распоряженія объ освобожденіи задержанныхъ, въ связи съ текущими событіями, дамъ.

Съ глубокимъ уваженіемъ
Ольверловъ.

Поздно ночью въ день отъѣзда американки, 11/24 IX, отъ нея была получена телеграмма, сданная въ Гамбургъ въ 11 ч. 58 м. ночи и гласившая:

„Б. здорова. Завтра днемъ дальнѣйшее. Привѣтъ Гринбергу. Лэди Розбери.“

Черезъ сутки, 12/25 IV, отъ мадамъ Розбери пришла вторая телеграмма, тоже сданная въ Гамбургъ ночью, въ 12 ч. 35 м.:

„Б. и я выѣзжаемъ завтра въ 8 часовъ утра въ Копенгагенъ. Поцѣлуйте бэби. Лэди Розбери“.

Намъ съ Гринбергомъ не хотѣлось вѣрить своимъ глазамъ. Неужели всё это правда и безумная затѣя американки близка къ завершенію?

— Это не она, это всё содѣйствіе шведскаго короля, рѣшилъ Гринбергъ. Но, какъ потомъ оказалось, милый скептикъ на этотъ разъ былъ неправъ. Героиня всего была мадамъ Розбери и только одна она.

Какъ нельзя болѣе довольные событіями послѣднихъ сутокъ, зашли мы, вечеромъ этого дня, съ Гринбергомъ къ нашему милѣйшему Свенду Борбергу въ отдѣленіе „Берлински Тиденде“.

— А знаете, господа, мы наканунѣ грандіозныхъ событій, съ таинственной торжественностью встрѣтили онъ насъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ только что по телефону просилъ всѣ редакціи не печатать этого, чтобы не подымать общественнаго мнѣнія, но вамъ я могу сообщить...

— Въ чемъ же дѣло?

— Сегодня вечеромъ англійская эскадра, въ составѣ 21-го выпела вошла въ Малый Бельтъ и бросила тамъ якорь недалеко отъ Фредеричіи. Вы, понимаете, конечно, что это нарушеніе нейтралитета, которое можетъ быть чревато самыми неожиданными послѣдствіями...

У меня сжалось сердце.

— Значитъ сообщеніе съ Германіей грозитъ быть прерваннымъ каждую минуту, ибо нѣмецкая эскадра не преминетъ сдѣлать у своихъ береговъ сильнѣйшія минныя загражденія и прервать всякую коммуникацію?

— Ну, конечно.

Я стоялъ, точно громомъ пораженный.

Передъ самымъ концомъ, съ такимъ трудомъ поведенное дѣло должно было разрушиться. Стоило американкѣ ѣхать освобождать женщину, чтобы вмѣстѣ съ нею быть отрѣзанной отъ дороги домой и остаться въ плѣну, а я съ чужимъ ребенкомъ одинъ въ Даніи!!

— Вы всё видите въ черномъ свѣтѣ, пробовалъ утѣшать меня Гринбергъ. Надо сначала выждать.

Но я былъ безутѣшенъ: затратить столько трудовъ и усилій, положить столько заботъ и хлопотъ и сорваться у самаго призового столба—есть отъ чего въ отчаяніе прійти!

Мы пошли въ извѣстное телеграфное агентское бю-

ро Ритцау и тамъ и Торупъ и Марковъ, также каждый подъ секретомъ, сообщили намъ новость Борберга.

Я чувствовалъ себя въ положеніи игрока, который сыгралъ ва-банкъ на послѣднее и карта котораго оказалась битой.

Прошла (надо ли прибавлять, что безсонная) ночь. Настало утро 13/26 сентября и прибыла новая, послѣдняя телеграмма, сданная въ 6 ч. 55 м. утра:

„Б. и лэди Розбери прибываютъ въ 6 ч. 27 м.“.

Гринбергъ, Вольфонъ (Каплунъ еще 11/24 уѣхалъ, мы провожали его до Мальмэ, посмотрѣли тамъ Балтійскую выставку и вернулись въ тотъ же вечеръ въ Копенгагенъ) и я не хотѣли вѣрить своимъ глазамъ. Весь Палась-Отель, знавшій трагическую исторію г-жи Б., раздѣлялъ нашу тревогу, и нетерпѣніе. Мы бѣгали по городу, покупали цвѣты, фрукты и конфеты, украшали приготовленную для г-жи Б. комнату и волновались. Чѣмъ ближе приближалась стрѣлка къ половинѣ седьмого, тѣмъ болѣе мы тревожились. Задолго до прихода поѣзда мы были уже на вокзалѣ. Поѣздъ, конечно, какъ полагается, запоздалъ, но, наконецъ, онъ прибылъ и привезъ г-жу Б. и ея спасительницу лэди Розбери.

Радостный мигъ, не поддающійся описанію.

Американка была права,—что человѣкъ можетъ и она могла.

XVI.

Разсказъ плѣнницы.

Пережитое г-жей Б., отъ Ахенскаго плѣненія до чудеснаго пинкертоновскаго освобожденія, напоминаетъ повѣствованія изъ временъ самаго мрачнаго средневѣковья. Ледянымъ ужасомъ вѣетъ отъ ея разсказа о нѣвѣроятныхъ поступкахъ современныхъ гунновъ. Вотъ что мы отъ нея услышали.

— Я проживала въ Ахенѣ и почти заканчивала курсъ леченія моего несчастнаго ревматизма, когда начали сгущаться первыя тучи. Мало интересуясь политикой и плохо понимая нѣмецкій языкъ, я почти не заглядывала въ газеты и только оцупью ориентировалась въ происходившемъ вокругъ. Отъ другихъ русскихъ я узнала объ объявленіи войны Австріей Сербіи, отъ нихъ же я слышала о грозящей войнѣ съ Россіей; ночныя демонстраціи и манифестаціи жителей не давали мнѣ спать, но я никакъ не могла себѣ представить, чтобы я могла быть замѣшана въ этотъ круговоротъ событій и что искры Марса могли коснуться и меня, мирной путешественницы, пріѣхавшей оставить здѣсь свои деньги—настолько сильна была моя увѣренность, что я нахожусь въ „культурной“ Германіи. Дальнѣйшія событія показали, какъ ужасно я обманулась.

Когда была объявлена мобилизація, начался уси-

ленный разъездъ русскихъ; всѣ спѣшили уѣхать, кто по направленію къ русской границѣ, кто въ Бельгію, кто въ Голландію. Отель „Кайзербадъ“, въ которомъ я остановилась, почти совершенно опустѣла — остались только два поляка и я.

22/VII—4/VIII ихъ вызвали въ полицію, откуда они вскорѣ вернулись, получивъ разрѣшеніе на немедленный выѣздъ въ Голландію. Сейчасъ же они сложили свои вещи и моментально выѣхали. Я осталась одна въ гостинницѣ, немного удивленная тѣмъ, что меня не вызвали въ полицію, но никакъ не подозрѣвавшая того, что меня ждало.

Правда, вечеромъ въ отель зашелъ полицейскій въ штатскомъ, спросилъ черезъ директора мой паспортъ, просмотрѣлъ его и, пошептавшись съ директоромъ, ушелъ. На мой вопросъ—директоръ, который раньше постоянно завѣрялъ меня, что я спокойно могу оставаться, сталъ отвѣчать очень уклончиво, говоря, что русскіе вообще не могутъ здѣсь дольше пребывать.

На сердцѣ у меня становилось все болѣе неспокойно, точно свинцовая туча давила мой мозгъ. Злое предчувствіе сковало меня всю, но все же я не могла себѣ представить, чтобы ожидавшіе меня ужасы вылились въ такую страшную форму.

На другой день, въ 9 ч. утра, 23/VII—5/VIII н. ст., я сходила по лѣстницѣ отеля, чтобы отправить телеграмму. Вдругъ мнѣ перегораживаетъ дорогу шуцманъ въ штатскомъ и заявляетъ мнѣ, что онъ командированъ арестовать меня и отвезти въ полицію. Стоявшій рядомъ съ нимъ директоръ отеля, раньше утѣшавшій меня, что я могу спокойно здѣсь оставаться, ни звука не сказалъ полицейскому. При этомъ должна отмѣтить, что въ эти дни и отношеніе ко мнѣ отельной прислуги, въ особенности горничной, рѣзко перемѣнилось и, прежде весьма почтительная, дѣвушка теперь чуть не лѣзла ко мнѣ

съ кулаками, обвиняя русскихъ въ томъ, что ея жениха взяли въ солдаты.

Итакъ покоряюсь шуцману и иду, но не вѣрю, что это надолго, что вообще мнѣ сдѣлають что нибудь неприятное,—вѣдь я нахожусь въ культурной Германіи!

Привели меня въ участокъ, гдѣ я застала много русскихъ; видъ ихъ меня сразу вывелъ изъ состоянія спокойствія. Заплаканные, усталые, съ блѣдными лицами, о чемъ то тихо шепчутся. Подхожу и спрашиваю— „Вы русскіе?“— „Да, русскіе“. Тихонько разговорились. Среди нихъ мое вниманіе привлекли двѣ измученныя дамы и старикъ, которому онѣ ежеминутно то подавали воду, то щупали пульсъ. Когда дамы немного успокоились, я узнала, что власти особенно подозрительно относятся къ старику, потому что онъ генераль въ отставкѣ, участвовавшій въ турецкой компаніи, изъ г. Николаева, по фамиліи Радецкій; путешествовалъ онъ по Германіи съ женой и съ родственницей М. Л. Дебакуръ, но по дорогѣ въ Бельгію былъ арестованъ. Среди арестованныхъ находился между прочимъ, негръ, также пріѣхавшій изъ Россіи, который на ломанномъ русскомъ языкѣ утѣшалъ меня: „Нэ бойса, баришна, я имъ покажу, я имъ отомщу“. Какъ онъ, бѣдный, могъ отомстить.... И гдѣ онъ теперь?... Не разстрѣляли ли его „les bôches“ изъ ненависти къ цвѣтнокожимъ комбатантамъ?!...

Затѣмъ насъ поочередно начали допрашивать: кто мы, откуда, гдѣ здѣсь остановились и т. д., а потомъ отобрали находившіяся при насъ цѣнности, серьги, кольца, деньги.

Потомъ насъ отвели по камерамъ, но т. к. всѣ камеры, повидимому, были переполнены, то меня помѣстили въ одной камерѣ съ вышеупомянутымъ генераломъ и его двумя спутницами. Такъ насъ продержали до пяти часовъ, когда появился полицейскій, вызвалъ меня по фамиліи и велѣлъ приготовиться.

— Куда вы меня поведете? спросила я.

— Незнаю, уклончиво отвѣтилъ онъ сквозь зубы и удалился.

Я съ грустью попрощалась съ моими товарищами по заключенію, которые завидовали мнѣ, считая, что меня выпускаютъ на свободу. Я думала, что никогда съ ними больше не встрѣчусь, но судьба, эта вѣчная обманщица, распорядилась иначе.

Черезъ нѣкоторое время снова появился шуцманъ и вызвалъ меня изъ камеры въ коридоръ, куда были выведены заключенные изъ сосѣднихъ камеръ. Намъ вернули отобранныя вещи, вывели насъ во дворъ, посадили въ тюремную карету и куда-то повезли. Куда? Карета была биткомъ набита арестованными, въ числѣ которыхъ я была единственная женщина. Среди насъ было два французскихъ офицера—зуава, въ формѣ. Сначала мы думали, что насъ везутъ на вокзалъ, но, увы, зданіе его мы миновали. Наконецъ насъ подвезли къ какому то строенію краснаго цвѣта, гдѣ сопровождавшій насъ полицейскій высадилъ одну меня, сдавъ дежурившему у входа товарищу. Остальныхъ повезли дальше. Куда—не знаю, можетъ быть въ крѣпость, а можетъ быть и на разстрѣлъ.

Мѣсто, куда меня привезли, оказалось тюрьмой. Конвоировавшая меня стража провела меня черезъ рядъ дворовъ и, наконецъ, мы позвонили у какой то калитки. Съ каждымъ новымъ дворомъ умирали во мнѣ всѣ надежды и послѣдняя калитка показалась мнѣ вратами вѣчности. На звонокъ явилась ужасная мегера, по имени Мари—какъ я потомъ узнала, и приняла меня подъ свое вѣдѣніе. Послѣднія ворота къ внѣшнему міру хлопнулись. Я была въ тюрьмѣ.

Мари привела меня въ какую-то камеру, позвала прислугу, (таковыми въ тюрьмѣ являлись женщины, отбывающія уголовныя наказанія), и велѣла мнѣ

раздѣться до нага. Послѣ тщательнаго обыска въ присутствіи, съ любопытствомъ глазѣвшихъ и подсмѣивавшихся, арестантокъ—прислужницъ, обыска при которомъ мнѣ даже расчесали волосы, Мари отобрала у меня всѣ драгоценности и деньги и занесла перечень отобраннаго въ отдѣльную книгу. На мой вопросъ, почему я арестована, мнѣ объяснили: по подозрѣнію въ шпионажѣ. Потомъ Мари отвела меня въ узкую, темную сырую камеру, отнынѣ предназначавшуюся для заключенія бѣдной русской путешественницы.

Какъ въ одиночной?, воскликнула я и съ рыданіемъ упала на постель. Такъ закончился мой первый день заключенія, а за нимъ послѣдовала жуткая ночь, во время которой меня тревожили мѣрные шаги часовыхъ, удручавшіе и безъ того изломанные нервы и доходившіе до моего слуха даже сквозь ужасные кошмары, давившіе мой усталый мозгъ.

Потянулись безконечные, мучительные, длинные дни моего заключенія. Ни одинъ звукъ изъ внѣшняго міра не долеталъ до меня, ни одно извѣстіе не доходило до меня; отрѣзанная ото всего окружающаго, смутно чувствуя, что гдѣ то тамъ за стѣнами тюрьмы развертываются событія міровой важности, я сидѣла одна въ своей сырой камерѣ, покинутая—такъ казалось мнѣ—друзьями, отчаиваясь хоть какъ нибудь имѣть возможность послать имъ отъ себя вѣсточку.

Одинъ какъ другой, какъ солдаты выстроенные подрядъ, смѣнялись эти жуткіе дни и казались продолжительностью своей каждый равнымъ мѣсяцу. Стѣны камеры были испещрены надписями моихъ предшественниковъ по заключенію. Одинъ изъ нихъ, повидимому также томясь, параллельными черточками, какъ Робинзонъ Крузэ, отмѣчалъ на стѣнѣ дни и по этому своеобразному календарю и я начала высчитывать дни моего заключенія.

Режимъ въ тюрьмѣ былъ жестокъ; сводился онъ къ слѣдующему: вставать полагалось въ 5 час. утра, грубый окрикъ упомянутой Мари: „Aufstehen“ прерывалъ состояніе тяжелой полудремоты. Подчиняться этому окрику нужно было моментально. Одѣться надо было въ нѣсколько минутъ, убрать камеру самой, тщательно натереть полъ и донести до запертой двери ведро съ помоями, зловоніе отъ котораго въ теченіе дня буквально отравляло и безъ того спертый тюремный воздухъ.

Въ 6 ч. подавался ужасный цикорій, безъ сахара, подъ названіемъ кофе; къ нему полагался кусокъ чернаго черстваго хлѣба, при жеваніи котораго изъ десенъ шла кровь. Я буквально не въ состояніи была пить эту неподслащенную бурду, къ тому же я ужасно кашляла и надѣялась, что сахаръ явится единственнымъ лекарствомъ для смягченія горла; поэтому я, въ минуту отчаянія, предложила явившейся зачѣмъ то надзирательницѣ 10 марокъ за одинъ кусочекъ сахара, на что я получила возмущенный отвѣтъ:

— Русская, да еще смѣетъ желать сахара!

Въ 12 час. приносили похлебку, одинъ запахъ которой дѣйствовалъ такъ на меня, что я предпочла голодать и попросила вовсе не подавать ея мнѣ. Въ 6 ч. приносили уже болѣе или менѣе удобоваримую молочную похлебку, чѣмъ и заканчивалось питаніе заключенныхъ. Мяса не давали вовсе, а на самый „ужинъ“ полагалось не болѣе получаса, такъ какъ въ половинѣ седьмого заключенная обязана была сложить на скамейку всю свою одежду и, при появленіи надзирательницы, выставить скамейку за дверь камеры. Поверхъ одежды, на видномъ мѣстѣ, надо было положить ножъ и вилку, т. к. по тюремнымъ правиламъ всѣ острые предметы на ночь должны были быть отняты въ виду боязни, что заключенные могутъ покончить съ собой, а платье вѣроятно выносили для того, чтобы заключен-

ные не могли сдѣлать попытку къ побѣгу сквозь семь замковъ ахенской тюрьмы. Оставшись безъ платья въ половинѣ седьмого вечера ничего другого не оставалось дѣлать, какъ лечь спать. Доносился далекій звонъ колоколовъ, точно невѣдомые люди служили панихиду по заживо—замурованнымъ собратьямъ. Затѣмъ начиналась нескончаемая, жуткая, томительная ночь, до новаго, безпросвѣтнаго утра.

Въ этой тюрьмѣ мы были лишены даже общепринятого права ежедневныхъ прогулокъ, такъ какъ у нѣмцевъ въ понятіе лишенія свободы входило также лишеніе узниковъ свѣжаго воздуха. Читать заключеннымъ не полагалось ничего, кромѣ Евангелія на нѣмецкомъ языкѣ, лежавшаго на столѣ. На 5-й день, когда я совсѣмъ уже было потеряла надежду подышать свѣжимъ воздухомъ, меня позвали на прогулку и повели во дворъ, гдѣ я застала группу заключенныхъ женщинъ, выстроенныхъ въ шеренгу; когда я присоединилась къ нимъ, мы начали ходить по кругу подъ наблюдениемъ двухъ надзирательницъ, точно узники изъ „Баллады Рэдингской тюрьмы“ Оскара Уайльда. Само собою разумѣется, что ни говорить, ни взглянуть другъ на друга было невозможно. Одной дамѣ при этомъ сдѣлалось дурно, она вскрикнула и упала. Я обернулась и тутъ я замѣтила, что въ нѣсколькихъ шагахъ позади меня шла сгорбленная несчастная старушка-генеральша Радецкая, съ которой я сидѣла въ предварительномъ заключеніи и которая такъ завидовала моему освобожденію.

Мнѣ хотѣлось спросить её, гдѣ ея мужъ и родственница Дебакуръ, но вопросы замерли у меня на устахъ—всякіе разговоры были строго воспрещены.

Еще на третій день моего заключенія камеру посѣтилъ директоръ тюрьмы вмѣстѣ со своимъ адъютантомъ. Меня онъ не удостоилъ даже взгляда, сдѣлавъ только внушительное замѣчаніе по поводу плохо убранной по-

стели и удалился. Черезъ нѣсколько секундъ вбѣжала надзирательница, вся красная отъ злости, и строго сказала:

— Вы скверно себя ведете, все время лежите днемъ. Вы не имѣете права даже сѣсть днемъ на постель, а поэтому возьмите постель, т. е. тюфякъ и соломенную подушку, и вынесите.

Я покорилась. Вынесла „постель“ за дверь и вернулась. Ко всему комфорту прибавилась голая желѣзная постель. Грустно стало. Я принялась нервно ходить по камерѣ, но не успѣла я прійти въ себя отъ полученнаго выговора, какъ снова влетѣла Мари и злобно заявила мнѣ:

— Вы слишкомъ стучите каблуками, мое бюро близко отъ Вашей камеры и я не могу работать—прекратите Ваше хожденіе.

— Что же мнѣ дѣлать—не ходить и не лежать, вѣдь я такъ съума сойду?!

— Сидѣть, сказала она, и указала на узенькую деревянную скамеечку, выжидая пока я сяду.

Я покорно сѣла. Новое сѣженіе тюремныхъ нѣмецкихъ правъ. И такъ по цѣлымъ днямъ я должна была сидѣть, какъ прикованная каторжница, и только въ 6 ч. мнѣ позволялось вносить тюфякъ и готовить постель. Измученная, усталая, я ложилась спать, съ тяжелыми мыслями о дорогой родинѣ, т. к. изъ, специально повидимому для насъ, ведшихся разговоровъ надзирательницъ я узнавала, что нѣмцы уже въ Петроградѣ и домой некуда возвращаться *).

*) Чтобы на наглядномъ примѣрѣ показать, до чего доходила виртуозность нѣмцевъ въ измышленіи „побѣдъ“ и высасываніи буквально изъ пальца небывалыхъ сенсацій, я прилагаю въ концѣ книгъ снимокъ съ подобной газетной утки. (См. приложеніе).

Черезъ нѣсколько дней снова явился директоръ, въ довольно любезномъ тонѣ началъ задавать вопросы, касающіеся меня и, повидимому, удовлетворившись моими отвѣтами, сказалъ:

— О Вашемъ освобожденіи хлопчутъ Ваши родственники *), находящіеся сейчасъ въ Киссингенѣ. Я иду навстрѣчу просьбѣ Вашихъ родственниковъ и думаю, что Вы будете завтра освобождены.

У меня закружилась голова отъ радости и счастья и я, чуть не упавъ, облокотилась о столъ. Хотѣлось, чтобы онъ скорѣе ушелъ, хотѣлось остаться одной со своими мыслями, чаяньями и надеждами, но онъ не уходилъ, а началъ, въ довольно недружелюбномъ тонѣ, говорить о Россіи, обвиняя, съ присущимъ нѣмцамъ шовинизмомъ, ее во всемъ. Я забыла въ тотъ моментъ, что говорю съ человѣкомъ, отъ котораго зависитъ вся моя участь и въ такомъ же точно тонѣ отвѣтила, что я вины Россіи не допускаю. Такой отвѣтъ пришелся не по вкусу представителю бронированного кулака и онъ ушелъ, видимо недовольный. Напрасно я ждала на другой день освобожденія—оно не пришло.

Я томила и только къ вечеру опять явился директоръ, съ большой телеграммой въ рукахъ; онъ прочелъ ее мнѣ, но я не все поняла, тогда онъ ушелъ и черезъ нѣкоторое время прислалъ ко мнѣ пастора, который долженъ былъ сопровождать меня въ канцелярію директора.

Мы вышли вмѣстѣ изъ камеры, и стали переходить огромный зеленый дворъ; по пути пасторъ мнѣ объяснилъ, что въ виду того, что я не все поняла изъ прочитанной мнѣ директоромъ телеграммы, они пригла-

*) Чтобы не внушить подозрѣній администраціи при обмѣнѣ, упомянутыми въ V главѣ, телеграммами, я выдавалъ себя за родственника г-жи Б.

сили плѣннаго русскаго генерала, который съ нѣмецкаго будетъ переводить на русскій или французскій.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ моего прихода въ канцелярію туда ввели подъ конвоемъ генерала. Я обомлѣла—это былъ тотъ самый генералъ Радецкій, съ которымъ я сидѣла въ предварительномъ заключеніи въ участкѣ; но онъ такъ измѣнился и постарѣлъ и такъ тяжело дышалъ, что у меня сердце сжалось отъ боли. Онъ взглянулъ на меня и въ этомъ взглядѣ я прочла просьбу не узнавать его, что я, конечно, и сдѣлала. Генералъ началъ переводить мнѣ телеграмму. Это была одна изъ телеграммъ Шварца, просившаго о моемъ освобожденіи. Черезъ генерала я также заявила, что я больна и тюремную пищу не могу ѣсть, а прошу разрѣшить мнѣ на мои деньги покупать себѣ провизію. Покупать на свои деньги директоръ мнѣ не разрѣшилъ, но распорядился, чтобы меня на другой день осмотрѣлъ врачъ.

Потомъ пасторъ отвелъ меня обратно въ камеру. Въ разговорѣ я спросила, почему мнѣ не разрѣшаютъ вытребовать изъ гостинницы мое бѣлье и хоть одну изъ моихъ книгъ. Онъ какъ будто выслушалъ внимательно и обѣщалъ содѣйствовать тому, чтобы на другой день я непременно все получила, но это оказалось также ложью, какъ и все, что они говорили до сихъ поръ.

На другой день меня дѣйствительно повели къ врачу, который съ язвительной улыбкой меня встрѣтилъ: „Говорятъ, Вамъ нездоровится!—Что же у Васъ такое?“ Вся его грубая, неинтеллигентная манера разговаривать такъ мнѣ не понравилась, что я почти не отвѣчала на его вопросы. Повидимому и присутствовавшую надзирательницу поразилъ его тонъ, т. к. она тихо что то передала ему. Послѣ этого онъ рѣзко сказалъ: „Ну хорошо, Вы давайте ей разъ въ день пару яицъ и одну булочку“. На этомъ пріемъ кончился и меня повели обратно. Послѣ этого я начала получать прописанную док-

торомъ порцію, но ее приносили мнѣ только въ 4 часа дня и само собою разумѣется, что прежнія похлебки уже даже не предлагались. Такимъ образомъ отъ утренняго пятичасового цикорія до 4-хъ часовъ дня я изнывала отъ голода и неоднократно лишалась чувствъ.

Такъ прошла цѣлая недѣля. Какъ то разъ явился пасторъ съ какой то написанной бумагой. Онъ объяснилъ мнѣ, что, въ виду хорошаго отношенія ко мнѣ, они сами пишутъ прошеніе въ Военный Судъ и хотятъ его мнѣ прочесть. Я выслушала. Въ немъ заключалась просьба со стороны директора, скрѣпленная подписью пастора, разрѣшить мое освобожденіе и выѣздъ...

Я охотно подписала это прошеніе, хотя вѣры въ душѣ было уже очень мало. Послѣ этого прошло еще цѣлыхъ пять томительныхъ дней, пока ко мнѣ не пришли и не заявили, что я освобождена и буду подъ конвоемъ препровождена въ Киссингенъ. Такимъ образомъ всего я пробылъ въ одиночномъ заключеніи семнадцать сутокъ, будучи заточенной только за то, что я русская поданная...

Переведенные въ Ахенскій Военный Судъ на мое имя деньги, въ размѣрѣ 300 марокъ и также остальные мои деньги выдали шуцману, который долженъ былъ меня сопровождать; затѣмъ изъ гостинницы привезли въ тюрьму мои сундукъ и саквояжъ; находившійся въ нихъ гардеробъ мой былъ въ невозможномъ видѣ, благодаря тому, что прислуга—нечаянно или преднамѣренно, я скорѣе склонна думать послѣднее—разбила нѣсколько флаконовъ съ духами, которые залили и безвозвратно погубили, вслѣдствіе перешедшихъ красокъ изъ одного платья на другое, весь мой гардеробъ.

Вмѣстѣ съ вещами появился и лакей изъ гостинницы за своимъ „на чаемъ“; онъ имѣлъ наглость, получивъ деньги, протянуть мнѣ на прощаніе руку, которую я, конечно, не пожала. Въ моемъ саквояжѣ я

нашла кусокъ шоколада. Въ это время возлѣ меня стояли, въ качествѣ наблюдательницъ, уголовныя преступницы. Я протянула имъ этотъ кусочекъ шоколада. Злобная Мари, однако, съ негодованіемъ вырвала этотъ кусокъ шоколада и изъ моихъ рукъ и не позволила мнѣ вручить его несчастнымъ арестанткамъ. Надо ли говорить, съ какимъ облегченіемъ я вздохнула, когда, наконецъ, какъ картинно выражались въ старину писатели, позади меня захлопнулись тюремныя ворота.

Въ сопровожденіи, переодѣтаго въ штатское платье, шуцмана, я была отправлена на вокзалъ для слѣдованія въ Киссингенъ. Это, въ сущности, недалекое путешествіе, продолжалось мучительно долго. Достаточно, въ видѣ примѣра, сказать, что разстояніе отъ Ахена до Кельна, которое въ нормальное время поѣздъ проходить максимумъ въ $1\frac{1}{4}$ час., мы ѣхали въ теченіе почти 8 часовъ, съ безконечными остановками и задержками повсюду. Четыре дня и четыре ночи я должна была провести въ вагонѣ, не имѣя права нигдѣ по пути переночевать въ гостинницѣ, питаюсь тѣмъ, что моему церберу, къ слову сказать сравнительно приличному старику, угодно было покупать мнѣ за мой счетъ въ станціонныхъ буфетахъ, и не имѣя возможности въ теченіи всего этого времени даже разговаривать, ибо моя ломанная нѣмецкая рѣчь несомнѣнно вызвала бы эксцессы со стороны пассажировъ 3-го класса, въ которомъ мнѣ было предписано ѣхать властями.

Наконецъ мы прибыли въ Киссингенъ, гдѣ шуцманъ прямо съ вокзала доставилъ меня въ ратушу къ Бургомистру. Шуцманъ доложилъ Бургомистру, что я освобождена изъ ахенской тюрьмы и препровождена въ Киссингенъ по просьбѣ проживавшаго въ Киссингенѣ адвоката Шварца, (что Шварцъ—русскій ахенскія власти, руководясь только фамиліей, вѣроятно не сообразили,

иначе они врядъ ли бы меня выпустили). Бургомистръ всплеснулъ руками:

— Я знаю Шварца, но онъ только на дняхъ, вмѣстѣ со своими родителями, уѣхалъ въ Гамбургъ. Что же мнѣ съ Вами дѣлать?

Смертельная блѣдность покрыла мое, и безъ того истомленное тюрьмою, лицо.

— Однако, что съ Вами, почему Вы такъ ужасно скверно выглядите, всполошился Бургомистръ.

Узнавъ отъ шуцмана и отъ меня исторію моихъ злоключеній, онъ проявилъ, всетаки большую человѣчность и, отпустивъ шуцмана, занялся устройствомъ моей судьбы. Онъ вызвалъ тамошнюю фельдшерицу, оказавшуюся однофамилицей хлопотавшаго за меня Шварца, Ольгу Шварцъ, которая, будучи родомъ изъ Прибалтійскаго Края, отлично говорила по русски, и поручилъ меня ея попеченію. Ольга Шварцъ также знала постоянного киссингенскаго кургаста адвоката Шварца. Она съ большою готовностью приняла меня подъ свое крылышко и любезно предложила мнѣ остановиться у нея, чѣмъ я, конечно, охотно воспользовалась, и гдѣ, благодаря ея тщательному уходу, я успѣла немного отойти и оправиться отъ ужасовъ тюрьмы.

Однако, прошло нѣсколько дней и я серьезно начала задумываться надъ вопросомъ, что же будетъ дальше и какъ я отсюда выберусь домой. Русскихъ оставалось въ Киссингенѣ еще довольно много и часто мнѣ приходилось изъ окна видѣть небольшія партіи ихъ, которыхъ, подъ эскортомъ шуцмановъ, вели по направленію къ зданію участка. Несчастные шли, ничего не подозрѣвая, думая, что ихъ ведутъ для какой нибудь новой регистраціи, а между тѣмъ ихъ вели, какъ мнѣ таинственно сообщила Ольга Шварцъ, для отправки въ крѣпость Плаценбургъ. Такъ ежедневно таялъ контингентъ неплѣнныхъ плѣнниковъ, и, чтобы не попасть

въ число отправляемыхъ въ крѣпость, необходимо было серьезно о себѣ позаботиться. Тутъ, благодаря сыну хозяйки дома, гдѣ жила Ольга Шварцъ, мнѣ удалось познакомиться съ престарѣлымъ генераломъ Лебедевымъ, который вмѣстѣ со своей супругой также былъ задержанъ въ Киссингенѣ. Съ чисто русскимъ радушіемъ они предложили мнѣ присоединиться къ нимъ, что я съ большою охотою и сдѣлала. При этомъ должна еще замѣтить, что я обращалась также къ хозяйкѣ виллы, въ которой останавливался въ Киссингенѣ Шварцъ, г-жѣ Леуксъ, и которую, какъ я узнала только потомъ, онъ просилъ оказать мнѣ, буде я попаду въ Киссингенъ, возможную помощь, а также передать мнѣ адресъ графа А. Н. Тышкевича. Однако хозяйка исполнила только послѣднее—Богъ ей судья; зато графъ Тышкевичъ подтвердилъ свою репутацію джентльмена и, совершенно не зная меня, онъ любезно снабдилъ меня нѣсколькими сотнями марокъ. Самъ онъ, какъ владѣлецъ большихъ помѣстій въ Австріи, получилъ специальное разрѣшеніе на нѣсколько болѣе продолжительное пребываніе въ Киссингенѣ, и потому не такъ торопился отъѣздомъ, переживая, такъ сказать, первые громы нѣмецкихъ звѣрствъ.

Когда Лебедевы собрались уѣзжать, поѣхала съ ними и я, добывъ себѣ изъ Бециркскомандо соотвѣтствующее „проходное свидѣтельство“, снимокъ съ котораго приложенъ къ настоящей книгѣ.

Мы поѣхали во Франкфуртъ на Майнѣ, гдѣ переночевали и откуда на другой день, сдавъ нашъ багажъ прямо въ Копенгагенъ, поѣхали на Гамбургъ.

Въ Киссингенѣ мы нашли себѣ подходящаго проводника, который отъ Киссингена до Гамбурга обошелся до 400-хъ марокъ и выказалъ себя первокласснымъ эксплуататоромъ *). Путь отъ Франкфурта до Гамбурга

*) Очевидно Кухенбродовъ въ Киссингенѣ было много.

Прим. автора книги.

мы проѣхали въ одномъ изъ начавшихъ въ то время уже функционировать курьерскихъ поѣздовъ и обошелся онъ безъ всякихъ приключеній. Мы надѣялись, что такъ дѣло пойдетъ и дальше, но жестоко ошиблись.

Въ Гамбургѣ насъ на вокзалѣ никто не остановилъ и мы случайно, на свою голову, избрали мѣстомъ жительства ставшій потомъ роковымъ для столькихъ русскихъ, отель „Рейхсгофъ“, явившійся положительно какимъ то мѣстомъ скопленія русскихъ бѣженцевъ, которыхъ мы застали тамъ въ количествѣ 438 человекъ.

Только мы заѣхали въ отель, гдѣ мы надѣялись отдохнуть ночь, чтобы утромъ ѣхать дальше, поѣздомъ на Вамдрупъ, какъ у насъ потребовали наши паспорта. На нашъ вопросъ по этому поводу, переодѣтый шуцманъ, отбиравшій паспорта, отвѣтилъ: „Черезъ часъ вы ихъ получите обратно“. Это оказалось нѣмецкой шуткой и этотъ часъ растянулся на четыре, почти, недѣли.

Только мы устроились въ Гамбургѣ, какъ черезъ два дня къ намъ явился адвокатъ Бинтцъ, но не представился, какъ довѣренное лицо Шварца, поручившаго ему хлопотать о моемъ освобожденіи, а разыгравшій роль добраго пріятеля Шварца, изъ любезности (!) будто бы взявшійся хлопотать за меня. А вскорѣ, также порученію Шварца, явился къ намъ гамбургскій житель г-нъ Э. и любезно предложилъ намъ исполнять разныя мелкія порученія. Очевидно Шварцъ вездѣ по пути слѣдованія оставлялъ своихъ агентовъ для вызволенія меня изъ плѣна, подобно тому какъ изслѣдователи арктическихъ областей оставляютъ по пути своего маршрута запасы провизіи для возвращенія обратно.

Бинтцъ показался мнѣ симпатичнымъ и милымъ господиномъ. Чѣмъ онъ оказался въ дѣйствительности, читатели этой книги уже, вѣроятно, достаточно выяснили себѣ. Поэтому я не буду также описывать всѣхъ перипетій смѣнявшихся надеждъ и отчаяній въ нашемъ

стремленіи вырваться на свободу. Для полноты характеристики Бинтца добавлю только, что переводимыя ему для меня деньги, онъ не передавалъ мнѣ, какъ таковыя, а выдавая ихъ мнѣ, черезъ чась по столовой ложкѣ, каждый разъ дѣлалъ видъ, что онъ ссужаетъ меня своими деньгами, изъ дружбы, яко бы, къ своему „коллегѣ“—русскому адвокату! Когда, между прочимъ, Лебедевы предложили ему разъ, получить для нихъ изъ банка, слѣдуемая имъ 2000 марокъ, то онъ за этотъ „трудъ“ согласился получить 500 марокъ гонорара и, не смотря на согласіе Лебедевыхъ уплатить ему эту сумму, онъ всетаки не сумѣлъ исхлопотать разрѣшеніе на выдачу этихъ денегъ.

Режимъ въ Гамбургѣ былъ довольно сносный: намъ позволяли выходить на улицу, съ милостиваго разрѣшенія каждый разъ дежурнаго шуцмана, дѣлать въ магазинѣ покупки и получать и отправлять письма. Впрочемъ, съ перепиской дѣло обстояло, всетаки, не совсѣмъ ладно, ибо, когда я однажды получила изъ Копенгагена довольно длинную телеграмму, то ко мнѣ утромъ, когда я была еще въ постели, безо всякаго предупредительнаго стука въ дверь, ворвался лейтенантъ; произвелъ обыскъ среди лежавшихъ на столѣ документовъ и весьма подозрительно отнесся именно къ этой телеграммѣ, задавъ мнѣ глупый вопросъ, почему телеграмма подписана не той фамиліей, которую ношу я. Я положительно не знала, что на это можно отвѣтить и что то такое пробормотала, послѣ чего лейтенантъ ушелъ...

Такъ, среди подобныхъ мелкихъ приключеній и постоянныхъ обѣщаній г-на Бинтца добиться скорого разрѣшенія на отъѣздъ, тянулись наши безрадостные дни, какъ вдругъ, однажды поздно вечеромъ, передо мною выросъ, какъ изъ подъ земли, грумъ и подаль мнѣ визитную карточку Шварца.

Шварцъ въ Гамбургѣ—этого не можетъ быть, что за мистификація!

Въ недоумѣніи я повернула карточку и прочла на оборотѣ ея странный текстъ: „Эта лэди—американка, которая желаетъ Вамъ добра. Прошу ее слушаться во всемъ“.

— Васъ желаетъ видѣть какая то дама, добавилъ грумъ на словахъ.

Признаюсь, странный текстъ карточки и само появленіе лэди Розбери вызвали во мнѣ недовѣріе и я съ неохотой вышла ей на встрѣчу, принявъ её, Богъ вѣсть почему, за шпіонку. За что, впрочемъ, какъ оказывается, и она сперва принимала меня.

Вскорѣ, конечно, недоразумѣніе разсѣялось. Лэди Розбери первымъ дѣломъ взяла съ меня слово, что я дѣйствительно не шпіонка. Затѣмъ взяла съ меня клятву, никому ничего не говорить о цѣли ея настоящаго пріѣзда, послѣ чего мы отправились,—это была поздняя ночь,—на вокзалъ, чтобы дать Шварцу телеграмму о благополучномъ прибытіи лэди Розбери. При этомъ таинственная американка сочла нужнымъ съ мѣста въ карьеръ разочаровать меня въ себѣ и въ подоплекѣ пріѣзда ея, сказавъ: „Это Вы не думайте, мадамъ, пожалуйста, что я это дѣлаю ради Васъ, или ради Шварца, или ради человѣколюбія вообще,—нѣтъ, я это дѣлаю только для того, что бы доказать мистеру Гринбергу, что американка можетъ сдѣлать все, что только въ силахъ человѣка!“

На другой день, рано съ утра, энергичная американка принялась за хлопоты. Прежде всего, чѣмъ свѣтъ, она разыскала того сыщика, который сопровождалъ Шварца отъ Гамбурга до Любека и адресъ котораго Шварцъ далъ ей при выѣздѣ. Сыщикъ помнилъ Шварца и очень охотно и любезно взялся помочь. По его совѣту лэди Розбери сначала поѣхала въ Генералькомандо, гдѣ ей, сравнительно скоро, удалось добиться

отдѣльнаго для меня пропуска. Но когда она съ нимъ явилась въ полицію, то тамъ наотрѣзъ отказались принять во вниманіе разрѣшеніе военныхъ властей и окончательно утвердить мнѣ пропускъ. Лэди Розбери „отшили“, какъ говорится, очень скоро, но храбрая американка была не изъ породы тѣхъ людей, отъ которыхъ можно такъ легко отдѣлаться; посидѣвъ въ пріемной, она вернулась опять къ строгому комиссару, заплакала крокодиловыми слезами и повліяла на свирѣпаго тевтона тѣмъ, что сказала ему: „Можетъ быть и у Васъ есть дочь, жена или сестра, которыя также могутъ попасть въ подобное положеніе; во имя ихъ не откажите намъ въ помощи“. И комиссаръ не отказалъ.

Все это было закончено къ 12-ти часамъ дня, когда торжествующая лэди Розбери вмѣстѣ съ шуцманомъ вошла ко мнѣ въ номеръ и тихо, со скрытой дрожью въ голосъ, заявила мнѣ, что я свободна.

Свободна! О радость, о счастье!

Въ одну минуту были собраны всѣ мои вещи и я, въ сопровожденіи всѣхъ гостинничныхъ слугъ — шпіоновъ и шуцмана, спустилась внизъ, гдѣ въ вестибюлѣ ждалъ второй шуцманъ, съ револьверомъ въ рукахъ, вручившій мнѣ проходное свидѣтельство и паспортъ. Шуцманъ этотъ немедленно усадилъ меня съ лэди Розбери въ автомобиль. Шоферу сообщили ложный адресъ другой гостинницы, чтобы ввести въ заблужденіе оставшихся соотечественниковъ, такъ какъ, подѣ страхомъ разстрѣла, я не смѣла ни съ кѣмъ проститься и не сообщить никому ни звука о своемъ отъѣздѣ.

Въ дѣйствительности мы, совершивъ кругъ, поѣхали на вокзалъ. По дорогѣ встрѣтили того сыщика, по совѣту котораго дѣйствовала лэди Розбери. Онъ проводилъ насъ на вокзалъ. Увы, поѣздъ на Варнемюнде уже ушелъ.

Тогда мы, пославъ телеграмму Шварцу, поѣхали

къ Бинтцу, на приѣмѣ у котораго разыгралась стычка его съ лэди Розбери, уже извѣстная читателямъ этой книги.

Затѣмъ мы пообѣдали, накупили на радостяхъ всякой нѣмецкой дряни и поѣхали на квартиру къ вышеупомянутому сыщику. Его мы не застали—онъ былъ на дежурствѣ; жена его, которой мы купили въ подарокъ ридикюль, была съ нами чрезвычайно любезна, но, однако, оставить ночевать насъ у себя она не рискнула, между тѣмъ, какъ заѣзжать въ гостиницу было опасно, на что самъ сыщикъ намъ указывалъ въ виду неизбежности новой полицейской регистраціи, аннулировавшей бы полученное утромъ разрѣшеніе на выѣздъ.

Наступалъ вечеръ. А намъ грозило остаться на улицѣ, т. е. навѣрняка быть арестованными.

Женѣ сыщика стало насъ жалко; она рѣшила помѣстить насъ у своихъ родственниковъ и повела насъ въ какія то ужасныя трущобы, гдѣ мы и провели безсонную ночь.

Рано утромъ мы направились на вокзалъ, гдѣ, уже безъ всякихъ препятствій, сѣли въ поѣздъ на Варнемюнде. Путешествіе обошлось безъ приключеній и, вечеромъ, счастливо избѣгнувъ нѣмецкихъ минъ и другихъ тевтонскихъ козней, мы прибыли въ Копенгагенъ, гдѣ радостно были встрѣчены дорогими соотечественниками.

XVII.

Возвращеніе на родину.

Такова была исторія плѣненія и освобожденія многотрадальной г-жи Б.

Какъ было поблагодарить чудесную спасительницу лэди Розбери? Но эта американка никакой благодарности не хотѣла. Она хотѣла только послужить еще Россіи въ качествѣ сестры милосердія въ дѣйствующей арміи и просила меня устроить ей это. Я вспомнилъ тутъ о симпатичномъ директорѣ департамента К. и далъ лэди Розбери рекомендательную карточку къ нему. Г. К., съ присущей ему исключительной любезностью, взялся за это дѣло и оказалъ лэди Розбери необходимую протекцію, которою, она, однако, какъ кажется, въ концѣ концовъ, всетаки не воспользовалась, по какимъ то независѣвшимъ отъ нея обстоятельствамъ — во всякомъ случаѣ я въ дальнѣйшемъ, къ сожалѣнію, вовсе потерялъ еѣ изъ виду.

Черезъ два дня послѣ пріѣзда жертвы и ея избавительницы въ Копенгагенъ, 15/28 IX, я получилъ письмо отъ негодяя Бинтца, помѣченное 12/25 IX, въ которомъ онъ сообщалъ, что незнакомая дама, (лэди Розбери), непредставившая никакой довѣренности (sic!), явилась къ нему и потребовала отчетъ, въ чемъ онъ, по этимъ причинамъ, конечно де отказалъ, но считаетъ себя молъ настолько всѣмъ этимъ оскорбленнымъ, (Бинтцъ тогда

ничего не зналъ еще объ ихъ отъѣздѣ и счастливомъ прибытіи г-жи Б. и его письмо невольно приобрѣтало весьма комичный характеръ), что отъ дальнѣшаго „веденія дѣла“ отказывается и прилагаетъ свой счетъ. Въ заключеніе онъ пытался еще свалить вину на задержку отъѣзда на г-жу Б. и Лебедевыхъ.

Счетъ господина Бинтца былъ дѣйствительно „нѣмецкій“; онъ считалъ:

расходы на автомобили (?)	7 марокъ	70 пфениговъ.
„ „ телеграммы.	34 марки	35 „
„ „ портовые.	9 марокъ	10 „
гонораръ	300 „	— „

Всего: 351 марка 15 пфениговъ.

Триста марокъ онъ удерживалъ изъ полученныхъ, а 51 м. и 15 пф. онъ предлагалъ дослать, хотя бы потомъ, изъ Россіи. Конечно у него раньше вырастутъ на ладони волосы, чѣмъ онъ увидить эти деньги.

Лэди Розбери такъ возмутилась еще дополнительнымъ письменнымъ нахальствомъ Бинтца, что не выдержала и написала ему—логически изумительно стройную—отповѣдь, такъ и щелкавшую и хлеставшую зарвавшася въ своемъ нахальствѣ тевтона: „Не Вы, м. г., отказались отъ веденія дѣла, а я Вамъ отказала отъ него. И стыдились бы Вы, что нѣмецкій адвокатъ въ теченіе мѣсяца не могъ сдѣлать того, что американская лэди сумѣла сдѣлать въ теченіе одного дня. И т. д. въ этомъ родѣ“. Копію этого письма она препроводила въ гамбургскій Совѣтъ Адвокатовъ.

Ублюдокъ Θεμίδы счелъ своимъ долгомъ отвѣтить на это письмо мнѣ, но отвѣтъ его, пересланный Гринбергомъ мнѣ вслѣдъ въ Стокгольмъ, уже не засталъ меня. А Совѣтъ Адвокатовъ (Der Vorstand der Hanseatischen Anwaltskammer) отвѣтилъ объясненіемъ, отъ 10/23 XI, на имя лэди Розбери, пересланнымъ Гринбергомъ мнѣ уже

въ Россію. Совѣтъ, въ обычной формѣ, излагалъ, что онъ, провѣривъ дѣлопроизводство Бинтца, находитъ, что Бинтцъ вполне усердно и добросовѣстно (!) хлопоталъ объ освобожденіи г-жи Б., а причины де, почему лэди Розбери немедленно выдали разрѣшеніе на отъѣздъ г-жи Б., недоступны провѣркѣ Совѣта“ (!), что онъ довѣряетъ объясненіямъ Бинтца (еще бы!) о рѣзкомъ поведеніи лэди Розбери у него на пріемѣ и что потому отказывается начать дисциплинарное дѣло противъ Бинтца и саму жалобу, какъ неосновательную (!), отвергаетъ.

Теперь Бинтцъ, какъ призванный ландштурмистъ, сложилъ можетъ быть уже гдѣ-нибудь на полѣ чести свою грѣшную голову.

Г-жа Б. любезно привезла мнѣ прибывшіе въ „Рейхсгофъ“ въ Гамбургъ и почему то переданныя администраціей гостинницы, какъ я просилъ передъ отъѣздомъ, Бинтцу, три письма на мое имя.

Первое письмо было отъ доктора Ф. Шелера, того благороднаго человѣка, который своимъ аттестатомъ далъ мнѣ возможность выбраться изъ плѣна. Это былъ отвѣтъ на мою просьбу, обращенную къ нему еще изъ Киссингена, посовѣтовать, какъ помочь г-жѣ Б. Помѣчено оно было 31/VII=13/VIII. Докторъ писалъ мнѣ, чтобы я не беспокоился, что съ русскими въ Берлинѣ обращаются очень хорошо, въ чемъ онъ самъ де убѣдился, навѣстивъ заключеннаго пріятеля и передавъ ему деньги и что, по его мнѣнію, единственный путь—обратиться къ Испанскому посланнику, адресъ котораго онъ сообщалъ.

Второе—была открытка отъ испанскаго посольства въ Берлинѣ, адресованная еще въ Киссингенъ въ отвѣтъ на копію моего прошенія въ Ахенскій Военный судъ, (о чемъ я говорилъ подробно въ VI-й главѣ, стр. 55), и пересланная въ Гамбургъ, очевидно, хозяйкой виллы „Vier Jahreszeiten“. Посольство сообщало (дата 4/17 VIII),

что предприметь необходимые шаги для освобождения г-жи Б., если это только окажется возможнымъ.

Третье письмо было отъ „знаменитаго“ барона фонъ Гофе, изъ Берлина, помѣченное 20/VIII=2/IX, въ которомъ онъ сообщалъ, какъ наконецъ, послѣ долгихъ хлопотъ, ему официально удалось узнать, что г-жа Б. 7/20 VIII, въ сопровожденіи шуцмана, препровождена въ Киссингенъ и что она тамъ въ полномъ здравіи (!) и что на дняхъ (!) желѣзныя дороги освободятся и всѣ (!) русскіе получаютъ возможность вернуться на родину. Какъ скоро наступили эти дни и какъ всѣ русскіе могли воспользоваться желѣзными дорогами—мы достаточно видѣли выше.

Въ одинъ день съ днемъ полученія прелестнаго счета отъ Бинтца, 15/28 IX 14, я получилъ неожиданно второе письмо отъ кабинетъ-секретаря шведскаго короля, помѣченное 13/26 IX. 14. Вотъ текстъ этого письма, (снимокъ съ этого любопытнаго историческаго документа помѣщенъ въ концѣ книги):

Kungl. Utrikes
Departementet.
Kabinetssecretaren.

Stockholm den 26
September 1914.

Herr Gregor Schwartz,
Köpenhamn.

Med åberopande av min skrivelse den 22 september 1914 har jag, enligt från svenska legationen i Berlin ingången underrättelse, äran meddela, att det med säkerhet kan antagas, att infrågavarande ryska damer

Королевскій Департаментъ
Иностранныхъ Дѣлъ.
Кабинетъ-секретарь.

Стокгольмъ 26-го
Сентября 1914 г.

Господину
Григорію Шварцъ.
Копенгагенъ.

Въ отвѣтъ на мое письмо отъ 22-го сентября 1914 г., наконецъ, я получилъ отвѣтъ отъ шведской миссіи въ Берлинѣ, съ завѣреніемъ въ томъ, что того же числа задержаннымъ русскимъ дамамъ дана свобо-

numera frigivits. Skulle ej
sâ vara fallet, torde för vida-
re undersökning uppgift läm-
nas å deras namn och även-
som å det hotells namn, va-
ri de bo.

Högaktningsfullt

Olverlof.

да. Въ томъ случаѣ, ес-
ли бы, по наведенію вто-
ричныхъ справокъ, выше-
упомянутое сообщеніе не
подтвердится, то благово-
лите сообщить имена и фа-
миліи задержанныхъ, равно
и названія гостинницъ, гдѣ
таковыя проживаютъ.

Съ глубокимъ уваженіемъ

Ольверлофъ.

Всѣ эти мои, довольно экстравагантныя, обращенія
къ коронованнымъ особамъ за помощью создали мнѣ
среди кружковъ пребывавшихъ и постоянно работав-
шихъ въ Копенгагенѣ журналистовъ нѣкоторую извѣст-
ность и репутацію оригинала. Газеты (напр. Berlingske
Tidende, National Tidende) печатали замѣтки о моемъ пре-
бываніи въ Копенгагенѣ, товарищи по профессіи при-
ходили меня интервьюировать, а одинъ Haagen Falken-
fleth даже напечаталъ цѣлую статью обо мнѣ въ про-
фессіональномъ журналѣ „Journalisten“ (№ 19 отъ 1. X.
14. En russisk kollega, стр. 159 и 160). Упомянутый А.
И. Марковъ, давшій о моемъ освобожденіи черезъ Петр.
Тел. Аг—во телеграммы во всѣ русскія газеты, послѣ
перваго письма кабинетъ-секретаря шведскаго короля ко
мнѣ, далъ объ этомъ, черезъ вышеупомянутое Аг—во,
телеграммы въ русскія газеты, которыя появились во
всей русской прессѣ 15. IX. 14 въ такой редакціи:

ЗАСТУПНИЧЕСТВО ШВЕДСКАГО КОРОЛЯ ЗА РУССКИХЪ.

Копенгагенъ, 13 сентября, (Соб. кор.). Русскій
журналистъ Шварцъ 9 сентября телеграфировалъ
шведскому королю всепреданнѣйшую просьбу при-
нять мѣры противъ безчеловѣчности Германцевъ

по отношенію къ беззащитнымъ русскимъ женщинамъ и другимъ Русскимъ, задерживаемымъ уже 22 дня подъ арестомъ въ гостинницахъ Гамбурга, причемъ надъ ними издѣваются и подвергають нравственнымъ пыткамъ, ежедневно давая обща-ніе вскорѣ разрѣшить выѣздъ.

Шварцъ просилъ короля оказать всемилостивѣйшее содѣйствіе ускоренію перевозки этихъ несчастныхъ больныхъ изъ Гамбурга въ Швецію.

Король отвѣтилъ на эту телеграмму подробнымъ письмомъ и отдалъ распоряженіе выяснить, могутъ ли означенныя лица быть освобождены. Вслѣдствіе вмѣшательства короля 134 лица были освобождены въ Гамбургѣ и сегодня прибываютъ въ Швецію.

Откуда добыты были свѣдѣнія объ освобожденіи 134 лицъ и соотвѣтствовали ли они дѣйствительности—мнѣ неизвѣстно. Знаю только, что, послѣ полученія мною вышеприведеннаго второго письма, я немедленно со-общилъ кабинетъ-секретарю шведскаго короля фамиліи остававшимся поневолѣ еще въ Гамбургѣ М. М. Глѣбовой съ М. А. Злачевской и супруговъ Лебедевыхъ, а имъ далъ телеграммы о томъ, что за нихъ заступился шведскій король и что ихъ поэтому скоро отпустить. Посылкой этихъ телеграммъ я думалъ сыграть на психологіи тѣхъ германскихъ властей, чьи руки эти телеграммы должны будутъ пройти—испугаются [молъ заушенія изъ Берлина и поторопятся освободить. Но не тутъ то было. Я жестоко ошибся. Нѣмцамъ плевать было на заступничество шведскаго короля, а щепетильности въ нихъ никогда ни на грошъ небыло. Они продолжали держать въ Гамбургѣ несчастныхъ затворниковъ и только когда нѣкоторые изъ русскихъ надоумились пуститься на подкупъ, то непоколебимые нѣмцы заколебались и стали выпускать. Путемъ взятокъ выбрались и г-жи

Глѣбова и Злачевская, о злключеніяхъ которыхъ еще будетъ сказано въ послѣдней главѣ; путемъ взятки вы- брались и Лебедевы. И стало быть неправъ былъ ми- лѣйшій М. Н. Гринбергъ, отсовѣтывавшій мнѣ раньше косвенную взятку на Красный Крестъ. Между прочимъ М. А. Злачевская, видѣвшая Бинтца послѣ внезапнаго отъѣзда г-жи Б., рассказывала мнѣ впослѣдствіи, что она спросила его, онъ ли помогъ освободиться г-жѣ Б., на что онъ съ гордостью отвѣтилъ: „Я былъ бы без- честнымъ нѣмецкимъ адвокатомъ, недостойнымъ своей своей родины, если бы я помогъ такому побѣгу“. А за что же онъ 300 марокъ бралъ, позвольте спросить? Чтобы, наконецъ, закончить исторію вмѣшательства шведскаго короля, добавлю еще, что, прибывъ въ Пе- троградъ, я разыскалъ адвоката К. и передалъ ему свѣ- дѣнія о его женѣ, піанисткѣ М. К., полученныя мною отъ г-жи Б., съ нею вмѣстѣ пребывавшей въ Гамбургѣ. По просьбѣ г. К. я уже изъ Петрограда дополнительно телеграфировалъ, съ оплоч. отв., кабинетъ-секретарю швед- скаго короля съ просьбой объ освобожденіи г-жи М. К., но отвѣта на этотъ разъ уже не получилось... Что претерпѣла и какъ освободилась г-жа М. К. читатель также узнаетъ изъ послѣдней главы.

При всей пріятности пребыванія въ Копенгагенѣ пора была, однако, уже собираться на родину. О бага- жѣ своемъ я раньше позаботился и, выписавъ его по телеграфу изъ Киссингена, весь въ цѣлости получилъ въ Копенгагенѣ; даже нѣмецкая книжка съ весьма не- лестными для нѣмцевъ критическими моими отмѣтками по русски на поляхъ прибыла нетронутой. Любопытно отмѣтить, что, когда, бывшій въ это время въ Копенга- генѣ Каплунъ, прельстился моимъ примѣромъ и также выписалъ свой багажъ, то онъ получилъ свои сундуки наполовину пустыми! Вопросъ, кто же произвелъ покра- жу,—хозяинъ виллы или желѣзнодорожные служащіе—

такъ и остался открытымъ. Каплунъ склоненъ предположить, что хозяинъ виллы, какъ не желающій терять постояльца въ будущемъ, въ этомъ дѣлѣ чистъ; это же мнѣніе раздѣляю и я, тѣмъ болѣе, что насъ въ Гамбургѣ обокрали желѣзнодорожники, которые навѣрно поживились и здѣсь.

Итакъ, пора была и честь знать. Уложилъ я свои вещи, между прочимъ цѣлый сундучокъ съ рукописями и матеріалами для настоящей книги и для регистраціи нѣмецкихъ звѣрствъ—этотъ сундучокъ то и удерживалъ меня отъ пароходнаго рейса Гефле-Раумо, ибо тамъ крейсировали германскіе пираты и попадись я съ такими документами—висѣть бы мнѣ на реѣ носовой мачты какого нибудь миноносца въ назиданіе потомству. Трогательно попрощался я съ милымъ Копенгагеномъ, трогательно проводили меня всѣ мои добрые друзья и, вечеромъ 15/28. IX. 14, ровно черезъ мѣсяцъ послѣ приѣзда въ Копенгагенъ, я отплылъ въ Мальмѣ. На этотъ разъ переѣздъ былъ очень скверный, поднялась настоящая буря и черезъ сплошь минированный Зундъ переплывать при такихъ обстоятельствахъ было настоящимъ рискомъ. Но Богъ не выдастъ—свинья не съѣстъ—нѣмецъ не укокошитъ, я благополучно доплылъ до Мальмѣ, гдѣ переночевалъ.

16/29 IX утромъ я выѣхалъ въ Стокгольмъ. Дорога, въ смыслѣ ландшафтовъ, была весьма интересная. Живописные виды проѣзжаемыхъ мѣстностей напоминали мнѣ декораціи въ „Пееру Гюнту“ Ибсена. Пееру Гюнту... Не звучатъ ли чѣмъ то родственнымъ этому фантасту авантюры германцевъ? Только Пееръ всетаки былъ лучше этихъ микроцефаловъ.

Въ Стокгольмъ поѣздъ прибылъ въ 7 ч. вечера и я еще успѣлъ попасть въ королевскую оперу на „Мадамъ Бутерфлей“. На другой день вечеромъ, 17/30 IX, въ день Вѣры, Надежды и Любви, я вечеромъ выѣхалъ

изъ Стокгольма окружнымъ сухопутнымъ путемъ въ Россію, путемъ разсчитаннымъ на 4 дня и 4 ночи и продолжавшемся около 102 часовъ! Весь поѣздъ былъ переполненъ русскими бѣженцами, выпущенными изъ Германіи черезъ Зассницъ-Треллеборгъ. Тутъ можно было наслушаться разсказовъ на десятки томовъ. А. С. Эндельманъ (изъ Варшавы) передавалъ мнѣ возмутительный случай, какъ его больную мать, при объявленіи мобилизаціи, въ 5 ч. утра выбросили изъ клиники въ Висбаденъ (одинъ изъ сугубо повторявшихся фактовъ, по достоинству оцѣненныхъ извѣстнымъ протестомъ русскихъ врачей). Были и люди сидѣвшіе въ военномъ лагерѣ въ Дѣберицѣ (объ этомъ больше въ послѣдней главѣ). Были и пережившіе нѣчто вродѣ того, что пережилъ, напр., знакомый упомянутаго М. Вольфсона—инженеръ, который, будучи арестованъ, слышалъ, какъ за стѣнкой совѣщались—повѣсить ли его или заточить только. Всего не передать, да и объ этомъ уже успѣла создаться богатая литература.

Во вторую ночь, съ 18/IX—1/X на 19/IX—2/X поѣздъ прибылъ въ Лулеа (Lulea). Здѣсь надо было пересаживаться на пароходъ (былъ сухопутный путь на Карунки, но на какихъ то таратайкахъ, весьма утомительный и неудобный, только немногіе, непереносившіе море, избирали его), и надо отмѣтить удивительную любезность и предупредительность шведовъ по отношенію къ русскимъ. Появились какіе то молодые люди, прилично одѣтые, схватили вещи пассажировъ и потащили на пароходъ. Когда же имъ хотѣли платить, они съ достоинствомъ отказывались, говоря, что они не носильщики, а служащіе въ банкахъ и конторахъ, которымъ правительство де поручило оказывать всякое вниманіе и предупредительность по отношенію къ возвращающимся русскимъ бѣженцамъ. Это ли не верхъ шведской любезности и гостепріимства! Работать днемъ, а по ночамъ вставать и

таскать баулы и чемоданы—этотъ можетъ только народъ—джентльменъ отъ короля до чернорабочаго!

Пароходъ отходилъ лишь въ 5 ч. утра, въ 10 ч. онъ прибывалъ въ Самлисъ (Samlis), откуда до Апаранты надо было плыть уже на маленькомъ пароходикѣ. Разстояніе небольшое и его по сушѣ можно проѣхать въ автомобилѣ, но послѣднихъ было всего 2—3 и большинству пассажировъ пришлось избрать морской путь. И тутъ мы думали, что у самого конца уже смерть наша пришла. Дулъ невѣроятно рѣзкій вѣтеръ, качало пароходикъ на мрачныхъ свинцовыхъ волнахъ какъ щепку и то и дѣло раздавались команды: всѣ пассажиры на лѣвый бортъ, всѣ на правый и т. д. При этомъ холодно было адски. Мѣстность эта на одной широтѣ съ Архангельскомъ и температура была убійственная. Но и эта чаша миновала и въ двѣнадцатомъ часу дня 19. IX. 14. мы прибыли въ устье рѣки Торнео и причалили въ Апарантѣ. Оттуда въ Торнео, финляндскій пограничный городокъ, пришлось итти пѣшкомъ разстояніе съ добрую версту. Багажъ везли аборигены на тачкахъ. Дулъ и здѣсь очень рѣзкій, леденившій вѣтеръ, переходить приходилось длиннѣйшій деревянный мостъ черезъ рѣку, чтобы наконецъ достичь частокола, за которымъ виднѣлась родная матушка Русь.

Завидѣвъ русскихъ жандармовъ, извѣстный артистъ А. А. Мурскій, также въ этой партіи возвращавшійся на родину, картинно воскликнулъ:

- Господа, могу ли я, наконецъ, сказать, что я дома?!
- Милости просимъ, откозыряли жандармы.

Таможенный досмотръ былъ самый поверхностный и любезный. Но поѣздъ на Петроградъ отходилъ только въ 3 ч. 45 мин. ночи, а всѣ три гостиницы въ Торнео были переполнены. Гдѣ расположиться? Тогда одинъ изъ таможенныхъ чиновниковъ любезно предложилъ мнѣ остановиться у него. Это оказалось очень

удобнымъ, такъ какъ онъ жилъ возлѣ самага вокзала, по пути къ которому надо было еще разъ, на паромѣ, перебираться черезъ рѣку, что удобнѣе было сдѣлать съ багажемъ заблаговременно днемъ.

Солнце рано стало заходить. Косые красные лучи медленно цѣловали свинцовую рябь залива, тощая трава изъ зеленой становилась оранжевой. Холодный воздухъ какъ бы сковалъ всю эту молчаливую красоту умирающаго осенняго дня и память невольно повторяла апухтинскія строфы изъ „Ледяной дѣвы“:

Все о какой то полярной странѣ,
Гдѣ не мечтають о завтрашнемъ днѣ,
Нѣтъ ни заботъ, ни огня, ни воды,—
Вѣчное счастье и вѣчные льды.

Вѣчные льды—да, они есть; а вѣчное счастье—фантазія поэта...

Солнце зашло, настала свѣтлая прозрачная сѣверная ночь. Гостепріимная жена моего домохозяина раздвинула какой то, спеціально финляндской конструкціи, диванъ, похожій на гробъ, и устроила въ немъ постель. Я легъ и все „Ледяная дѣва“ звучала у меня въ ушахъ. Эту сѣверную ночь я никогда не забуду. Въ 2 часа ночи хозяйка разбудила меня. Я направился на вокзалъ, попрощавшись съ милыми людьми и любуясь сѣверной ночью, о которой въ той же „Ледяной дѣвѣ“ такъ красиво говорится: „словно застыла въ морозѣ луна“...

Поѣздъ повезъ насъ черезъ всю громадную Финляндію, что продолжалось почти двое сутокъ. Потянулись однообразные, но своеобразно интересные пейзажи и знаменитые станціонные финляндскіе буфеты съ кормежкой оптомъ (вы можете съѣсть, столько угодно, и платите при выходѣ всѣ одну и ту же цѣну). Миновала и 4-я ночь, съ 20 на 21-е сентября. Утромъ мы были на ст. Рихимяки. Пассажиры гдѣ то раздобыли старую русскую газету (явленіе довольно рѣдкое въ Финлян-

діи), гдѣ была напечатана вышеупомянутая телеграмма о моемъ обращеніи къ шведскому королю и съ восторгомъ читали мнѣ её.

Вечеромъ поздно проѣхали послѣднюю таможную, Бѣлоостровъ, и въ 11 ч. ночи, въ воскресенье 21 сентября 1914 г., наконецъ я прибылъ въ Петроградъ. Совсѣмъ уже на родинѣ!

О родина святая,

Какое сердце не дрожитъ, тебя благословляя!..

И какъ пріятель былъ дымъ отечества послѣ всѣхъ мытарствъ и скитаній...

=====

XVIII.

Изъ чужихъ воспоминаній.

Во время моего пребыванія въ Копенгагенѣ и Петроградѣ я внимательно читалъ русскія газеты и систематически вырѣзывалъ изъ нихъ и кропотливо собиралъ всѣ статьи и замѣтки, касающіяся нѣмецкихъ звѣрствъ, намѣреваясь выпустить ихъ потомъ отдѣльной книгой. Но, по мѣрѣ накопленія цѣлыхъ грудъ подобныхъ вырѣзокъ, я увидѣлъ, что такая работа мнѣ не по плечу. Чтобы представить эту позорную страницу исторіи человѣчества съ необходимой скрупулезной полнотой, надобно организовать цѣлую комиссію со спеціальнымъ штатомъ сотрудниковъ, которые бы тщательно пересмотрѣли всѣ русскія газеты, вышедшія въ свѣтъ, начиная съ 18 іюля 1914 года и кончая нѣсколькими мѣсяцами послѣ ратификаціи грядущаго мирнаго договора, (т. к. въ послѣдній періодъ, надо ждать, появится особенно много разоблаченій), и выбрать изъ нихъ все, касающіеся нѣмецкихъ звѣрствъ и подлостей по отношенію къ тремъ категоріямъ лицъ: 1) по отношенію къ комбаттантамъ, 2) къ мирному населенію театровъ военныхъ дѣйствій, 3) къ иностранцамъ, застигнутымъ войною на территоріи Германіи и Австріи. Я увѣренъ, что обстоятельства создадутъ такую комиссію и тогда только получится настоящій обвинительный актъ, по кото-

рому потомство вынесетъ свой достойный приговоръ и непристрастная исторія по заслугамъ заклеитъ этихъ изверговъ во образъ человѣческомъ. Настоящая книга моя касается исключительно только третьей вышеупомянутой категоріи. Ту же тему затрагиваетъ и именно той же области касается цѣлый рядъ вышедшихъ за послѣднее время въ Россіи въ свѣтъ книгъ — воспоминаній лицъ потерпѣвшихъ отъ нѣмецкой жестокости *). Но кромѣ этихъ отдѣльныхъ изданій без-

*) Мнѣ извѣстны слѣдующія книги:

А. С. Резановъ. *Нѣмецкія звѣрства.* Петроградъ. Изданіе М. А. Суворина. 1914 г. 220 стр. (Книга выдержала пока два изданія).

Сергѣй Зарѣчный. *Черная книга о жестокости нѣмецкой.* Петроградъ. 1914 г. (Документы, относящіеся къ Великой Европейской войнѣ 1914 г.—№ 2). 96 стр.

А. С—чъ. Въ Берлинѣ во время войны 1914 г. Городъ и издатель не указаны. 88 стр.

Черная книга германскихъ звѣрствъ. Подъ редакціей и со вступительной статью д-ра М. В. Головинскаго. Петроградъ. 1914 г. 56 стр. (Книга разошлась пока въ 15000 экз.).

Варварства германцевъ Составилъ *М. А. Бергъ.* Петроградъ. 1914 г. Вып. 1-й. 24 стр.

В. В. Быховскій. *Нѣмецкія звѣрства.* Разказы потерпѣвшихъ и очевидцевъ. Петроградъ. 1914 г. Изданіе С. Ф. Гришина.

Нѣмецкіе набѣги. Калишскіе ужасы. Москва. 1914 г. Изданіе И. Д. Сытина.

Нѣмецкія звѣрства. Москва. 1914 г. Изданіе И. Д. Сытина.

С. Григорьевъ. *Два мѣсяца въ германскомъ плѣну.* Изданіе книгоиздательства „Порядокъ“. Одесса. 1914 г. 104 стр.

Въ нѣмецкомъ плѣну. Разказы. Изданіе „Наши Дни“. Москва. 1915 г. 184 стр.

Собирая человѣческіе документы, представляющіе интересъ въ культурно-историческомъ отношеніи и касающіеся настоящей войны, я хотѣлъ бы имѣть по возможности всѣ отдѣльные изданія, посвященныя нѣмецкимъ звѣрствамъ, а потому прошу всѣхъ читателей, знающихъ о не внесенныхъ мною въ этотъ списокъ книгахъ, не отказать въ любезности сообщить мнѣ о нихъ по адресу: г. Кіевъ, Пушкинская 1, кв. 9. Присяжному Повѣренному Г. В. Шварцу.

конечное множество воспоминаній отдѣльныхъ лицъ разбросано по газетамъ и журналамъ. Наиболѣе интересное изъ того, что въ этой области я прочелъ и счелъ достойнымъ сохраненія, я хочу здѣсь привести, чтобы спасти отъ забвенія, хотя бы до появленія новыхъ тщательныхъ собирателей-систематиковъ.

Вотъ какія злключенія пришлось перенести одному русскому сенатору Г—ру, подѣлившемуся разсказомъ о своихъ переживаніяхъ съ интервьюеромъ „Новаго Времени“:

„Сенаторъ направлялся въ Италію, куда у него былъ прямой билетъ изъ Петрограда и обратно. Въ Германіи онъ нигдѣ не останавливался. За два дня до объявленія войны онъ проѣзжалъ Франкфуртъ - на - Майнѣ, гдѣ поѣздъ, идущій въ Италію, стоитъ полтора часа. Нѣмцы стали провѣрять паспорта пассажировъ и арестовали сенатора, несмотря на его протесты и доказательства, что онъ ѣдетъ въ Италію прямымъ путемъ изъ Петрограда. Пѣшкомъ его повели верстъ восемь черезъ весь городъ, въ какое то казенное зданіе, гдѣ онъ провелъ всю ночь на табуреткѣ, подъ конвоемъ солдатъ съ заряженными ружьями. Часовъ въ 10 утра явился лейтенантъ и объявилъ, что его отправятъ въ Гомбургъ.

— Пѣшкомъ?—спросилъ сенаторъ.

— Конечно,—отвѣчалъ лейтенантъ.

— Ну, нѣтъ, я старый человѣкъ, съ больнымъ сердцемъ и пѣшкомъ не пойду. Дѣлайте со мной что хотите, можете разстрѣлять, но я требую, чтобы меня отвезли въ Гомбургъ, хотя и на мой счетъ и съ конвоемъ, за проѣздъ котораго я заплачу.

— Sie haben Geld? (у васъ есть деньги),—послѣдовала стереотипная фраза,—ну, это другое дѣло.

Лейтенантъ вызвалъ по телефону автомобиль

и задержаннаго подь конвоемъ отвезли въ Гомбургъ, гдѣ оставили подь арестомъ еще полсутокъ.

Между прочимъ майоръ, допрашивавшій сенатора Г—ра, обратилъ особенное вниманіе на его мундштуки, увѣряя, что это приспособленіе для храненія яда, которымъ сенаторъ будетъ отравлять германскіе колодцы и фонтаны. Вызвали эксперта профессора химіи. Послѣдній посмотрѣлъ на мундштуки и заявилъ, что нельзя хранить не только ядъ, но и какое-либо другое вещество, въ табачныхъ мундштукахъ, имѣющихъ сквозное отверстіе: ядъ изъ нихъ вывалится. Такъ какъ эти мундштуки были единственнымъ, къ чему можно было придраться, то сенатора, послѣ сутокъ строгаго ареста, отпустили, приказавши не выѣзжать изъ Гомбурга.

Въ отелѣ, гдѣ поселился сенаторъ, собралось русскихъ „заложниковъ“ до 70, большею частью лицъ высокопоставленныхъ или съ хорошимъ положеніемъ. Это возбудило подозрѣніе полиціи и гомбургцевъ, тѣмъ болѣе что хозяинъ отеля былъ швейцарецъ, а жена его французенка. Начались демонстраціи противъ русскихъ. Стекла отеля перебили, нѣкоторые изъ русскихъ были ранены брошенными въ нихъ булыжниками. Тогда полиція „предложила“ не жить русскимъ скопомъ. За разбитыя окна пришлось заплатить пострадавшимъ.

Сенатору Г—ру послѣ трехмѣсячнаго „заложничества“ удалось вырваться черезъ посредство банковъ, которые въ Германіи даже теперь сильнѣе военныхъ властей. Мѣстные же евреи прямо говорятъ: „Поѣзжайте въ Берлинъ, тамъ мы васъ освободимъ“.

Мытарства, которыя испытала почтенная артистка М. М. Глѣбова, изложены въ статьѣ „Хожденіе по мукамъ“,

помѣщенной, за подписью Е. П., въ 282 № газеты „Кіевлянинъ“ отъ 12 октября 1914 г. Статья эта интересна для насъ еще и потому, что въ ней говорится о злключеніяхъ тѣхъ несчастныхъ киссингцевъ, которые не сумѣли во время выбраться изъ этого злополучнаго курорта.

„Скорбная лѣтопись страданій, перенесенныхъ нашими соотечественниками, искавшими на чужбинѣ исцѣленія физическихъ недуговъ и нравственнаго отдыха, временно перестала отмѣчать возмутительные эпизоды, возбуждавшіе въ началѣ войны единодушный взрывъ негодованія всего русскаго общества. Злключенія этихъ сотенъ несчастныхъ поблѣднѣли передъ новыми грандіозными событіями; заслонились новыми интересами и обязанностями. А между тѣмъ они, оторванные отъ родины и близкихъ людей; ежеминутно дрожавшіе за судьбу отчизны, участь семьи и свою собственную жизнь, переживали въ теченіе безконечно долгихъ мѣсяцевъ душевныя терзанія, совершали истинное „хожденіе по мукамъ“. На дняхъ въ Кіевъ прибыли двѣ жертвы безпощаднаго германскаго произвола: извѣстная и любимая публикой артистка М. М. Глѣбова и неутомимая труженица театра „Соловцовъ“ М. А. Злачевская. И вотъ что рассказали онѣ о своемъ продолжительномъ плѣненіи:

— Какимъ то страшнымъ сномъ, мучительнымъ кошмаромъ кажется теперь все пережитое. Да, насъ не били, не истязали... Зато нѣтъ словъ описать тѣ издѣвательства, тѣ нравственныя пытки, которыми насъ безжалостно подвергали. Вѣдь они подтачиваютъ силы вѣрнѣе физическихъ страданій. Нежданная гроза застала насъ въ Киссингенѣ вмѣстѣ со многими русскими, преимущественно страдавшими сердечными болѣзнями и другими серьез-

ными недугами. При первых же слухахъ о войнѣ было рѣшено скорѣе уѣзжать, спастись на родину. Не тутъ то было. Всѣмъ русскимъ объявили, что выѣхать они не могутъ и билетовъ имъ никуда не выдадутъ. Потянулись мучительные часы и дни неизвѣстности, ожиданія худшихъ бѣдствій, перехода отъ слабой искры надежды къ безпросвѣтному отчаянію. Впереди мы не ждали ничего хорошаго; отношеніе германскихъ властей вполне оправдывало тревожныя опасенія. Началось съ затрудненій при размѣнѣ русскихъ денегъ: за рубль давали одну марку и то неохотно. У кого не хватало денегъ для расплаты въ отеляхъ и пансіонахъ, у того отбирали вмѣсто нихъ золотыя вещи, жемчугъ— все, что имѣло цѣнность въ глазахъ хозяевъ. Выдача корреспонденціи была совершенно прекращена, и мы оказались отрѣзанными отъ всего міра, пребывали въ полномъ невѣдѣніи того, что творится за предѣлами нашего постылаго курорта. Горе сблизило всѣхъ. Завязались знакомства, образовались кружки, члены которыхъ поддерживали, ободряли и утѣшали другъ друга, и оказывали, гдѣ было необходимо, и матеріальную помощь. На настойчивыя просьбы выдать письма и газеты въ почтовомъ управленіи заявили, что для полученія ихъ необходимо представить свою фотографическую карточку и нѣкоторые документы. Пошли сниматься, принесли все, чего отъ насъ требовали, но ни одного письма намъ не было выдано, а мольбы и слезы вызывали одну лишь грубую насмѣшку.

Наконецъ, разнеслась вѣсть, что на другой день всѣхъ насъ посадятъ въ крѣпость, какъ военно-плѣнныхъ. Для многихъ немощныхъ, не успѣвшихъ оправиться отъ тяжкихъ недуговъ и въ послѣднихъ тревогахъ растратившихъ остатокъ жизненныхъ

силъ, это было равносильно приговору къ медленной, но вѣрной смерти. Счастливыцы, располагавшіе хорошими средствами, бросились къ докторамъ, чтобы хотя за большія деньги получить свидѣтельство о болѣзни въ надеждѣ, что оно послужитъ къ ихъ освобожденію. На слѣдующее утро дѣйствительно всѣмъ приказано было собраться передъ эстрадой, гдѣ еще недавно гремѣла музыка, собирая толпы нарядныхъ и безпечныхъ людей. Теперь эта эстрада казалась имъ эшафотомъ, на которомъ вотъ вотъ должна совершиться чудовищная казнь ни въ чемъ неповинныхъ сотенъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Подъ палящими лучами іюльскаго солнца выстроилась вереница землисто-блѣдныхъ лицъ съ лихорадочно-блестящими глазами, какихъ то обреченныхъ, заранѣе прощавшихся съ жизнью. На эстрадѣ заняли мѣста представители администраціи и докторъ, вокругъ нея стояли вооруженные солдаты. Одинъ за другимъ поднимаются несчастные на этотъ импровизированный эшафотъ, показываютъ свои документы и свидѣтельства, у кого они есть, докторъ дѣлаетъ какую то отмѣтку... и судьба рѣшена: нѣкоторыхъ, немногихъ освобождаютъ; остальныхъ, точно тяжкихъ преступниковъ, окружаютъ солдаты. Напряженные до крайности нервы не выдерживаютъ: въ толпѣ раздаются истерическіе вопли, рыданія; многіе рвутся впередъ, чтобы поскорѣе выслушать свой приговоръ и падаютъ отъ грубаго германскаго кулака; кто-то бьется на землѣ въ припадкѣ эпилепсіи. А на эстраду поочередно всходятъ все новыя жертвы и послѣ постановленія приговора спускаются одни одесную, другіе— ошую. Освобожденныхъ радостно привѣтствуютъ, точно воскресшихъ изъ мертвыхъ, обнимаютъ и цѣлуютъ знакомые и незнакомые;

вокругъ осужденныхъ, число которыхъ съ каждой минутой возрастаетъ, молчаливо смыкается цѣпь вооруженныхъ солдатъ. И вотъ все кончено. Ихъ увели, этихъ несчастныхъ, среди которыхъ были женщины, старыя и больныя, были подростки и малыя невинныя дѣти. Оставшіеся не знали, что смягчило души ихъ судей, чему приписать свое освобожденіе, и потрясенные только что пережитымъ ужасомъ, безграничной жалостью къ своимъ несчастнымъ соотечественникамъ, не радовались своей удачѣ. Кто знаетъ, не ждутъ ли ихъ впереди такія же испытанія?

Опять потянулись тяжелые дни неизвѣстности. Несмотря на освобожденіе, уѣхать изъ Киссингена всетаки не разрѣшали. А тутъ еще вскорѣ привезли изъ крѣпости нѣсколько человѣкъ, не выдержавшихъ суроваго заключенія и тяжело заболѣвшихъ. Они разказали, что для нихъ были предназначены всего двѣ камеры, одна для мужчинъ, другая для женщинъ. На полу была брошена солома, никакой другой мебели, никакихъ, хотя бы самыхъ примитивныхъ, удобствъ. Пищей служила какая то отвратительная похлебка, пропитанная запахомъ грязнаго тряпья и вызывавшая тошноту. Двѣ жертвы этого варварскаго тюремнаго режима вскорѣ скончались на рукахъ нашихъ кіевлянокъ. Объ участи остальныхъ онѣ ничего не знаютъ, потому что вскорѣ получили разрѣшеніе выѣхать въ Гамбургъ, чтобы оттуда продолжать путешествіе на родину.

Что это было за путешествіе! Не успѣешь сѣсть въ вагонъ, какъ нужно пересаживаться въ другой поѣздъ, и такъ каждыя часъ или полтора до самаго Гамбурга. Разбитыя тѣлесно и душевно прибыли туда наши путешественницы съ нѣсколь-

кими товарищами по несчастью, помѣстились въ гостинницѣ, и сразу попали опять на положеніе арестованныхъ не то по подозрѣнію въ шпіонствѣ, не то въ другомъ невѣдомомъ имъ самимъ преступленіи. Выходить изъ гостинницы на улицу было имъ строго запрещено и, сидя взаперти, онѣ видѣли себя постоянно окруженными сыщиками. слѣдившими за каждымъ ихъ шагомъ и движеніемъ. Въ видѣ разнообразія тайный надзоръ превращался иногда въ явный, въ номеръ непрошенно врывались полицейскіе агенты, начинали шарить въ ящикахъ, переворачивать всѣ вещи, тщательно пересматривать каждый клочекъ бумаги.

И попрежнему ни одной вѣсточки съ дорогой родины, ничего, кромѣ лжи германской печати, ежедневно возвѣщавшей о германскихъ побѣдахъ и русскихъ бѣдствіяхъ, принимавшихъ столь несообразные размѣры, что разумъ отказывался имъ вѣрить. Впрочемъ, показателемъ настроенія служили не столько газеты, слишкомъ очевидно пересолившія въ своемъ усердіи, сколько открывавшаяся изъ оконъ картина улицы. Когда разносчики бѣжали сломя голову, радостно размахивая печатными листами, дома украшались флагами и толпы школьниковъ со своими знаменами что то кричали и пѣли, сердце сжималось тревогой и болѣло за родную армію, очевидно переживавшую тяжелые дни; когда же на улицахъ было пусто и уныло, мы оживали, отлично понимая, что нѣмцамъ не повезло, и они въ угнетенномъ состояніи. Такъ шли дни за днями. Сначала намъ разрѣшили совершать коротенькую прогулку взадъ и впередъ передъ фасадомъ нашей гостинницы; потомъ, убѣдившись очевидно, что мы не шпіоны, а самые безобидные путешественники, предоставили намъ полную сво-

боду передвиженія, но изъ Гамбурга всетаки не выпускали. Мы стучались всюду, куда было возможно, обращались за содѣйствіемъ къ испанскому консулу. Нужно сознаться, что послѣдній пальца о палець не ударилъ, чтобы выручить изъ бѣды тѣхъ, кому по своему положенію онъ обязанъ былъ оказывать всяческое покровительство и содѣйствіе. Шесть недѣль промаялись мы такимъ образомъ въ ненавистномъ городѣ вражеской страны и утратили было всякую надежду вскорѣ вырваться изъ плѣна. Между тѣмъ мы стали замѣчать, что нѣкоторые изъ нашихъ спутниковъ начинаютъ уѣзжать. Въ чемъ секретъ? Наконецъ, одна милая дама, предварительно взявъ съ насъ клятву, что мы никому не откроемъ тайны, объяснила намъ, въ чемъ дѣло. Чиновникъ, отъ котораго зависѣло отпустить или задержать насъ, выдаетъ пропуска за взятку въ 200 марокъ съ души. Германская честность и преданность долгу оказались такимъ же миражемъ какъ и многіе другіе, на этотъ разъ на благо нашихъ измученныхъ путниковъ. Деньги были внесены, пропуска получены. Окончилось почти 3-мѣсячное хожденіе по германскимъ мытарствамъ.

Дальше почти нечего рассказывать. Пароходомъ выѣхали въ Стокгольмъ. Въ морѣ немилосердно качало и трепало. Всѣ мы жестоко переболѣли, но поддерживало сознание, что тамъ, на родинѣ, у себя дома мы отдохнемъ, наконецъ, отъ всѣхъ мукъ. Въ Швеціи встрѣча всѣмъ составомъ русскаго посольства, заботливость, ласка и участіе, отъ какихъ мы основательно успѣли отвыкнуть на чужбинѣ. А тамъ опять длинный морской переходъ въ Финляндію съ лоцманомъ, осторожно лавировавшимъ среди безчисленныхъ минныхъ загражденій, съ рискомъ взлетѣть на воздухъ отъ какой-

нибудь оторвавшейся шальной мины. И, наконецъ, Петроградъ, родныя лица, звуки русской рѣчи, покойный переѣздъ до Кіева безъ пересадокъ, обысковъ и допросовъ, привычная обстановка домашняго очага, свиданіе съ родными и близкими, которыхъ, казалось, никогда больше не суждено увидѣть. Воистину не знаешь, тогда ли находился подъ гнетомъ мучительнаго кошмара, теперь ли видишь сладкій сонъ! И минутами съ тайной тревогой, вопреки голосу разсудка ждешь внезапнаго пробужденія!“

А вотъ что пережила и какъ выбралась упомянутая мною въ XVII-й главѣ жена петроградскаго адвоката піанистка М. К. („Петроградскій Курьеръ“, отъ 8 октября 1914 года, № 254):

„Г-жу М. К. объявленіе войны застало во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, гдѣ настроеніе было довольно зловѣщее. Чернь громила кинематографы, гдѣ пользовались французскими фильмами. Разгромили гостинницу „Russischer Hof“.

Шпіономанія такъ охватила франкфуртцевъ, что на вокзалѣ избили до полусмерти прусскаго офицера, котораго приняли за переодѣтаго шпіона-француза. Мчавшіеся по франкфуртскимъ улицамъ автомобили напутствовали дождемъ камней, въ увѣренности, что въ нихъ сидятъ французскіе и русскіе согладатаи.

Г-жа М. К. рѣшила отправиться черезъ Берлинъ на родину. Съ трудомъ она добыла билетъ II класса-лишь до Бебры. Ее усадили въ вагонъ III класса. Всѣ три класса были биткомъ набиты солдатами и призванными на войну запасными.

Чтобы избѣжать возможныхъ недоразумѣній, г-жа М. К. не принимала участія въ общей бесѣдѣ пассажировъ, уткнувшись въ уголъ. Она не рѣша-

лась даже выглядывать изъ окна на попутныхъ станціяхъ.

Поѣздъ двигался впередъ съ частыми и большими остановками. Такая ѣзда была невтерпежъ, и М. К. имѣла неосторожность показаться у окна на станціи Эльмъ. Угрожающіе жесты, кулаки и крики столпившихся у окна женщинъ заставили одинокую путешественницу откинуться назадъ.

Крики привлекли вниманіе начальства. Въ вагонъ вошелъ какой-то военный чинъ.

— Есть ли здѣсь кто-либо изъ Россіи—крикнулъ онъ.

Г-жа К. объявила, что она русская.

И моментально вагонъ огласился неистовыми возгласами и проклятiями по ея адресу.

— Она шпионка,—кричали солдаты,—она пять часовъ подрядъ подслушивала наши бесѣды, дѣлая видъ, что не знаетъ нашего языка, которымъ отлично владѣетъ...

— Какъ шпионка, она будетъ разстрѣляна!—успокоилъ военный чинъ протестантовъ и, обратившись къ г-жѣ М. К., объявилъ ей:

— На станціи Бебра вы сойдете и будете тамъ арестованы. Я сейчасъ протелеграфирую туда.

У молодой женщины ноги подкосились отъ ожидавшей ее перспективы. Узнавъ, что поѣздъ приближается къ ст. Фульда, расположенной недалеко отъ курорта Зальцшлirфъ, гдѣ она имѣла знакомыхъ, г-жа М. К. рѣшила незамѣтно сойти на этой станціи. Это по счастью, ей удалось.

Но въ Фульдѣ нашу соотечественницу ждали новыя испытанія. Въ гостиницѣ произвели у нея самый тщательный обыскъ и предложили продолжать путь въ Бебру. Сославшись на свое недомоганіе, г-жа М. К. заночевала въ гостиницѣ. На слѣду-

ющій день она случайно замѣтила въ окнѣ силуэтъ знакомаго по Зальцшлirфy артиста нѣмецкой драматической труппы, къ покровительству котораго она хотѣла обратиться, но, потрясенная всѣмъ пережитымъ, лишилась дара слова, забыла фамилію артиста и стала махать ему руками. Но тотъ не обратилъ вниманія, пока г-жа М. К. не вспомнила его фамиліи и не крикнула ему. Она не ошиблась въ своей надеждѣ.

Артисту удалось убѣдить фульдскую администрацію выпустить изъ плѣна полубольную женщину и разрѣшить ей отправиться въ Зальцшлirфъ.

Особено тепло и сердечно отнеслись къ изстрадавшейся женщинѣ директоръ курорта Эзелеръ и курортный врачъ Гиршъ.

Маленькая русская колонія, застрявшая въ Зальцшлirфѣ, долго будетъ вспоминать съ чувствомъ признательности за заступничество за русскихъ всегда привѣтливаго Эзелера, съ большимъ тактомъ умѣвшаго улаживать недоразумѣнія между нѣмцами и русскими и успокаивать первыхъ.

Былъ только одинъ случай, когда Эзелеръ не могъ проявить своего участія. Русская дама оскорбила нѣмецкаго часового,—ее задержали дольше другихъ, и она должна была предстать передъ судомъ.

Отрѣзанная отъ внѣшняго міра, не получая писемъ, телеграмъ и денегъ, г-жа М. К. отправилась на родину съ проходнымъ свидѣтельствомъ черезъ Гамбургъ гдѣ ей пришлось провести четыре недѣли.

По словамъ г-жи М. К. тамъ погибло нѣсколько человекъ, не вынесшихъ нѣмецкаго плѣна. Одна русская женщина умерла на улицѣ, на глазахъ своей дочери, оставшейся безъ всякихъ средствъ.

Вообще тамъ многіе умерли бы отъ голода, если бы на помощь не пришло гамбургское еврейское общество. Оно организовало дешевые обѣды въ обширномъ залѣ ганзейскаго общества для всѣхъ русскихъ, безъ различія вѣроисповѣданія, и оказывало многимъ и денежную помощь. Жены и дочери устроителей столовой сами обслуживали, раздавая пищу, слѣдя за ея доброкачествомъ и вообще, всячески облегчали положеніе плѣнниковъ.

При этомъ г-жа М. К. замѣтила, что коренное гамбургское населеніе не проявляло рѣзко враждебныхъ чувствъ къ русскимъ. Объясняется это тѣмъ, что аборигены „вольнаго города Гамбурга“ не долюбиваютъ пруссаковъ. Русская рѣчь не вызывала въ Гамбургѣ такого протеста и остервенѣнія, какъ въ другихъ городахъ Германіи“.

Вотъ что пережила артистка О. В. Гзовская, которой довелось, между прочимъ въ Кёльнѣ попасть въ тюрьму („Русское Слово“, № 250, отъ 30. X. 14):

„Война застала г-жу О. В. Гзовскую въ Бадъ-Вильдунгенѣ, въ Германіи, и она, вмѣстѣ со своимъ супругомъ В. А. Нелидовымъ и москвичемъ свѣтлѣйшимъ княземъ П. А. Ливеномъ, перенесла много злоключеній.

— Мы рѣшили бѣжать изъ Германіи въ Парижъ,—разсказываетъ О. В. Гзовская,—и немедленно выѣхали изъ Вильдунгена по направленію къ Кельну.

Намъ рекомендовали ѣхать въ автомобилѣ. Изъ Вильдунгена выѣхали 18-го іюля я, мой мужъ и свѣтлѣйшій князь П. А. Ливень.

Въ Кельнѣ пріѣхали 19-го. Нельзя было узнать этого обычно тихаго городка. Улицы были запружены возбужденнымъ народомъ, разыскивав-

шимъ иностранцевъ. Мы нашли приютъ въ одной изъ гостинницъ и, по совѣту прислуги, заперлись въ своихъ номерахъ.

На слѣдующій день мой мужъ былъ свидѣтелемъ ужасной сцены на улицѣ. При немъ толпа буквально разорвала въ клочья какихъ-то двухъ иностранцевъ.

Въ этотъ день, около 4-хъ часовъ, В. А. Нелидовъ и П. А. Ливень были вызваны изъ гостинницы въ полицейское управленіе. Я осталась ждать ихъ въ номерѣ. Вскорѣ дверь растворилась, и ко мнѣ вошли два шуцмана съ резервистомъ, вооруженнымъ винтовкой. Солдатъ направилъ штыкъ на меня, а шуцманы начали допросъ. Пока я пыталась разъяснить имъ, что мы—только мирные путешественники, въ гостинницу, въ сопровожденіи сыщика, возвратился мужъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что насъ ведутъ въ тюрьму, гдѣ мы будемъ подвергнуты одиночному заключенію. На мой вопросъ, сколько времени это можетъ продолжаться, нѣмцы убѣжденно отвѣчали:

— До конца войны.

Въ полицейскомъ управленіи, куда насъ непосредственно затѣмъ доставили, я видѣла многихъ избитыхъ русскихъ. Намъ было объявлено въ окончательной формѣ, что мы арестованы, и какой-то чинъ повелъ насъ по внутреннему коридору.

По дорогѣ намъ попались полицейскіе, съ которыми шелъ какой-то смертельно блѣдный человекъ маленькаго роста. Конвоировавшій насъ чинъ спросилъ:

— Въ чемъ дѣло?

Ему объяснили, что задержали этого человека на мосту въ то время, какъ онъ дѣлалъ въ записной книжкѣ какія-то помѣтки.

— Разстрѣлять его,—сказалъ чинъ и повелъ насъ дальше.

У выхода изъ полицейскаго бюро насъ ждалъ тюремный автомобиль. Въ тюрьму мы пріѣхали почти къ вечеру. Насъ ввели во дворъ, и тамъ мнѣ предложили проститься съ мужемъ. Затѣмъ черезъ желѣзныя ворота ввели въ одинъ изъ корпусовъ, гдѣ я была встрѣчена тюремной надзирательницей.

Я почти падала отъ переутомленія, была вся разбита обрушившимся на насъ несчастьемъ. Тюремная надзирательница сжалилась надо мной:

— Вы слишкомъ слабы, чтобы нести свои вещи. Я дамъ вамъ арестантку, она донесетъ ихъ до камеры, но только пропустите ее впередъ, ибо ручаться за эту женщину я не могу.

Наконецъ, меня довели до одиночной камеры. Какъ бы желая утѣшить меня, надзирательница сообщила мнѣ, что въ этой камерѣ въ 1878 году сидѣлъ архіепископъ кельнскій, подвергнутый заключенію по приказу самого Бисмарка.

Въ камерѣ моей были: постель безъ подушки, съ жалкимъ соломеннымъ тюфякомъ, табуретка, столикъ, глиняная кружка съ водой, умывальникъ, и больше ничего.

Стемнѣло, и я попросила зажечь огонь. Но оказывается, въ нѣмецкихъ тюрьмахъ освѣщенія не полагается. Здѣсь зимой и лѣтомъ встаютъ въ 5 час. утра, а верхнее платье заключенные должны снимать въ 5½ часовъ вечера,—моментъ наступленія тюремной ночи.

На слѣдующій день я проснулась, или скорѣе, пришла въ себя, отъ звона кельнскихъ колоколовъ.

Режимъ въ нѣмецкихъ тюрьмахъ ужасенъ,—

здѣсь не отвѣчаютъ на вопросы, и только мое отчаяніе и ужасное состояніе привели къ тому, что главная надзирательница сжалилась надо мной.

Она посоветовала мнѣ написать прошеніе къ коменданту города и разрѣшила послать короткое, въ восемь строчекъ, письмо мужу. За это послабленіе, какъ я узнала потомъ, она лишилась своего мѣста.

На четвертый день заключенія начальница пришла ко мнѣ и попросила показать хранившійся въ медальонѣ портретъ моего мужа. Взглянувъ на него, добрая старушка сказала:

— Нѣтъ, не онъ.

Оказывается, что сосѣди мужа по камерамъ были разстрѣляны, и надзирательница, не зная именъ этихъ двухъ несчастныхъ, хотѣла узнать, не былъ ли одинъ изъ нихъ моимъ мужемъ.

На пятый день меня свели въ церковь. Тамъ въ это время шло молебствіе о побѣдѣ надъ русскими.

На десятый день насъ, наконецъ, выпустили, убѣдившись, что мы лишь мирные путешественники, и приказали ѣхать на пароходѣ по Рейну къ границамъ Голландіи.

— Побѣждайте на Роттердамъ,—сказалъ чиновникъ,—тамъ много минъ. Но если вы вернетесь когда-нибудь въ Германію, то помните, что разстрѣлъ неминуемъ.

И вотъ мы плывемъ по Рейну. Всего насъ, иностранцевъ 300 человѣкъ. Изъ нихъ только я, мужъ и Ливень—русскіе. Много англичанъ и американцевъ.

Такъ доѣхали до Везеля,—крѣпости близъ голландской границы. Здѣсь намъ приказали остановиться, и на пароходъ вошли нѣмецкіе солдаты.

Намъ объявили, что русскіе и англичане мужчины будутъ задержаны въ качествѣ военноплѣнныхъ, а женщины могутъ ѣхать дальше. Мужа и Ливена повели внизъ. Я бросилась за ними, упала на колѣни передъ генераломъ и стала молить о разрѣшеніи остаться съ ними вмѣстѣ.

Генераль сжалился надо мной и, сказавъ, что оставить въ крѣпости женщину онъ не имѣетъ права, разрѣшилъ мужу ѣхать въ Голландію вмѣстѣ со мною. Ливень остался въ плѣну. Вмѣстѣ съ нимъ задержали 50 англичанъ.

Наконецъ, мы добрались до Голландіи и здѣсь стали хлопотать объ освобожденіи князя Ливена. Намъ удалось добиться этого лишь черезъ два мѣсяца.

Между прочимъ, я и мужъ, вмѣстѣ съ французскимъ посланникомъ въ Гаагѣ г. Аллизе, въ день сдачи Антверпена ѣздили на границу Бельгіи.

Мы везли съ собой ѣду для бѣглецовъ и слышали отъ спасшихся изъ Антверпена рассказы о сдачѣ ихъ родного города. Бельгійцы и англичане уничтожили все, что только могли. Нѣмцы не нашли въ Антверпенѣ ни хлѣба, ни бензина, ни военныхъ припасовъ.

Мы слышали рассказы объ изувѣченныхъ дѣтяхъ, о распятомъ нѣмцами священникѣ.

Съ послѣднимъ пароходомъ, отходившимъ изъ Флиссингена, перебрались мы въ Англію. Во время этого переѣзда нашъ пароходъ едва не погибъ отъ всплывшей мины, которую я видѣла собственными глазами.

Изъ Англіи мы добрались до Швеціи и оттуда пріѣхали въ Россію“.

А вотъ что на столбцахъ „Петроградскаго Листка“, (въ первыхъ числахъ ноября мин. года), рассказывалъ

вернувшійся изъ Германіи докторъ медицины С. С. Жихаревъ, которому пришлось пробыть пять недѣль въ баварской тюрьмѣ, недалеко отъ горъ Лихтенфельса, а потомъ также попасть въ пресловутый Гамбургъ. Докторъ этотъ былъ освобожденъ изъ заключенія въ крѣпости на основаніи параграфа двѣнадцатаго Женевской Конвенціи, по которому всѣ частные врачи не подлежатъ задержанію во время военныхъ дѣйствій (вродѣ описаннаго мною эпизода съ докторомъ Валлерштейномъ въ IX-й главѣ).

„— Меня посадили въ старую, сѣрую и холодную баварскую тюрьму, куда не заглядывали лучи солнечнаго свѣта. Въ первое время обращеніе со мной было чрезвычайно грубое, да и толпа, все время стоявшая около тюрьмы, выражала свое негодование дикими выкриками и битьемъ стеколъ. Но потомъ, по истеченіи нѣкотораго времени, когда страсти понемногу улеглись,—и отношеніе ко мнѣ измѣнилось къ лучшему.

Послѣ пятинедѣльнаго пребыванія въ тюрьмѣ меня отпустили и посоветовали ѣхать въ Гамбургъ, чтобы оттуда черезъ Швецію вернуться домой. Но въ Гамбургѣ мнѣ пришлось задержаться на цѣлый мѣсяцъ, такъ какъ выѣхать было невозможно.

Въ городѣ мнѣ пришлось быть невольнымъ свидѣтелемъ того дикаго обращенія съ русскими плѣнниками, которое никогда не изгладится изъ памяти.

Въ Гамбургѣ я встрѣтилъ 500 человѣкъ русскихъ больныхъ, каждый годъ ѣздившихъ на поправку въ Киссингенъ; среди нихъ было множество женщинъ и дѣтей. Въ одинъ несчастный день всѣхъ ихъ повезли на вокзалъ, посадили въ вагоны, гдѣ находилась усиленная охрана,—и отправили въ бывшую каторжную тюрьму Плессенбургъ.

По дорогѣ не было конца издѣвательствамъ надъ несчастными жертвами нѣмецкаго варварства. Когда они проходили путь—нѣмцы показывали имъ кулаки, смѣялись и, конечно, отказывали въ самомъ необходимомъ.

По приѣздѣ къ мѣсту назначенія всю партію въ 500 человѣкъ заставили итти пѣшкомъ въ гору въ продолженіе двухъ часовъ. Когда плѣнниковъ привели въ полуразрушенную крѣпость—ихъ помѣстили въ сырыхъ комнатахъ, по 150 человѣкъ въ каждой.

Какъ тамъ было отвратительно и грязно, можно судить хотя бы по тому, что на 500 человѣкъ была одна уборная. Цѣлыхъ три недѣли сидѣли несчастные плѣнники безъ горячей пищи—и только послѣ невѣроятныхъ издѣвательствъ и мучительствъ имъ снова разрѣшили вернуться въ Гамбургъ.

Кромѣ этихъ 500 человѣкъ—въ Гамбургѣ находилось еще 700 русскихъ, совершенно неимущихъ, которыхъ нѣмцы держатъ въ трюмѣ стараго корабля, не позволяя имъ сойти на берегъ и давая чрезвычайно скудную пищу.

Общій интеллектуальный уровень нѣмецкой печати страшно понизился: юмористическіе журналы грубы и неостроумны. Повсюду, среди всѣхъ слоевъ германскаго населенія, замѣчается невѣроятная дикость нравовъ. Шовинизмъ и милитаризмъ. Дошло до того, что нѣмцы въ лучшемъ гамбургскомъ ресторанѣ, посреди зала, выставили на огромномъ возвышеніи ядро отъ 42-хъ сантиметроваго орудія, которымъ были разрушены стѣны Льежа.

По всей Германіи развита страшная шпіономанія. Русскому обществу, должно быть, уже из-

вѣстна исторія съ миѳическимъ автомобилемъ, который, какъ ураганъ, пронесся по всей Германіи, увозя изъ Франціи въ Россію мѣшки съ золотомъ. Нѣмцы не успокоились до тѣхъ поръ, пока не перестрѣляли нѣсколькихъ своихъ офицеровъ и одного профессора. Распоряженіе объ обстрѣлѣ автомобилей было отмѣнено лишь послѣ того, какъ подозрительные нѣмцы разстрѣляли австрійскаго офицера, пріѣхавшаго въ Германію съ какимъ-то чрезвычайно важнымъ порученіемъ“.

Извѣстному графологу И. Ф. Моргенстіерну также пришлось испытать тевтонское плѣненіе и даже въ теченіи цѣлаго полугода. Вотъ что онъ разсказалъ сотруднику „Биржевыхъ Вѣдомостей“:

„Я былъ отправленъ въ тюрьму „Темплъ-гофъ“.

Режимъ этой тюрьмы ужасенъ. Достаточно сказать, что нѣмецкіе солдаты, попавшіе сюда за какую-нибудь провинность, сплошь и рядомъ кончаютъ самоубійствомъ. При мнѣ было нѣсколько случаевъ, когда солдаты вскрывали себѣ вены, а сошедшихъ съ ума выносили ночью тайкомъ изъ камеры. Здѣсь били нещадно и чѣмъ попало за малѣйшую провинность.

За время пребыванія въ Германіи я перебывалъ въ нѣсколькихъ тюрьмахъ и въ нѣсколькихъ госпиталяхъ, былъ судимъ военнымъ судомъ по обвиненію въ шпіонствѣ и только чудомъ избѣжалъ разстрѣла. Два раза, будучи не въ силахъ выносить каторжный режимъ германскихъ тюремъ, я объявлялъ голодовку и однажды дошелъ до такого состоянія, что хотѣлъ покончить съ собой.

Въ военной тюрьмѣ мнѣ пришлось встрѣтиться съ двумя русскими консулами изъ Кенигсберга—Малиновскимъ и Островскимъ, а также съ приватъ-доцентомъ московскаго университетета Н. Морозо-

вымъ. Всѣ трое, послѣ ужасныхъ истязаній въ Кенигсбергѣ, были переведены въ берлинскую тюрьму и здѣсь содержались въ ужасной обстановкѣ. Потомъ консулъ Островскій былъ сосланъ въ одну изъ глухихъ деревушекъ Германіи, консулъ Малиновскій до сихъ поръ находится въ тюрьмѣ, а прив.-доц. Морозовъ переведенъ въ Руленбергъ.

Послѣ долгихъ мытарствъ и хлопотъ мнѣ удалось пробраться въ Берлинъ. Здѣсь я встрѣтился съ адм. Скрыдловымъ и др. Нѣмцы не ограничились арестомъ адмирала и скоро по обвиненію въ шпіонствѣ была арестована его 12-лѣтняя дочь, жившая въ одномъ изъ пансіоновъ, причемъ нѣмцы, въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, захватили ея дѣтскій дневникъ. Съ трудомъ удалось супругѣ адмирала Скрыдлова освободить изъ плѣна свою дочь“.

Любопытныя вещи пережилъ также одинъ французъ, monsieur V. H., пробывшій въ нѣмецкомъ плѣну два мѣсяца, затѣмъ бѣжавшій изъ Германіи и благополучно добравшійся до Кіева. Вотъ что онъ разсказывалъ интервьюеру „Кіевлянина“ г. В. Л. (№ 279 отъ 9. X. 14.):

„Въ началѣ лѣта я отвезъ жену и дѣтей въ силезскій курортъ Альтайде, а самъ отправился къ моимъ родителямъ во Францію. Но скоро настали тревожныя событія. Все упорнѣе носились слухи, что война близка. Безпокоясь о своей семьѣ, я поспѣшилъ въ Альтайде, и мы рѣшили немедленно ѣхать въ Россію. Торопясь попасть къ поѣзду, мы съ женой кое-какъ стали наполнять сундуки вещами; дѣтей мы отправили во дворъ, чтобы они не мѣшали... Замѣьте это обстоятельство, оно имѣетъ значеніе для дальнѣйшаго.

Былъ вечеръ, когда мы подѣхали къ рус-

ской границѣ, но черезъ границу насъ не пустили. Какой-то офицеръ намъ объяснилъ: „Сегодня въ 6 часовъ истекъ срокъ для отвѣта на ультиматумъ, предъявленный Германіей Россіи. Сейчасъ 9 часовъ; слѣдовательно, сейчасъ война, и пропустить васъ черезъ границу нельзя“...

Я собственными глазами видѣлъ огни Калиша; будь я одинъ, я пошелъ бы пѣшкомъ, но съ женой, съ пятью маленькими дѣтьми,—это было невозможно.

Насъ посадили въ поѣздъ, взыскали плату за обратный путь, и отвезли назадъ въ Альтайде.

Не успѣли мы отдохнуть съ дороги, какъ явились къ намъ офицеръ, жандармъ и чиновникъ, и начался допросъ. „Вы шпионъ—сказали они мнѣ,—вы пріѣхали изъ Франціи, а затѣмъ ѣздили къ русской границѣ; вы перевезли изъ Франціи въ Россію секретные документы—вѣдь не даромъ же вернулись вы безъ вашихъ сундуковъ“. Разузнать нѣмцевъ было невозможно. „Если въ сундукахъ не было ничего секретнаго,—говорили они—то зачѣмъ же вы удалили изъ комнаты вашихъ дѣтей, когда укладывали вещи передъ отъѣздомъ?“... Все казалось имъ подозрительнымъ, даже то, что я говорю по нѣмецки... Что я могъ сказать въ свое оправданіе? И вотъ, меня арестовали, отвезли въ Глацъ, въ 20 верстахъ отъ Альтайде, и посадили въ тюрьму. Тамъ я просидѣлъ 11 дней. Утромъ мнѣ давали чашку какой-то коричневой бурды, которую нѣмцы называли кофе, и кусокъ хлѣба. На обѣдъ—что-то, носившее названіе бульона, съ плавающими въ немъ кусками хлѣба. Вечеромъ—то же, что и утромъ. И—больше ничего. Семьѣ моей давали въ это время на прокормленіе по 70 пфенниговъ въ день. Моему младшему ребенку только

годъ. Ему покупали молоко и булочку, остальные питались хлѣбомъ.

Наконецъ, меня выпустили изъ тюрьмы, причемъ заставили расписаться въ томъ, что меня хорошо кормили и хорошо со мной обращались. Я подписалъ. Вѣдь я знаю такой случай: когда одинъ русскій на вопросъ нѣмцевъ, какъ ему было въ тюрьмѣ, отвѣтилъ: „Дома лучше“,—то его безъ разговоровъ отправили снова обратно въ тюрьму.

Итакъ, я былъ со своими, но положеніе наше было не важно—у насъ совсѣмъ не было денегъ. Правда, намъ занималъ, кто могъ, изъ сосѣдей—изъ русскихъ, поляковъ. Коллега прислалъ мнѣ изъ Швейцаріи 50 марокъ. Но вѣдь насъ было семь человѣкъ.

Но, что правда, то правда. Тутъ намъ повезло, и очень повезло. Дѣло въ томъ, что въ Альтайде и я, и моя семья очень часто говорили и рассказывали о Россіи и о Кіевѣ; кромѣ того, тамъ было извѣстно, что я русскій статскій совѣтникъ—*Russischer Staatsrat*. И вотъ, когда было получено распоряженіе, чтобы русскихъ и англичанъ выпускать изъ Германіи,—бургомистръ, принимая меня за русскаго подданаго, далъ намъ разрѣшеніе выѣхать изъ Альтайде.

И вотъ, мы въ Берлинѣ. Но здѣсь дѣло пошло уже хуже. Въ полиціи я старался выдать себя за русскаго, показывая пропускъ данный мнѣ въ Альтайде, и разные другіе документы. Но въ концѣ концовъ потребовали мой паспортъ, и истина открылась. Онъ былъ сѣрый, а на немъ была подпись „*Republique Française*“. За это я просидѣлъ подъ арестомъ сутки и попалъ подъ особый надзоръ полиціи.

Теперь начались хлопоты о томъ, какъ бы

выбраться изъ Берлина. Гдѣ я только не былъ, кого я только не просилъ! Испанскій посолъ обѣщалъ мнѣ лично свое содѣйствіе, но его ходатайство не достигло цѣли... Былъ я, между прочимъ, у помощника коменданта Берлина, барона фонъ-Куткамеръ, но что я ему ни говорилъ о своемъ отчаянномъ положеніи, о своихъ голодныхъ маленькихъ дѣтяхъ, онъ мнѣ отвѣчалъ короткими фразами: „Устраивайтесь, какъ знаете“, „Это меня не касается“, „Мнѣ всё равно“... И я ушелъ, не добившись ничего.

Видя, что ничего нельзя сдѣлать легальнымъ путемъ, я бѣжалъ, бѣжалъ съ опасностью для жизни, и, рискуя ежечасно быть разстрѣляннымъ, пробрался до шведскаго парохода. Жена съ дѣтьми пробралась туда же другимъ путемъ... Какъ намъ удалось устроить побѣгъ, я не могу вамъ сказать. Я могу только сказать, что не малую роль сыгралъ и „на чай“ среди нижнихъ чиновъ: помогло мнѣ очень и знаніе нѣмецкаго языка... На шведскомъ пароходѣ встрѣтился я съ женой, и мы говорили о томъ, что въ берлинской полиціи, куда я долженъ былъ являться каждый день, меня навѣрное уже приговорили къ смерти...

Какъ я могу описать то гостепріимство, то горячее сочувствіе, съ которымъ насъ встрѣтили шведы? Намъ не только давали пищу, но осыпали цвѣтами, съ меня не взяли даже платы за телеграммы, которыя я посылалъ изъ Швеціи.

Въ Петроградѣ мы очутились опять безъ копейки денегъ. Когда мы стояли на вокзалѣ, совѣщаясь, какъ быть и что дѣлать, къ намъ подошли какой то офицеръ, нѣкто г-жа Яронъ и г-нъ Ялковскій. Разпросивъ насъ и узнавъ о нашемъ бѣдственномъ положеніи, они, безъ всякой просьбы съ на-

шей стороны, предложили намъ денегъ, а когда они узнали, кто я, то устроили намъ черезъ жан-нармскаго полковника отдѣльное купэ до Кіева.

Отъ пережитыхъ потрясеній я совсѣмъ разбить, такъ же какъ и вся моя семья. Вы видите, какъ я измѣнился...

Въ Германіи намъ запрещали говорить по-французски. И теперь моя жена, если ей надо мнѣ что-нибудь сказать, подходитъ ко мнѣ и говоритъ мнѣ на ухо.

Когда мы проѣзжали по мосту черезъ Днѣпръ, въ нашъ вагонъ вошелъ солдатъ. „Опять!—воскликнула моя жена въ ужасѣ—опять они пришли тебя арестовать“!

Вотъ и теперь, я говорю съ вами, а мнѣ все кажется, что меня допрашиваютъ нѣмцы“.

XIX.

Германская Аракчеевщина.

Хочется мнѣ здѣсь также спасти отъ забвенія интересныя воспоминанія о пребываніи въ плѣну жителя г. Бендеры студента М. Рейномена. Воспоминанія эти были напечатаны въ газетѣ „Бессарабскій Южный Край“, издающейся въ г. Бендерахъ (въ №№ 546 и 547 отъ 9 и 10 октября 1914 года). Вотъ что говоритъ тамъ интервьюеръ Л. Л—ій:

„Это было въ Мюнхенѣ, гдѣ г. Рейноменъ состоялъ студентомъ послѣдняго курса медицинскаго факультета.

Послѣ перваго же выступленія Австріи противъ Сербіи, въ городѣ поднялось необычайное оживленіе. Всѣ начали говорить о войнѣ Германіи съ Россіей.

Предчувствуя недоброе, Р-ъ и группа его товарищей обратились въ мѣстное консульство съ просьбой дать имъ возможность уѣхать изъ Мюнхена въ Россію. Но консулъ успокоилъ ихъ, заявивъ, что до войны еще далеко и они могутъ продолжать свои занятія. Но когда они вышли изъ консульства на улицу, то ужаснулись. Всѣ улицы и площади были запружены толпами народа. Отов-

сюду доносились воинствующие клики и враждебные по адресу Россіи возгласы. Оказалось, что въ то время, когда М. Рейноменъ и его товарищи находились въ консульствѣ, по городу были расклеены объявленія о мобилизаціи.

Объявленія эти и дали поводъ толпѣ проявить свои дикіе инстинкты. Она разгромила одну кофейню, принявъ ее за русскую, но оказавшуюся въ послѣдствіи... нѣмецкой. Въ другомъ мѣстѣ толпа набросилась на проходившаго по улицѣ офицера, похожаго на серба, и избила его до полусмерти.

Понятно, что оставаться въ такой атмосферѣ было невыносимо и небезопасно, почему г. Рейноменъ и его товарищи рѣшили поскорѣе вырваться изъ Мюнхена. Рѣшили ѣхать въ Берлинъ, а оттуда въ Россію.

Преодолѣвъ цѣлый рядъ непріятностей, они на слѣдующій день пріѣхали въ Берлинъ и немедленно отправились въ русское посольство. Здѣсь уже толпились тысячи русскихъ, очутившихся въ такомъ же плачевномъ, какъ и г. Рейноменъ, положеніи.

Получивъ отъ русскаго посла 300 марокъ изъ студенческой кассы взаимопомощи, М. Рейноменъ раздѣлил ихъ между товарищами, причемъ свою долю онъ отдалъ одному изъ послѣднихъ, съ которымъ рѣшилъ вмѣстѣ поѣхать домой.

Всѣ вышли на улицу, направляясь на вокзалъ. Но не успѣли они удалиться на кварталъ отъ консульства, какъ со стороны редакціи газеты „Локаль-Анцайгеръ“ громадная толпа съ криками: „Die Russen“ бросилась на нихъ.

Товарищи г. Рейномена (среди нихъ была и одна женщина) бросились въ сторону и успѣли забѣжать въ какой-то отель.

Г. Рейноменъ вскочилъ въ omnibusъ, и ему такимъ образомъ удалось избѣгнуть дикаго самосуда толпы. Со стороны отеля слышались душу раздирающіе крики женщинъ, вопли. Въ omnibusъ какъ разъ никого не было, и г. Рейномену казалось, что онъ спасенъ. Проѣхавъ немного, онъ выскочилъ изъ omnibуса, намѣреваясь закоулками, избѣгая показываться на людныхъ улицахъ, пробраться къ вокзалу. Но тутъ его замѣтилъ полицменъ, который задержалъ его и повелъ въ участокъ.

Здѣсь г. Рейномену пришлось ждать до поздней ночи, когда къ нему явился какой-то полицейскій чиновникъ и объявилъ ему, что онъ свободенъ.

Обрадовавшись г. Рейноменъ вышелъ на улицу. Каковъ же былъ его ужасъ, когда онъ вдругъ увидѣлъ снаружи у дверей двухъ солдатъ съ обнаженными шашками, которые схватили его и бросили въ наглухо закрытую карету.

Тутъ-то и повѣяло на него ужасомъ неизвѣстности, одиночества и беззащитности. Онъ все время находился въ какомъ-то забытіи. Привелъ его въ чувство сильный толчекъ въ бокъ. Это солдаты приказали ему послѣдовать за ними. Его ввели въ, такъ называемый, „полицей-президіумъ“. Тамъ уже не говорили ему объ освобожденіи, а прямо, въ очень грубой формѣ, объявили, что онъ русскій шпионъ и что съ нимъ расправятся по всѣмъ правиламъ военнаго времени. М. Рейноменъ стоялъ пораженный и ничего не могъ отвѣтить. Одно онъ только ясно сознавалъ, что никакіе доводы не помогутъ ему вырваться отсюда.

По приказанію чиновника, солдаты увели его въ тюрьму.

Громадные и мрачные тюремные своды, мол-

чаливые и нахмуренные солдаты-часовые, тусклый, еле мерцающій и неизвѣстно откуда падающій свѣтъ,—все это производило чрезвычайно жуткое впечатлѣніе.

Въ камерѣ темно и душно. Подвигаясь въ темнотѣ ощупью, въ надеждѣ найти скамейку или койку, г. Рейноменъ каждый разъ натыкался на стѣну. Пришлось до утра постоять на ногахъ. Утромъ онъ почувствовалъ сильную жажду и началъ звать часового, но никто не явился. Тогда онъ сталъ стучать въ дверь. Показалась страшная фигура какого-то верзилы.

— Что надо?—грубо спросилъ онъ.

— Пить,—прошепталъ г. Рейноменъ.

Но, вмѣсто отвѣта, онъ получилъ такой пинокъ, что отскочилъ къ другой стѣнѣ и ударился о нее головою.

— Разстрѣлять тебя, мерзавецъ, надо, а не пить давать,—крикнулъ верзила и хлопнулъ дверью.

Боль отъ толчка была такая невыносимая, что г. Рейноменъ не могъ двинуться съ мѣста. Ужасъ и отчаяніе овладѣли имъ. Появилась мысль о самоубійствѣ.

Наконецъ, его вывели изъ камеры на дворъ. Здѣсь онъ очутился уже въ толпѣ нѣсколькихъ сотъ такихъ же несчастныхъ, какъ и онъ.

Выстроивъ всѣхъ въ шеренгу, ихъ подъ усиленнымъ конвоемъ повели въ Моабитскую тюрьму. Среди нихъ было много закованныхъ.

Въ новой тюрьмѣ плѣнниковъ размѣстили по камерамъ, находящимся въ подземельѣ, причемъ г. Рейноменъ и нѣсколько его товарищей очутились въ какой-то до невѣроятности душной камерѣ.

Вводили арестованныхъ въ камеры такимъ образомъ. Выстроивъ ихъ въ длинную шеренгу,

солдаты каждого изъ нихъ грубо тащили къ дверямъ камеры и со всего размаху бросали туда. Несчастные, конечно, падали и ударялись о что-то твердое и острое. Раздавался глухой крикъ, мучительный стонъ.

Въ камерѣ, куда попалъ г. Рейноменъ съ товарищами, стояла такая духота, что положительно невозможно было дышать. Такъ они промучились цѣлыя сутки, и лишь на слѣдующій день ихъ перевели въ другую камеру.

Въ Моабитской тюрьмѣ они пробыли нѣсколько дней, причемъ въ пищу имъ за все время только два раза дали... черный кофе.

По прошествіи нѣсколькихъ дней плѣнниковъ опять вывели во дворъ, выстроили по 4 человекъ въ рядъ и объявили, что ихъ ведутъ на парходъ, а оттуда перевезутъ въ Дёберицъ.

Весь путь отъ тюрьмы до пристани (приблизительно 3 версты) былъ усѣянъ по обѣимъ сторонамъ уличной чернью. Толпа все время бросала въ арестованныхъ камнями, а нѣкоторыхъ изъ нихъ даже избила.

Стоялъ какой-то адскій гулъ самыхъ площадныхъ ругательствъ. Въ заключеніе хулиганы бросили горящее бревно на мостикъ, по которому арестованные должны были пройти. Ходить по горящему бревну нельзя было, а солдаты прикладами били и заставили ходить... Толпа улюлюкала и гоготала...

Наконецъ, ихъ привели въ Дёберицъ.

Тутъ начались новыя пытки и издѣвательства.

Размѣстивъ всѣхъ плѣнныхъ по баракамъ, приставили къ нимъ для охраны солдатъ изъ дисциплинарнаго батальона,—самый скверный элементъ среди германскихъ солдатъ. И эти солдаты

стали творить свою вакханалію издѣвательствъ надъ плѣнными. За малѣйшее ослушаніе,—ударъ прикладомъ и побои. Все надо было исполнять безпрекословно, по командѣ, чистить картошку на кухнѣ, мыть посуду, подметать... Въ пять часовъ утра по командѣ всѣ, какъ одинъ человѣкъ, должны были, ни секунду не медля, подняться съ голыхъ наръ. Кормили ужасно плохо: утромъ черныи кофе безъ сахара и кусокъ чернаго черстваго хлѣба, днемъ—какая-то темная вонючая похлебка, а вечеромъ опять черныи кофе безъ сахара.

Въ такихъ невыносимыхъ условіяхъ плѣннымъ пришлось прожить цѣлыхъ полтора мѣсяца. За все время никто изъ нихъ не умывался и не мѣнялъ бѣлья, такъ какъ вещи у нихъ всѣ пропали.

На седьмой недѣлѣ имъ приказали собраться въ путь и повели ихъ цѣлыхъ 30 верстъ пѣшкомъ въ другой лагерь, носящій названіе: „Спокойная Жизнь“ (Ruhleben?)

Дѣйствительно, плѣннымъ жилось тамъ спокойно. Даже очень!

Въ этомъ лагерѣ ихъ размѣстили уже не по баракамъ, а по конюшнямъ, по 10—15 человѣкъ въ каждой. Сырость и запахъ конскаго навоза такъ подѣйствовали на плѣнныхъ, что многіе изъ нихъ покушались на самоубійство, предпочитая смерть этимъ пыткамъ. Многіе тяжело заболѣвали.

Послѣднее обстоятельство, повидимому, подѣйствовало на коменданта лагеря, и онъ распорядился ежедневно выпускать плѣнныхъ въ манежъ на прогулку.

Однако, милость эта оказалась только лишнимъ штрихомъ въ общей суммѣ издѣвательствъ надъ плѣнными.

Дѣло въ томъ, что по приказу коменданта, каждый изъ гуляющихъ долженъ былъ пройти въ теченіе 10 минутъ одну съ четвертью версты, и такая прогулка должна была продолжаться... цѣлыхъ 2 часа, причемъ отстававшіе получали удары прикладомъ по затылку.

Многіе, во избѣжаніе побоевъ, бѣгали, бѣгали до изнеможенія. А когда приходили въ конюшни, то въ страшномъ изнеможеніи падали на нары, а тѣло невѣроятно ныло...

Новыя покушенія на самоубійство, тяжкія заблѣванія...

.

Что сталося съ товарищами по несчастью,—г. Рейномень,—не знаетъ. Для его освобожденія постарался одинъ русскій врачъ, при содѣйствіи испанскаго консула достигшій желанныхъ результатовъ“.

Еще болѣе подробное и интересное описаніе воскресшей аракеевщины въ „военномъ поселеніи“ Дёберицъ даетъ копенгагенскій корреспондентъ газеты „Кіевская Мысль“, г. Энзисъ, посвятившій въ 275-мъ и 276-мъ №№ (отъ 6-го и 7-го октября 1914 г.) этому милому мѣсту слѣдующія строки:

„Это названіе теперь извѣстно, вѣроятно, всей Россіи и, конечно, рассказываются о Дёберицъ самыя различныя вещи. Одинъ лишній рассказъ не помѣшаетъ для установленія правды.

Въ понедѣльникъ, 3 августа, я сидѣлъ въ своей квартирѣ со знакомыми и мы сообща раздумывали, что намъ дѣлать и какъ выбратся изъ Берлина. Звонокъ, и въ квартиру входитъ взволнованная сосѣдка-нѣмка:

— Bleiben sie heute zu Hause! Gehen sie nicht auf die Strassel! Ach Gott, alle sind verrückt geworden.

Оказывается, на улицахъ уже идетъ охота за русскими „шпіонами“. Газеты еще наканунѣ призывали публику оказать содѣйствіе полиціи въ ловлѣ „подозрительныхъ иностранцевъ“, особенно русскихъ, и настойчиво убѣждали публику въ томъ, что русскихъ нужно „unschädlich machen“. Это нарочито двусмысленное выраженіе было несомнѣно призывомъ къ погрому, и въ этой погромной агитаціи, длившейся потомъ около недѣли, повинна была вся берлинская пресса за исключеніемъ „Vorwärts'a“. Особенно старались въ этомъ направленіи либеральныя газеты „Vossische Zeitung“ и „Berliner Tageblatt“.

Черезъ часъ послѣ предупрежденія моей доброй сосѣдки раздается еще звонокъ, и въ квартиру влетаетъ запыхавшійся шуцманъ.

— Какъ Ваше имя? Ваше? Ваше?

У меня были въ гостяхъ двѣ русскія дамы съ дѣвочкой, подругой моей дочери, и одинъ нѣмецъ, живущій въ томъ же домѣ. Опросивъ всѣхъ и наскоро пробѣжавъ по корридору и комнатамъ, шуцманъ командуетъ мнѣ: *Kommen Sie mit!*

Идемъ въ участокъ. Тамъ въ отдѣльной комнатѣ уже сидятъ человѣкъ 10 моихъ соотечественниковъ. Постоянно подводятъ новыхъ. Ждемъ нѣсколько часовъ, не получая отъ полицейскаго начальства никакихъ разъясненій о нашей дальнѣйшей судьбѣ.

Часовъ въ 9 намъ приказываетъ стать по 2 человѣка въ рядъ. Выходитъ полицейскій комиссаръ и заявляетъ:

— Вы—военно-плѣнные. Сейчасъ вы будете отвезены въ другое помѣщеніе. Предупреждаю, что при малѣйшей попыткѣ бѣжать или сопротивляться конвою—вы будете застрѣлены.

И, обращаясь къ полицейскимъ, командуетъ:
— „Pistolen graus! Marsch!“.

Щуцманы съ браунингами въ рукахъ выводятъ насъ на улицу, а полицейскій капитанъ въ догонку еще разъ кричитъ:

— Bei dem geringsten Fluchtversuch niederschieten“!

Больно тогда рѣзнуло слухъ это слово „niederschieten“. Потомъ слышалъ его каждый день по нѣсколько разъ и... привыкъ.

Насъ сажаютъ въ вагонъ для перевозки мебели и куда-то везутъ. По дорогѣ заѣзжаемъ еще въ одинъ участокъ, и въ нашъ вагонъ подсаживаютъ еще человѣкъ 12. Встрѣчаю знакомыхъ изъ Россіи, съ которыми давно не видался. Компанія собралась интеллигентная, вся почти знакомая между собою, идетъ оживленный обмѣнъ новостями, пока тяжелый мебельный вагонъ медленно катится по улицамъ. Одинъ петроградскій докторъ, путешествуя по Скандиваніи, заѣхалъ „по дорогѣ“ въ Берлинъ и вотъ теперь трясется съ нами въ мебельномъ вагонѣ. Извѣстный скрипачъ Шмулеръ хотѣлъ ѣхать наканунѣ въ Амстердамъ, куда онъ приглашенъ профессоромъ консерваторіи, да по дорогѣ поѣлъ омаровъ, заболѣлъ и... попалъ въ мебельный вагонъ. Студенты берлинскіе и другихъ нѣмецкихъ университетовъ, одинъ поручикъ изъ нашихъ средне-азиатскихъ владѣній, сопровождавшій свою жену на курортъ, канторъ изъ какой-то синагоги виленской губерніи—для разнообразія нашей компаніи тоже подсажены къ намъ въ вагонъ изъ ближайшаго участка.

Часа черезъ 1½ подвозятъ насъ къ зданію военного арестнаго дома, выстраиваютъ на дворѣ, пересчитываютъ и говорятъ: „Подождите“. Ждемъ

часть, другой, третій... Наконецъ, объявляютъ, что ждать намъ придется до утра, а утромъ насъ увезутъ „въ другое помѣщеніе“.

Площадка на дворѣ, гдѣ мы стоимъ, шаговъ 15 въ длину и 7 въ ширину. Съ одной стороны крыльцо съ навѣсомъ, гдѣ можно присѣсть на каменные ступеньки, но тамъ не хватаетъ мѣста для всѣхъ. Этимъ удобствомъ приходится пользоваться по-очереди и, пока одни сидятъ, другіе топчутся на узкой площадкѣ. Холодно, накрапываетъ дождь, пальто у большинства нѣтъ, потому что днемъ была прекрасная погода. Зябнемъ и мокнемъ до 8 ч. утра. Ёсть, конечно, не даютъ. За угломъ другая партія человѣкъ въ 40, также стоитъ подъ дождемъ и тихо говоритъ между собою. Въ этой второй партіи кто-то поднялъ на землѣ брошенный изъ окна 3 этажа, гдѣ, видимо, помѣщаются одиночки, черный гребешокъ, на которомъ иголкой или перомъ была выцарапана надпись: „Илья Воробьевъ, авіаторъ изъ Полтавы. Завтра меня разстрѣляютъ. Какъ радостно слышать вашу русскую рѣчь“.

Я потомъ старался разузнать, что случилось съ этимъ узникомъ. Я узналъ, что онъ былъ инженеромъ и изобрѣтателемъ въ области авіаціи, что онъ учился летать или работалъ въ мастерскихъ на Johannisthal. Былъ ли онъ, дѣйствительно, разстрѣлянъ, я не узналъ. Думаю, что нѣтъ, потому что къ русскому военному вѣдомству онъ, повидимому, никакого отношенія не имѣлъ, а разстрѣломъ грозили въ тѣ дни очень многимъ изъ арестованныхъ. Дѣлали это низшіе агенты полиціи большею частью изъ озорства и ненависти къ русскимъ по собственной инициативѣ. Были случаи, когда арестованному заявляли, что его черезъ два

часа разстрѣляютъ, приказывали хозяевамъ квартиры собрать всѣ его вещи и доставить въ полицію, а черезъ два часа арестованный возвращался домой.

Часовъ въ 8—9 насъ посадили въ тюремныя кареты и перевезли въ каторжную тюрьму въ Plötzensee, извѣстную хорошо въ Берлинѣ тѣмъ, что тамъ казнятъ приговоренныхъ къ смерти. Но насъ привезли туда только на короткую передышку передъ дальнѣйшимъ путемъ. Тюремное начальство встрѣтило насъ грубыми криками и угрозами, даже разговоръ между собою намъ былъ воспрещенъ: „Въ этой тюрьмѣ заключенные не разговариваютъ“. Потомъ пришелъ тюремный инспекторъ и смилостивился: „Вы—не преступники, вы—только военно-плѣнные, мы взяли васъ въ тюрьму только для вашей охраны во время войны“.

Это примирительное объясненіе кончилось, впрочемъ, обычнымъ „niedershiessen“, въ случаѣ, если мы попытаемся бѣжать. Потомъ дали намъ на обѣдъ по куску хлѣба и по мискѣ обыкновенной тюремной „баланды“ и предупредили, что мы сейчасъ же отправимся дальше.

Въ той же тюрьмѣ въ другой партіи были жестоко избиты надзирателями два русскихъ еврея. Съ однимъ изъ нихъ, г. Ашемъ, я говорилъ. У него была переломлена рука. Избили же ихъ за то только, что они, не понявъ нѣмецкой команды, пошли не туда, куда нужно, и громко разговаривали между собой.

Въ два часа дня насъ посадили на пароходы и отвезли въ Spandau, а оттуда пѣшкомъ въ лагерь въ Дёберицъ.

Отъ пароходной стоянки до мѣста нашего назначенія верстъ 15. Собралось насъ въ партіи

человѣкъ 500, а конвойныхъ было не больше 10 полицейскихъ. Пока выстроили, пересчитали всѣхъ прошло не мало времени. Двинулись въ путь въ половинѣ седьмого, итти скоро было нельзя, потому что много было больныхъ и слабыхъ, и, потому, конецъ, пути пришлось совершать, когда уже совсѣмъ стемнѣло. Это обстоятельство заставляло очень нервничать нашихъ конвойныхъ: ряды далеко растянулись, и въ темнотѣ шуцманамъ не было видно всей партіи. Начались крики: *schneller gehen! nicht laufen! ich schiesse sie nieder! Wir machen keinen Spass*“ и т. д., и т. д. Но все обошлось благополучно, и часамъ къ 10-ти мы были передъ воротами лагеря, усталые до послѣдней степени, голодные и грязные.

Здѣсь происходила невѣроятная суматоха. Почему-то нужно было насъ перестроить по 10 въ рядъ, разставить отдѣльными колоннами, и всего этого не понимали арестованные, большинство которыхъ составляли польскіе сельско-хозяйственные рабочіе и углекопы, привезенные сюда откуда-то изъ Вестфалии и присоединившіеся къ нашей партіи въ Plötzensee. Унтера ругаются, тащутъ за рукавъ то въ одну, то въ другую сторону, молодой лейтенантъ громко пересчитываетъ какія-то цифры, старшій конвойный никакъ не можетъ свести сче-ты съ фельдфебелемъ, принимающимъ „плѣнныхъ“. Всѣ кричатъ другъ на друга и больше всего на насъ. Только къ 11 часамъ добрались мы до барака и бросились на койки. За предыдущія сутки никто изъ насъ не ложился, и почти не сидѣлъ, и ничего не ѣлъ, кромѣ миски тюремной баланды. Такъ тутъ уже нечего было разбирать, каковы койки и одѣяла.

На другое утро я всталъ часовъ въ пять, вы-

шелъ изъ барака и пошелъ осматривать лагерь. На огромной площади, особнякомъ отъ поселка, посреди полей размѣщено около 40 бараковъ, каждый вмѣстимостью до 100 человѣкъ, и нѣсколько зданій болѣе солидной постройки: кухни, „кантины“, зданіе караула, квартиры для офицеровъ, штабная канцелярія, зимнія казармы. Кругомъ проволочный заборъ и часовые—не солдаты, а *Büggerwehr*—мѣстные лавочники, рабочіе и крестьяне съ желтыми повязками на лѣвой рукѣ. Винтовку они не по-солдатски носятъ, а подмышкой. Мѣстность хорошая, воздухъ чистый, деревенскій. Умылся подъ водопроводомъ и сѣлъ обсушиться на солнышкѣ (полотенца не было). Подходить нѣмецкій солдатъ и я заговариваю съ нимъ.

— Всѣ бараки уже полны вашими земляками. Вотъ посмотрите, сейчасъ будемъ командовать, чтобы вставали.

Солдаты-дневальные расходятся по баракамъ и каждый кричитъ изо-всей мочи: „Raus aus der Baracke“.

„Военноплѣнные“ просыпаются и выходятъ на дворъ. Все полно народомъ, и кого только тутъ нѣтъ! Нѣсколько бараковъ занято польскими и украинскими рабочими. Очень много евреевъ изъ западнаго края. Много студентовъ, но едва ли не половину всѣхъ составляетъ неопредѣленная по виду толпа больныхъ, возвратившихся съ курортовъ. Среди нихъ очень много людей пожилыхъ, есть и совсѣмъ старики. Всѣ сословія, всѣ классы и всѣ національности: всѣхъ объединило здѣсь то, что мы всѣ—русскіе подданные. И это принудительное и случайное объединеніе здѣсь переходитъ въ объединеніе дѣйствительное, чувствуется солидарность всѣхъ и отвѣтственность

каждаго передъ всѣми и довѣріе всѣхъ къ каждому.

Ко мнѣ подходитъ группа рабочихъ изъ приграничныхъ польскихъ губерній. Они говорятъ только по польски, а я совершенно не знаю польскаго языка. Знакомимся при помощи нѣмецкаго солдата, который переводитъ ихъ польскіе вопросы на нѣмецкій языкъ и мои отвѣты на польскій. Это не мѣшаетъ намъ стать сейчасъ же друзьями, и ко мнѣ протягиваются одна за другой заскорузлыя рабочія руки.

— А что я вамъ, господинъ, скажу... бачите, какое мое діло: пашпорта-то мы не имѣемъ.

Это подолянинъ, молодой парень, говоритъ то по-русски, то по-польски или малороссійски. Въ этомъ году ему надо призываться, и онъ безпокоится, что ему „влетитъ“ и отъ нѣмецкаго, и отъ русскаго начальства. Я его успокаиваю тѣмъ, что, разъ онъ оказался въ плѣну, за неявку во время къ воинской повинности его не накажутъ. Онъ скептически качаетъ головой и, попросивъ папироску, самъ рѣшаетъ свое юридически запутанное положеніе:

— Не иначе, четыре недѣли придется тутъ сидѣть, да четыре тамъ.

И, сплунувъ въ сторону, съ удовольствіемъ закуриваетъ „панскую цыгаретку“.

Въ моемъ баракѣ публика подобралась все больше интеллигентная. Есть 2—3 человекъ изъ юго-западнаго края, двое изъ Кіева. Рѣшаемъ устраиваться по возможности. Меня выбираютъ старостой для сношенія съ нѣмецкимъ начальствомъ, которое пока только въ видѣ дневальныхъ, часовыхъ и унтеръ-офицеровъ, бѣгаетъ по баракамъ, набрасываясь на кого попало и придира-

ясь ко всякой мелочи: зачѣмъ кувшинъ стоитъ на землѣ, кто вынесъ изъ бараковъ табуретки и т. п.

Я приглашаю къ себѣ въ помощники веселого чернокудраго парня серба Николу Стефановича, вооружаю его щеткой, и онъ, смѣясь своими черными глазками и скаля бѣлые, точно изъ слоновой кости, зубы, быстро наводитъ въ баракъ такую чистоту, что вбѣжавшій унтеръ, уже набравшій полную грудь воздуху, чтобы выругаться, внезапно останавливается и примирительно говоритъ: *es geht schon*.

Никола Стефановичъ—хорватъ, но зовутъ его у насъ сербомъ. Въ мирное время онъ должно быть, порядочный жуликъ, но теперь—прелестнѣйшій парень и душа общества. Хотя говоритъ онъ только по-хорватски, но умѣетъ въ одинъ мигъ достать и хлѣба, и пива, и кофе, и сигаръ. Все принесетъ, все расскажетъ и объяснить. Онъ уже съ перваго утра знаетъ все начальство и отъ каждаго часового получаетъ пинки за какія-то продѣлки, отвѣчая на это только веселымъ смѣхомъ, какъ человѣкъ, который ловко умѣетъ ихъ всѣхъ провести. По вечерамъ Никола Стефановичъ показываетъ фокусы съ кольцами, съ картами, деньгами и опять смѣется. Онъ въ высшей степени доволенъ тѣмъ, что попалъ въ Дѣберицъ, потому что въ первый же день заработалъ на разныхъ порученіяхъ больше 10 марокъ. А когда его спрашиваешь, какъ онъ попалъ въ Германію и что онъ будетъ теперь дѣлать, онъ только махаетъ рукой и опять хохочетъ. Въ Сербію свою вѣрить и нѣмцевъ „не боимся“...

— Antreten!

Строимся по два въ рядъ, получаемъ желѣзные миски и идемъ за кофе. Кофе—ни къ черту

не годный и безъ сахара, но зато даютъ по куску хорошаго чернаго хлѣба. И на томъ спасибо! Никола Стефановичъ добываетъ все остальное и общаетъ, что сюда скоро придутъ парикмахеры и будетъ открыто настоящее „вѣнское кафэ“. Жить можно, если, конечно, такое житіе продлится недолго. Хуже всего грубое обращеніе солдатъ, постоянная руготня, а то и угроза прикладомъ. Слово „niederschiessen“ виситъ въ воздухѣ, но уже теряетъ свою силу: привыкли.

Я заговариваю съ солдатами и упрекаю ихъ за грубое обращеніе съ моими земляками. Солдаты недоумѣваютъ и обижаются: „Да, вѣдь съ нами въ казармахъ обращаются гораздо хуже, что-же особенное мы дѣлаемъ? Какъ-же не кричать, когда такая масса народу, а я одинъ на весь баракъ? Если я скажу: *meine Herren, stehen Sie, bitte, auf* — вѣдь меня не услышать, а мнѣ—некогда! Я всѣмъ говорю на вы, и называю васъ *meine Herrn*“.

— А зачѣмъ вы постоянно грозите стрѣлять?

— А развѣ мы кого-нибудь застрѣлили? Я самъ вижу, что здѣсь топчутъ въ грязь всѣ человѣческія права, ваши и наши. Я такъ-же терплю, какъ и вы, у меня тоже есть семья и я не хочу войны. Но на меня кричать и заставляютъ кричать на васъ...

Большинство солдатъ настроено къ намъ дружелюбно, но есть нѣсколько человѣкъ, полныхъ самой слѣпой ненависти къ намъ, русскимъ. Эти бѣгають по всему лагерю, выискивая какой-нибудь случай придраться, и бываютъ довольны, если такой случай находится. Особенно въ присутствіи высшаго нечальства стараются, такъ что коменданту становится даже неловко:

— Na nu, mein guter, die Leute sind ja keine Verbrecher!

Со второго дня въ лагерь явилась „слѣдственная коммиссія“ и началось освобожденіе арестованныхъ. „Слѣдственная коммиссія“ (ихъ работало четыре сразу), состояла каждая изъ одного сыщика политической полиціи, который рѣшалъ дѣло по своему единоличному усмотрѣнію, руководствуясь, конечно, предписаніями начальства. Освободили прежде всего всѣхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ при условіи, что они сейчасъ-же отправятся на работу съ платой въ 2—3 марки поденно на хозяйскихъ харчахъ. Плата недурная, и охотниковъ нашлось много. Потомъ стали освобождать всѣхъ старше 45 лѣтъ, всѣхъ, имѣющихъ постоянное жительство въ Берлинѣ, всѣхъ поляковъ, всѣхъ пріѣхавшихъ съ курорта или лечащихся въ Берлинѣ, всѣхъ студентовъ. Подъ одну изъ этихъ категорій могъ попасть всякій, тѣмъ болѣе, что данныя показанія не провѣрялись и отчасти не могли быть провѣрены. Каждый день къ вечеру набиралось, такимъ образомъ, нѣсколько сотъ освобожденныхъ. Мнѣ лично на первыхъ порахъ не повезло. Kriminalbeamter, узнавъ, что я—литераторъ, изрекъ крылатое слово: „Lieber entlasse ich einen Soldaten, als einen Schriftsteller“.

Меня зачислили въ распоряженіе военныхъ властей.

Такихъ набралось черезъ 4 дня человекъ 700. Насъ выстроили отдѣльно, заявили намъ еще разъ, что мы освобожденію не подлежимъ и что насъ будутъ разсматривать, какъ военно-плѣнныхъ. Правовученіе заканчивалось обычнымъ „niederschieten“. Говорили, что насъ переправятъ въ крѣпость въ Spandau. Перспектива эта меня не радовала, я заявилъ себя больнымъ, былъ отправленъ въ „пріемный покой“, организованный врачами изъ нашей

же среды и на собранныя среди насъ деньги, а тамъ на меня возложили обязанности фельдшера, обязанности въ примѣненіи къ особымъ условіямъ жизни въ Дёберицѣ весьма несложныя; заключались онѣ главнымъ образомъ въ томъ, что утромъ я наливалъ касторку всѣмъ, желающимъ полакомиться ею, и такихъ охотниковъ находилось довольно много: питаніе даже на свой собственный счетъ въ кантинахъ было отвратительное, а казенная пища—вовсе невозможна. Даже порціи хлѣба все уменьшались и ухудшались, хлѣбъ стали давать непропеченный и покрытый плѣсенью. Для тѣхъ, кто пріѣхалъ въ Германію лѣчиться и попалъ въ Дёберицъ съ курортовъ, пребываніе въ такихъ условіяхъ, хотя бы только въ теченіе нѣсколькихъ дней, означало полное разстройство здоровья. Такихъ было очень много, и среди нихъ много людей преклоннаго возраста и тяжело больныхъ (астмой, порокомъ сердца, туберкулезомъ, ревматизмомъ и пр.). Эта категорія „военнопленныхъ“ вынесла, вѣроятно, самыя ужасныя впечатлѣнія о Дёберицѣ. Наоборотъ, другіе—студенты или молодые рабочіе—будутъ вспоминать объ этомъ лагерѣ, какъ о забавномъ и интересномъ приключеніи. Судить можно различно, въ зависимости отъ субъективныхъ условій, но нельзя не признать, что самый этотъ арестъ поголовно всѣхъ подданныхъ воюющихъ державъ съ Германіей странъ былъ явленіемъ возмутительнымъ. Теперь нѣмецкое правительство возмущается тѣмъ, что нѣмецкихъ подданныхъ высылали изъ другихъ странъ, назначая имъ слишкомъ короткій срокъ для выѣзда. Мы были бы счастливы, если бы насъ только выслали хотя бы и въ 24 часа или даже скорѣе. Но насъ арестовали, съ нами обращались грубо, какъ съ

арестантами, нѣкоторыхъ били въ тюрьмѣ, другихъ была толпа на улицѣ въ присутствіи конвойныхъ и съ ихъ разрѣшенія.

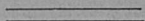
Въ другихъ нѣмецкихъ городахъ арестованнымъ пришлось еще хуже. Ихъ держали по нѣскольку недѣль въ тюрьмахъ. Въ Бреславлѣ русскихъ арестовали и препроводили въ каторжную тюрьму въ Лукац, въ 2-хъ часахъ ѣзды отъ Берлина, откуда имъ нелегко было снестись съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ. Хуже всего было тѣмъ, кого арестовывали въ пути. Ихъ отвозили куда-нибудь въ такой городъ, гдѣ у нихъ не было никого и гдѣ ихъ не догадывались искать родные. Въ Ростокѣ такъ просидѣлъ около мѣсяца цѣлый поѣздъ, ушедшій изъ Берлина въ Копенгагенъ 3-го августа утромъ. Всѣхъ мужчинъ изъ этого поѣзда продержали подѣ арестомъ больше мѣсяца, да еще требовали съ нихъ по 3 марки въ день за содержаніе на солдатскомъ пайкѣ.

Въ Дёберицѣ черезъ нѣсколько дней послѣ первой „слѣдственной комиссіи“ была назначена другая военными властями. Здѣсь предсѣдательствовалъ майоръ, а фактически рѣшалъ дѣла какой-то очень корректный господинъ въ фуражкѣ императорскаго нѣмецкаго яхтъ-клуба. Эта вторая комиссія освободила почти всѣхъ, невыпущенныхъ первой комиссіей, но отобрала отъ насъ паспорта.

Когда я вышелъ изъ Дёберица, отношеніе берлинскаго населенія къ иностранцамъ измѣнилось къ лучшему. Газеты уже всѣ писали успокоительныя замѣтки и увѣщевали публику вести себя корректно. Что именно повело къ такой перемѣнѣ, я въ точности не знаю. Знаю, что много содѣйствовалъ улучшенію нашего положенія въ этомъ отношеніи испанскій посолъ г. Пабло де-

Барнабе своими хлопотами передъ нѣмецкими властями и помѣщеніемъ въ нѣмецкихъ газетахъ свѣдѣній объ обращеніи съ нѣмцами въ другихъ странахъ. Съ другой стороны „Vorwärts“ стыдилъ бюргерскую печать за ея недостойную травлю иностранцевъ. Наконецъ, добровольная охота публики на иностранцевъ, добровольное исполненіе полицейскихъ обязанностей приносило въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямой вредъ самимъ нѣмцамъ. Задерживались и портились автомобили, принадлежащіе военному вѣдомству или отданные въ его распоряженіе, задерживались люди, состоявшіе на службѣ у правительства, добровольцы и т. п. Была убита въ автомобилѣ одна графиня, извѣстная своею дѣятельностью въ нѣмецкомъ Красномъ Крестѣ: ее приняли за „русскаго шпіона, увозящаго за границу русское золото“, какъ сообщалось въ газетахъ. Вакханаліи шовинизма на улицахъ пришлось прекратить. Но и послѣ этого намъ, русскимъ, нужно было быть очень сдержанными, чтобы не вызвать какихъ-нибудь эксцессовъ со стороны уличной толпы. Русскіе перестали посѣщать кафэ, избѣгали часто заходить другъ къ другу въ гости, не разговаривали на улицахъ по-русски. Всѣ мы, мужчины и женщины, были поставлены подъ надзоръ полиціи съ обязательствомъ каждые три дня являться въ участокъ. Всѣ постоянно живущіе въ Берлинѣ русскіе потеряли источникъ существованія: русскихъ служащихъ разсчитали во всѣхъ торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ, а самостоятельныя русскія предпріятія должны были закрыться, потому что они такъ или иначе были въ зависимости отъ торговыхъ сношеній съ Россіей. Студенты и всѣ, живущіе за границей временно, перестали получать изъ Россіи деньги. Однимъ сло-

вомъ, всѣ русскіе подданные мгновенно очутились въ невозможномъ съ матеріальной и моральной стороны положеніи, единственнымъ спасеніемъ изъ котораго былъ выѣздъ за границу, лучше всего—домой, въ Россію, хотя у многихъ въ Россіи не было ничего и никого“.

XX.

Заключеніе.

Книга моя закончена. Два мѣсяца сильнѣйшихъ переживаній и интереснѣйшихъ наблюденій потребовали вдвое больше времени—цѣлыхъ четырехъ мѣсяцевъ—чтобы все испытанное, видѣнное, слышанное занести на бумагу, собрать, сгруппировать, сдѣлать изъ него книгу. Эти полгода моей жизни дали мнѣ много, очень много; такъ много, что, переживъ всё, описанное въ этой книгѣ, дважды—испытывая и потомъ описывая, я ни капельки не жалѣю о перенесенныхъ испытаніяхъ и, если бы колесо времени можно было вернуть вспять и календарь вернулся бы назадъ къ 7-му іюню, когда я переѣзжалъ прусскую границу, я бы не задумываясь переѣхалъ бы ее вновь, на встрѣчу (на этотъ разъ завѣдомо) ждущимъ меня мытарствамъ. Прожить за полгода десять лѣтъ, заглянуть въ душу человѣка и увидѣть, сколько тамъ гнѣздится грязи и подлости, о за это удовольствіе нашему брату журналисту не жаль и подороже заплатить, чѣмъ заплатилъ я...

Но всетаки мнѣ не хочется положить перо, не сдѣлавъ нѣкоторыхъ заключительныхъ выводовъ. Мнѣ скажутъ, что для широкихъ обобщеній еще не настала часъ, что еще рано подводить итоги этой грандіозной

эпопеѣ, хотя бы только изнанки ея, что, какъ, бы много я не пережилъ, я пережилъ только одну многотысячную, даже миллионную часть общихъ переживаній—хорошо, пусть все такъ,—тогда позвольте мнѣ скромно отойти за слова другихъ, уже появившіяся въ прессѣ и процитировать наиболѣе яркія, запавшія мнѣ въ душу при чтеніи, мѣста изъ русской прессы.

Что Вильгельмъ внесъ своей политикой и именно своей политикой войны противъ мирнаго населенія озвѣреніе и одичаніе въ широкія массы населенія—это несомнѣнно и прекрасно это уловилъ и охарактеризовалъ (еще въ октябрѣ 1914 года) извѣстный фельетонистъ „Русскаго Слова“ Баянъ въ своей прекрасной статьѣ „Адъ“:

„Ненависть къ врагамъ въ насъ растеть; какъ громадный костеръ, пылаеть она въ нашей груди“...

Это—изъ письма институтки.

„Побѣди они (нѣмцы), на землѣ адъ будетъ. Да тогда я, старый ксендзъ,—я самъ оставлю мой костель и пойду съ ружьемъ на двуногихъ волковъ. Они и прихожанъ моихъ сдѣлали волками. Всѣ стали злыми, жестокими. Ни у кого другъ къ другу жалости“...

Это говорить священникъ.

„По натурѣ я человѣкъ не злой, скорѣе наоборотъ. Люблю дѣтей, люблю цвѣты, музыку, природу, людей. Въ лѣсу перепрыгиваю дорожку, черезъ которую ползутъ муравьи. А тутъ, попадись мнѣ въ руки Вильгельмъ, я самъ своими зубами перегрызъ бы ему глотку“...

Это—воплъ офицера.

Я могъ бы ежедневно нанизывать ожерелье изъ накаленныхъ злостью людскихъ мыслей и чувствъ. Ими кипитъ теперь жизнь, какъ насыщенный газами Нарзанъ. Все кругомъ стало острымъ,

колючимъ, какъ настойка изъ муравьевъ, которой натираются отъ ревматизмовъ, какъ молодая, сердитая рѣдка. Мечтательная, воздушная институтка, добрый ксендзъ, музыкантъ - офицеръ, боящійся раздавить муравья,—рѣшительно всѣ, отъ министровъ до курьеровъ, отъ дѣтей до старцевъ, отъ геніевъ до глупцовъ, отъ богачей до бѣдняковъ, отъ миролюбцевъ до воителей, прониклись колючей и кипучей злостью. Словно чудо свершилось, словно демонъ слетѣлъ на крыльяхъ ада, собралъ въ охапку всѣ души и сталъ ихъ мять, выжимая врожденную доброту, мягкость и нѣгу предковъ, развинченность и раздвоенность современниковъ. А выжавъ, впрыснулъ яду, отъ котораго всѣ вдругъ отвердѣли, выпрямились, спаялись въ колючую жгучую массу. Такъ слабыя, гибкія растенія, обмакнутыя въ растворъ извести, становятся хрупкими и твердыми.

*) Ужасъ вильгельмовскаго дѣла въ томъ, что оно влило въ людей всепожирающую злость. И потому дѣло это поистинѣ сатанинское. Что озвѣрѣли нѣмцы,—полѣбды; когда озвѣрѣетъ человечество, будетъ плохо. А озвѣрѣніе надвигается на насъ своей черной пастью, грозя поглотить накопленные вѣками сокровища. То, что происходитъ теперь съ внутреннимъ міромъ народовъ, напоминаетъ пожаръ торфяныхъ болотъ, когда огонь ползетъ подъ землей, пожирая корни земного пласта и оставляя по виду нетронутой его поверхность. Куда докатится пожаръ, что остановитъ его?..

Священнослужитель разрушеннаго костела правъ: побѣда нѣмцевъ вселила бы на землѣ адъ. Адовы пытки были бы не только въ нѣмецкой же-

*) Курсивъ автора книги.

стокости, жадности, наглости, а главное—во всеобщемъ паденіи нравовъ. Жалость и совѣсть были бы искоренены, какъ порокъ. Истоптанные достатокъ и культура мстили бы свѣту и солнцу, мстили бы Божеству. Развились бы повальное невѣріе, цинизмъ, развратъ; братъ грабилъ бы брата, сынъ топталъ бы отца. Не въ первый разъ культурные народы становятся жертвой варваровъ. Не со вчерашняго дня жестокость попираетъ страданіе. Но то, что сулитъ нѣмецкая побѣда, не можетъ итти вровень съ историческими катастрофами прошлаго. Иго татаръ, гунновъ, персовъ, османовъ не разрознивало, а наоборотъ, спланивало угнетенныхъ; — только потому и удавалось сбрасывать. Иго нѣмецкое внесетъ въ ряды угнетенныхъ такія злобу и рознь, которыя навсегда разъѣдятъ узы крови, вѣры, культуры. Въ этомъ, вѣдь, и секретъ нѣмецкаго могущества, къ этому и готовили эту озвѣрѣвшую націю,—снять ужасъ и рознь. Нѣмецкая сила въ слабости ихъ противниковъ,—въ слабости не столько физической, сколько духовной. Способъ, которымъ нѣмцы добивались господства, всегда одинъ и тотъ же,—они оскотинивали поработченныхъ. И достигали они такой цѣли привитіемъ яда злости...

Удивительная способность озлоблять присуща только нѣмцамъ. Не озлобили Россіи татары, не озлобили насъ ни турки, ни японцы. Побѣдитель почти всегда жестокъ. „Горе побѣжденнымъ“ несутся изъ вѣка въ вѣкъ. Римляне и византійцы бросали побѣжденных на съѣденіе звѣрямъ, массами ослѣпляли и калѣчили. Но адъ, который несли съ собой воинственные народы древности, растворялся въ мирныхъ свойствахъ побѣжденныхъ, какъ соль въ водѣ. *Адъ нѣмецкій нерастворимъ, ибо*

гнетъ этой расы, высасывая всѣ живые соки народовъ, деревянитъ народную душу. Всеобщее озлобленіе—спутникъ нѣмецкаго господства потому, что нѣмецъ захватываетъ не только достатокъ и жизнь побѣжденнаго, но и сквернитъ его душу. Въ этомъ смыслѣ гораздо лойяльнѣе Вильгельма былъ Неронъ: онъ глумился лишь надъ тѣломъ христіанъ...

Ругать нѣмцевъ стало шаблономъ. Всѣ слова для этого уже использованы, все негодованіе вылитое. Страшно, какъ бы воспріимчивость читателя не притупилась. Къ нѣмецкимъ звѣрствамъ начали привыкать. А такая привычка—уже начало собственнаго озвѣренія. И на нее, главнымъ образомъ, нѣмцы рассчитывали. Дьявольскій планъ Вильгельма въ томъ и состоялъ, чтобы, вливъ въ народы ядъ злобы и мести, согнуть ихъ до себя, поставить въ плоскость нѣмецкой борьбы. Когда мы и наши союзники начнемъ платить нѣмцамъ ихъ же монетой,—а часъ этотъ надвигается,—кайзеръ дьявольски расхохочется и замететъ слѣды нѣмецкаго ада въ хаосъ ада всеобщаго. Во всеобщей свалкѣ не спрашиваютъ, кто началъ.

Объ этомъ адѣ мечтаетъ кайзеръ. Другого исхода затѣянному имъ дѣлу нѣтъ“.

И конечно мы не должны, согласно *lex talionis*, платить нѣмцамъ ихъ же монетой въ смыслѣ совершенія звѣрствъ и насилій, но мы должны и обязаны заплатить имъ еще худшей монетой, въ смыслѣ полного культурнаго отреченія отъ нихъ, въ смыслѣ абсолютнаго разграниченія нашего и вашего—славянскаго міра и тевтонскаго. Примиренія не можетъ быть никогда, во вѣки вѣковъ.

По окончаніи войны оружіемъ необходимо начать самую ожесточенную общественную войну противъ нѣ-

мецкаго засилья. Война эта должна быть поведена одновременно во всѣхъ областяхъ общественной жизни—и въ области законодательства, и въ области финансовъ, и въ области торговли и промышленности, и въ области литературы. Конечно, въ послѣднемъ отношеніи я не имѣю въ виду прекращенія или запрещенія изученія нѣмецкаго языка и перевода нѣмецкихъ книгъ—нѣтъ, нашихъ враговъ,—а такими они останутся и такими, не поддаваясь обману льстивыхъ фразъ, мы должны ихъ считать навсегда и по окончаніи войны,—нашихъ враговъ мы должны знать, но мы должны ихъ не только реально, но и ирреально вытѣснить изъ Россіи. Для этого я считаю необходимымъ слѣдующія категорическія мѣры:

1) абсолютное запрещеніе въѣзда въ Россію на вѣчныя времена всѣхъ безъ исключенія германскихъ и австрійскихъ подданныхъ, къ нимъ же, безъ объясненія причинъ, въ каждомъ конкретномъ случаѣ могутъ быть отнесены лица, кажущіяся подозрительными либо по происхожденію, либо по наружности, либо по документамъ или инымъ какимъ-либо признакамъ.

2) выселеніе всѣхъ задержанныхъ или находящихся въ Россіи лицъ, какъ подходящихъ подъ рубрики перваго пункта, такъ и фиктивно принявшихъ русское подданство въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ, въ томъ числѣ и т. н. нѣмецкихъ колонистовъ.

3) фактическая руссификація всего прибалтійскаго края и перемѣна всѣхъ нѣмецкихъ фамилій русскихъ подданныхъ по всей Россіи и нѣмецкихъ названій мѣстностей на русскія.

4) неимовѣрно высокій запретительный таможенный тарифъ на нѣмецкіе и спеціально выдѣлываемые въ Германіи (во избѣжаніе ввоза черезъ другія страны) товары.

5) абсолютное запрещеніе ввоза печатанной внѣ Россіи русской литературы, ограниченіе и строгая цензу-

ра ввоза нѣмецкой и запрещеніе печатанія въ Россіи по иностраннымъ заказамъ.

Кромѣ всѣхъ этихъ мѣръ авторъ этой книги мечталъ объ одномъ дѣлѣ, которое, передъ самымъ почти выходомъ этой книги, уже независимо отъ него, стало получать свое осуществленіе. Авторъ мечталъ объ образованіи общества нѣмцененавистниковъ, о наименованіи его Русскимъ Анти-Нѣмецкимъ Обществомъ и о присвоеніи ему, съ Высочайшаго Соизволенія, титула Императорскаго; тогда сокращенное И. Р. А. Н. О. вылилось бы въ звучное слово „Ирано“—это слово должно было бы быть выгравировано на особыхъ кольцахъ, отличительныхъ признакахъ всѣхъ членовъ этого общества, по которому незнакомые могли бы сейчасъ узнавать своихъ единомышленниковъ, а нѣмцы, при путешествіи членовъ О-ва за границей, своихъ враговъ. О-во это должно было бы въ широчайшемъ масштабѣ вести борьбу съ тевтонскимъ засильемъ. Приблизительно моя мысль уже осуществлена. Я говорю объ образовавшемъ въ Петроградѣ „Обществѣ 1914-го года“. Вотъ что объ этомъ О-вѣ говорится въ статьѣ „Знаменіе времени“, помѣщенной въ 28-мъ №-рѣ газеты „Кіевлянинъ“ за тек. годъ:

„Въ началѣ декабря 1914 г. въ Петроградѣ учреждено общество, носящее нѣсколько неопредѣленное, но въ то же время знаменательное наименование: „Общество 1914 года“. Возникновеніе этого общества является своего рода знаменіемъ времени, такъ какъ оно несомнѣнно родилось на почвѣ настроеній и переживаній, вызванныхъ въ русскомъ обществѣ нынѣшней войною и обстановкой, въ которой эта война протекаетъ.

Минувшій 1914 годъ, годъ начала войны, по справедливости можетъ быть названъ годомъ перелома въ жизни и исторіи нашей родины. И этотъ

переломъ тѣмъ значительнѣе, что онъ совершился и еще будетъ совершаться не во внѣшнихъ формахъ быта, а въ глубинахъ народнаго духа, народныхъ настроеній. Послѣдніе полтора вѣка жизнь русскаго государства протекала подъ знакомъ если не тѣсной дружбы, то во всякомъ случаѣ добрососѣдскихъ отношеній съ государствами германскаго союза, и эти отношенія мало измѣнили свой характеръ и послѣ того, какъ эти государства слились въ единую германскую имперію съ явнымъ преобладаніемъ въ ней прусскаго королевства. Убаюканные мирнымъ теченіемъ этихъ добрососѣдскихъ отношеній, мы проглядѣли совершившуюся въ государствахъ германскаго союза перемѣну, развившуюся въ возрастаніи въ жизни Германіи агрессивно-воинствующаго настроенія, лозунгъ котораго былъ данъ изъ Берлина и которое настойчиво имъ же въ теченіе сорока слишкомъ лѣтъ насаждалось и культивировалось, подавляя собою всѣ другія стороны германской народной жизни.

Внезапно разразившаяся война, и въ особенности событія, сопутствовавшія ея началу, въ видѣ неслыханныхъ издѣвательствъ, оскорбленій и мученій, которымъ подверглись въ Германіи русскіе туристы, а также варварскіе приемы борьбы, къ которымъ прибѣгли наши противники,—разсѣяли былыя иллюзіи и навыки. Война разорвала тѣ нити многоразличныхъ отношеній, которыя соединяли насъ съ Германіей, и это не тотъ временный разрывъ, который образуется между воюющими государствами, а нѣчто болѣе сильное, болѣе повелительное. Это разрывъ, обнаружившій глубокую бездну между двумя міросозерцаніями, разрывъ двухъ взаимно отвергающихъ другъ друга народныхъ душъ, двухъ противоположныхъ міровъ

—германскаго и русско-славянскаго. Этотъ разрывъ совершился не только лишь въ области дипломатическихъ отношеній, а на почвѣ народной психики, и потому послѣдствія его должны быть глубже и рѣшительнѣе, чѣмъ это обыкновенно бываетъ при военныхъ столкновеніяхъ.

Но полтора столѣтія существовавшихъ у насъ съ Германіей отношеній не прошли для насъ безслѣдно. Они выразились въ формѣ различныхъ германскихъ вліяній, наложившихъ свой особый отпечатокъ на нашъ бытъ въ различныхъ сферахъ нашей общественной и государственной жизни, въ различныхъ областяхъ—административной, научной, технической и промышленной. И эти вліянія вливались въ русскую жизнь тѣмъ легче и незамѣтнѣе, что для нихъ существовалъ готовый каналъ въ видѣ присоединенныхъ къ Россіи силою оружія прибалтійскихъ губерній, съ ихъ интеллектуально-развитыми и вліятельными помѣстно-землевладѣльческими, съ ихъ технически образованными торгово-промышленными классами нѣмецкаго населенія, причемъ передаточная роль послѣднихъ могла совершаться и чисто механическимъ образомъ, безъ какихъ либо умышленно-агрессивныхъ цѣлей, а въ силу общности ихъ языка и происхожденія съ заграничными нѣмцами и общности однихъ и тѣхъ-же навыковъ нѣмецкой культуры. Но какимъ бы путемъ не проникали въ русскую жизнь эти нѣмецкія вліянія, они оказывались достаточно крѣпкими и устойчивыми, и проявленіе ихъ временами сказывалось настолько сильно, что оно чувствовалось наиболѣе независимыми умственно и національно настроенными русскими людьми, и это чувство уже давно нашло выраженіе въ извѣстномъ изрѣченіи Грибоѣдова о нашей привычкѣ

вѣрить, что „намъ безъ нѣмцевъ нѣтъ спасенья“, и въ столь же извѣстномъ анекдотѣ о Ермоловѣ, просившемся въ нѣмцы.

„Общество 1914 года“ ставитъ своей задачей содѣйствовать освобожденію Россіи отъ указанныхъ нѣмецкихъ вліяній путемъ развитія производительныхъ и творческихъ силъ ея въ сферѣ духовной и общественной жизни. Задача серьезная и вполне отвѣчающая важности переживаемаго нами момента. Она должна вызывать сочувствіе во всѣхъ общественныхъ группахъ, которымъ дорого національно-самобытное развитіе Россіи и укрѣпленіе національнаго творчества во всѣхъ областяхъ русской жизни. Но это задача, требующая долгаго и упорнаго труда, требующая пробужденія всѣхъ народныхъ силъ, сплоченія всѣхъ организацій и учреждений—общественныхъ и административныхъ. И поскольку въ программѣ „Общества 1914 года“ говорится „о мирной народной борьбѣ съ нѣмецкимъ вліяніемъ и съ нѣмецкой торговлей и промышленностью“, этой программѣ можно только сочувствовать. Но, призывая русское общество къ напряженной работѣ для пробужденія и использования самобытныхъ національныхъ русскихъ силъ, какъ необходимаго условія для освобожденія отъ нѣмецкихъ вліяній, дѣятельность „Общества 1914 года“, для того, чтобы быть плодотворной, должна быть далека отъ газетной шумихи, отъ громкихъ фразъ и выкриковъ, за которыми сплошь и рядомъ скрывается отсутствіе всякаго содержанія и твердой, устойчивой почвы“.

Въ томъ же номерѣ названной газеты находимъ письмо въ редакцію предсѣдателя этого о-ва, князя В. П. Кочубея, излагающее основныя задачи „Общества 1914 года“:

„5 декабря 1914 года утвержденъ министромъ внутреннихъ дѣлъ уставъ новаго, въ Петроградѣ, общества подъ наименованіемъ „Общество 1914 года“. Цѣль и задачи общества опредѣляются § 1 его устава: „Общество имѣетъ своею цѣлью содѣйствіе самостоятельному развитію производительныхъ и творческихъ силъ Россіи, ея познанію и просвѣщенію и освобожденію русской духовной и общественной жизни, промышленности и торговли отъ нѣмецкаго засилья.

Несомнѣнно, что центръ тяжести лежитъ въ послѣднихъ трехъ словахъ этого параграфа. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть современнѣе и популярнѣе этой задачи? Въ то время, когда народы Россіи безъ различія племени и вѣроисповѣданія борются съ оружіемъ въ рукахъ съ нѣмецкимъ врагомъ за могущество и достоинство Россійской державы, не время ли тѣмъ, кто не можетъ защищать родину въ рядахъ ея доблестныхъ войскъ, поднять борьбу съ вѣковымъ врагомъ, засиліемъ нѣмца въ Россіи? Не даромъ, не смотря на отсутствіе рекламы, въ мѣсячный срокъ число членовъ „Общества 1914 года“ достигло почти 500 человекъ обоого пола, принадлежащихъ къ разнообразнымъ слоямъ населенія отъ простого чернорабочаго до царедворца включительно.

Петроградъ рѣдко видѣлъ такое многолюдное собраніе, какъ первое общее собраніе „Общества 1914 года“. Большая зала Петровскаго коммерческаго училища, въ день собранія 17 января 1915 года, еле могла включить всѣхъ желающихъ и это несмотря на строжайшій контроль при входѣ. Присутствовало болѣе 200 человекъ дѣйствительныхъ членовъ общества, въ выборахъ же участвовало 190.

На этомъ собраніи общества былъ выбранъ составъ совѣта общества и предсѣдателемъ совѣта Василій Петровичъ Кочубей. Въ составъ совѣта вошли: выдающіеся представители публицистики, какъ напр.: Борисъ Суворинъ, генераль Алексѣевъ (Брутъ) и издатель „Свѣта“ Баженовъ, крупные коммерсанты—какъ Елисѣевъ, Полежаевъ и др., представители адвокатуры—В. М. Добровольскій (бывшій предсѣдателемъ организаціоннаго комитета общества), администраціи и науки—какъ то: Карцовъ (главное управленіе удѣловъ), Батюшковъ (Императорскій сельско-хозяйственный музей), Вальцевъ (состоящій при Особѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича), Косяковъ (профессоръ и директоръ института гражданскихъ инженеровъ), Иславинъ (министерство иностранныхъ дѣлъ) и многіе другіе.

Общество выдѣлило изъ своей среды 14 секцій или отдѣловъ, какъ-то: педагогическій, научный, промышленный, экспортной и импортной торговли, торговаго мореплаванія, техническій, сельско-хозяйственный и пр. и пр., и три вспомогательныхъ учрежденія: освѣдомительное бюро, газетныхъ вырѣзокъ и издательскій комитетъ. По уставу, общество имѣетъ право открывать свои отдѣленія по всей Россіи. Кіевъ, какъ центръ Юго-Западнаго края, до нѣкоторой степени пострадавшаго отъ австро-нѣмецкаго вторженія, а въ особенности отъ медленнаго, длительного и систематическаго засилья нѣмцевъ и нѣмецкихъ фирмъ, по праву долженъ быть однимъ изъ первыхъ русскихъ городовъ, гдѣ возникнетъ дѣятельная ячейка мирной народной борьбы съ нѣмецкимъ вліяніемъ и съ нѣмецкой торговлей и промышленностью. Избавиться отъ нѣмецкой зависимости—вотъ задача

каждаго истинно-русскаго гражданина, сдѣлать свое русское—не хуже нѣмецкаго и пробудить инициативу для созданія новой промышленной отрасли или улучшенія и расширенія существующей и, во всякомъ случаѣ, связать свои духовные и матеріальные интересы не съ нѣмецкими „культурными“ варварами, а съ истинно-культурными народами, борющимися за свое право и свободу бокъ-о-бокъ съ нашими чудо-богатырями,—вотъ въ чемъ задача. Бойкотъ нѣмцамъ и всему современному нѣмецкому—вотъ девизъ нашего общества.

Въ него вступайте всѣ, кому дорога наша самостоятельность и независимость отъ нѣмецкаго вѣкового культурнаго, промышленнаго и торговаго ига, всѣ, кому близко, чтобы русскія земли обрабатывались своими родными коренными сынами общей россійской отчизны, а не пришельцами, представителями германизма съ его двоеподданствомъ; идите къ намъ и всѣ тѣ, которымъ наскучило, чтобы нѣмецкое имя считалось лучшей аттестаціей человѣка, чтобы нѣмецкое названіе горделиво украшало якобы русское предпріятіе, чтобы русскіе, по названію, торгово-промышленные дома на дѣлѣ были бы въ рукахъ тевтонскихъ выходцевъ съ яко-бы русскими правленіями въ Россіи, но въ дѣйствительности управлялись-бы изъ Берлина или Вѣны.

Мы не сторонимся тѣхъ русскихъ людей, хотя и нѣмецкаго происхожденія, которые обрусѣли и уже поколѣніями сроднились со своей новой матерью—великой Россіей, но беремъ ихъ съ разборомъ. Нѣмецъ и нѣмецкое до того опротивѣли русскому человѣку, что не посѣтуютъ на это русскіе люди дальняго нѣмецкаго происхожденія, часто не менѣе русскіе въ душѣ, чѣмъ многіе не съ нѣмецкими именами.

Общество принимает въ свои члены всѣхъ давнихъ русскихъ подданныхъ безъ различія сословія, племени и религіи, за исключеніемъ лицъ нѣмецкаго происхожденія не православнаго вѣроисповѣданія. Всѣмъ сочувствующимъ задачамъ „Общества 1914 года“ и желающимъ вступить въ число его членовъ (членскій взносъ отъ 1 рубля въ годъ) предлагается обращаться въ правленіе общества: Петроградъ, Николаевская, 26“.

И результаты всѣхъ этихъ мирныхъ способовъ борьбы должны быть одни: выключеніе нѣмцевъ за скобки цивилизованнаго міра. Правъ Е. П., когда говоритъ („Кіевлянинъ“ № 12 за т. г.), что „не чувства страха и растерянности возбудили германскія злодѣйства, а единственно лишь ненависти и презрѣнія къ подлому врагу, твердой рѣшимости освободить цивилизованныя націи отъ методовъ германской культуры. Она воскресила времена, когда дикія орды варваровъ наводняли Европу; она запятнала германскія знамена низкимъ предательствомъ и кровожадной жестокостью. Безконечная вереница преступленій ляжетъ на германскій народъ новымъ пятномъ несмываемаго позора, составитъ краснорѣчивый обвинительный актъ, требующій воздаянія.*) *Наступитъ день, когда счетъ будетъ представленъ къ уплатѣ, и тогда германской культурѣ волей-неволей придется дать отвѣтъ въ своихъ уродливыхъ проявленіяхъ“.*

Настанетъ часъ расплаты и этотъ часъ недалекъ. „Тогда мы представимъ, какъ говоритъ А. Ежовъ („Кіевл.“, № 6), этотъ длинный счетъ, и за этотъ счетъ Германіи придется расплатиться такъ, заплатить—столько, сколько никогда не пришлось бы ей платить, если бы надо было разсчитываться только за одну войну, а

*) Курсивъ автора книги.

не за способъ веденія войны. Съ благороднымъ, порядочнымъ противникомъ (какимъ, напримѣръ, была Японія) возможны бы были разговоры. Съ дикимъ разбойникомъ разговоровъ быть не можетъ. Для него не слова, а кандалы, цѣпи, заключеніе и *выключеніе* изъ общества людей. Новая репутація народа—выродка успѣла уже установиться прочно. Отъ прежней не осталось ничего, кромѣ горькаго, разъѣдающаго чувства разочарованія, этого одного изъ наиболѣе тяжелыхъ и угнетающихъ человѣческую душу ощущеній“.

Отреченіе и полное отреченіе отъ міра тевтонскихъ висѣльниковъ—вотъ призывомъ къ чему мнѣ бы хотѣлось заключить мою книгу, книгу скорби русскаго журналиста. Призывъ къ этому отреченію севастопольскій поэтъ Н. Дьяковъ [въ 666-мъ №-рѣ „Южнаго Слова“, отъ 13 сентября 1914 г.] вылилъ въ чудесные стихи, повтореніемъ которыхъ я и поправляюсь съ читателемъ:

Родина Шиллера, родина Гёте
Тонетъ духовно въ зловонномъ болотѣ;
Честь для нея пустяки,
Добрыхъ обычаевъ нѣтъ и въ поминѣ...
Честные люди, тевтонамъ отнынѣ
Не подавайте руки!..

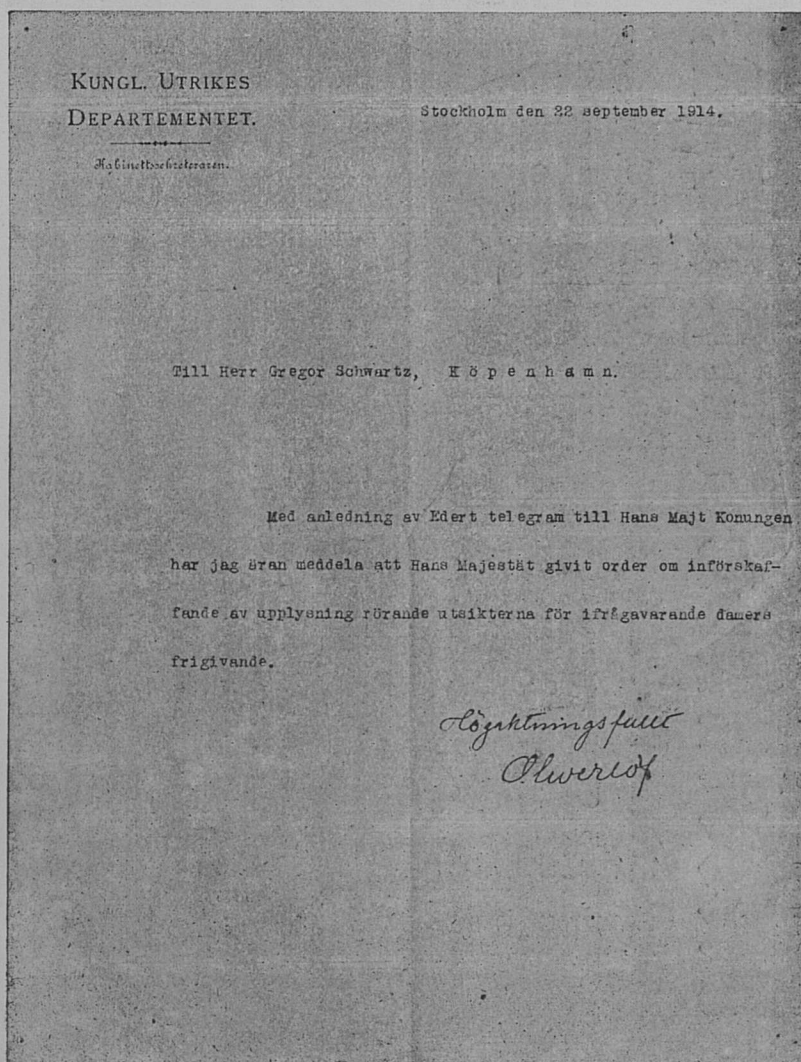
Смолкнули звуки чарующей лиры,
Свергнуты въ грязь съ пьедесталовъ кумиры,
Или разбиты въ куски;
Осквернены родовыя святыни...
Честные люди, тевтонамъ отнынѣ
Не подавайте руки!..

Это бандиты, и хищники вмѣстѣ;
Это не славные рыцари чести,
А торгоши кулаки,
Всѣ одержимые духомъ гордыни...
Честные люди, тевтонамъ отнынѣ
Не подавайте руки!..

Это корыстные, подлая души;
Все бѣ захватили на морѣ на сушѣ
Эти дѣльцы—пауки,—
Миръ бы запутался въ ихъ паутинѣ...
Честные люди, тевтонамъ отнынѣ
Не подавайте руки!..

Это не воины, это убійцы,
Это насильники и кровопійцы...
Вотъ кто теперь пруссаки,
Вотъ кто тевтоны!.. по этой причинѣ,
Русскій народъ, поклянися отнынѣ
Не подавать имъ руки!..

Если жъ случайно при встрѣчѣ съ тевтономъ,
Ты на поклонъ вдругъ отвѣтишь поклономъ—
Руку себѣ отсѣки;
Трижды отплюнься отъ недруга злого,
Дай себѣ честное русское слово
Не подавать имъ руки!..

Факсимиле 1-го письма кабинетъ-секретаря Его Величества Короля Швеции Густава V-го автору этой книги Григорию Шварцу.

(Снимокъ въ $\frac{1}{4}$ натур. величины).

Революция в Одессе.

Бомбардement durch ein russisches Kriegsschiff.

Васареф, 27. August, (Privattelegramm des „Neuen Wiener Journal“.) Nach einer Mitteilung an die hiesige russische Volkspartei bombardiert der russische Panzerkreuzer „Pantaleimon“ die Stadt Odessa, wo es den Revolutionären gelungen ist, die Herrschaft an sich zu reißen. Die ganze Woche hindurch andauernden blutigen Kämpfe endeten mit dem völligen Siege der Revolution. Die Entsehung führten die Truppen selbst herbei, die nach Niederwerfung der Offiziere sich der Revolution angeschlossen. Der Polizeimeister sowie der Gendarmeriechef und die Präfekt (Polizeikommissar) wurden bei dem Sturm auf das Gefängnis getötet. In allem öffentlichen Gebäuden, die tot besetzt sind, arbeiten revolutionäre Kommandos. Das Bombardement richtet sich hauptsächlich gegen die Gebäude und gegen die Kasernen, wo sich die revolutionären Truppen aufhalten. Näheres Detail über das Bombardement fehlen.

НѢМЕЦКАЯ ПРАВДА.

Факсимиле телеграммы „от собственного корреспондента“, помѣщенной въ 7485-мъ №-рѣ „внѣпартийной“ вѣнской газеты „Neues Wiener Journal“, отъ 15/28 августа 1914 г., воспроизведенное впервые въ 9452-мъ №-рѣ „Одесскихъ Новостей“, отъ 25 августа 1914 г.

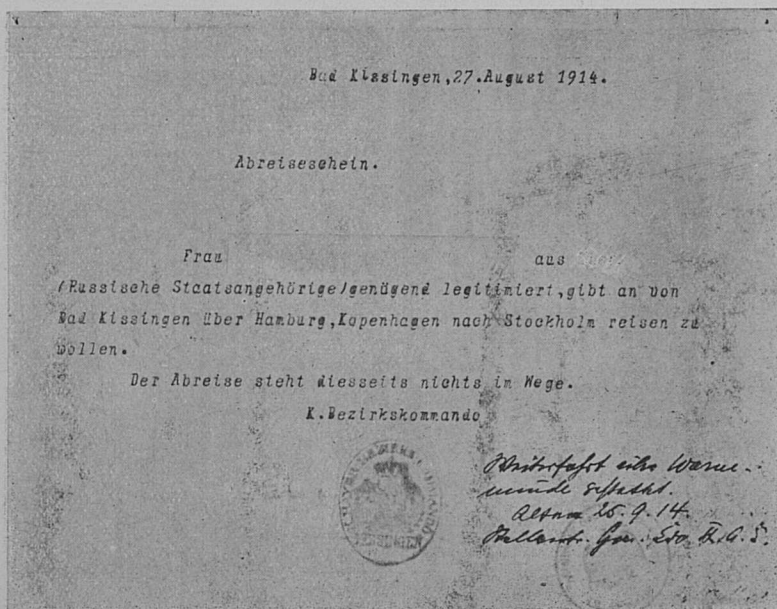
Вотъ точный переводъ этой „сенсаци“:

„Революція въ Одессѣ“.

Бомбардировка города русскимъ военнымъ судномъ.

Бухарестъ, 27 августа. (Отъ собственного корреспондента.) Согласно полученнымъ здѣшнимъ русскимъ посольствомъ сообщеніямъ русский броненосецъ „Пантелеймонъ“ бомбардируетъ Одессу, гдѣ революціонерамъ удалось захватить въ свои руки власть. Происходившія въ течение цѣлой недѣли кровавыя уличныя схватки, закончились полнѣйшей побѣдой революціи. Конечный результатъ былъ достигнутъ самими войсками, которыя, перебивъ офицеровъ, присоединились къ революціи.

Полицеймейстеръ, равно какъ и шефъ жандармовъ и пристава, были убиты во время штурма тюрьмы. Во всѣхъ общественныхъ зданіяхъ, на которыхъ развѣваются красные флаги, засѣдаютъ революціонные комитеты. Бомбардировка направлена преимущественно противъ зданій и казармъ, въ которыхъ находятся революціонныя войска. Дальнѣйшихъ подробностей бомбардировки пока нѣтъ.

Факсимиле разрѣшенія на выѣздъ изъ Германіи, выданнаго г-жѣ Б. баварскими властями и утвержденнаго прусскими.

(Снимокъ въ $\frac{1}{4}$ натур. величины).

ПЕРЕВОДЪ ТЕКСТА:

Курортъ Киссингенъ, 27 августа 1914 г. Свидѣтельство на выѣздъ.

Г-жа Б., изъ такого то города, (русская подданная), личность которой достаточно удостовѣрена, заявляетъ о своемъ желаніи ѣхать изъ Курорта Киссингена черезъ Гамбургъ, Копенгагенъ въ Стокгольмъ.

Къ отъѣзду съ нашей стороны препятствій не встрѣчается.

Королевское Бециркскомандо.

(Печать Королевскаго Бециркскомандо въ Киссингенѣ).

Дальнѣйшій проѣздъ черезъ Варнемюнде разрѣшенъ. Альтона 25. 9. 14.

Исполняющее обязанности Генералькомандо IX Армейскаго Корпуса.

(Печать исполняющаго обязанности Генералькомандо IX Армейскаго Корпуса).

KUNGL. UTRIKES
DEPARTEMENTET.

Kabinettssekreteraren.

Stockholm den 26 september 1914

Herr Gregor Schwartz, Köpenhamn.

Med åberopande av min skrivelse den 22 september 1904 har jag, enligt från svenska legationen i Berlin ingången underrättelse, äran meddela, att det med säkerhet kan antagas, att ifrågakvarande ryska damer numera frigivits. Skulle ej så vara fallet, torde för vidare undersökning uppgift lämnas å deras namn och öfvensom å det hotells namn, vari de bo.

Högaktningsfullt

Olverlöf

Факсимиле 2-го письма кабинетъ-секретаря Его Величества Короля Швеции Густава V-го автору этой книги Григорию Шварцу.

(Снимокъ въ $\frac{1}{4}$ натур. величины).

Вмѣсто послѣсловія.

Миръ будетъ заключенъ въ Берлинѣ,
Когда, Вильгельма взявъ въ полонъ,
Покажемъ дерзкой образинъ,
Какъ русскій мечъ еще силенъ!

Мы не разрушимъ ихъ соборовъ,
И не ограбимъ ихъ палатъ,
Чтобъ не легло пятно позора
На нашихъ доблестныхъ солдатъ.

Мы горожанъ не разстрѣляемъ,
Не изнасилуемъ ихъ женъ,—
Мы—„дикари“—все-жъ уважаемъ
Чужіе право и законъ.

Лишь „Николаевскимъ проспектомъ“
„Унтеръ денъ Линденъ“ назовемъ,
И по нему, съ большимъ решпектомъ,
Вильгельма въ клетку повеземъ.

Тогда пойметъ безмозглыхъ стая,
Что создалъ самъ для нихъ конецъ,
Войну безсмысленно рѣшая,
Полу-дуракъ, полу-подлецъ,

*Полу-актеръ, полу-вояка,
Гранатъ и ядеръ паладинъ,
Смѣшной крыловскій забіяка
Пль, по просту сказать, кретинъ.*

*По образцамъ великимъ нытикъ,
Въ ботфортахъ Фридриха пигмей,
Плохой король, дурной политикъ,
Мерзавецъ до мозга костей.*

*Пора давно его и сына
Отправить въ сумасшедшій домъ.—
Допрежъ по улицамъ Берлина
Обоихъ въ клеткахъ повеземъ!*

*И заключивши миръ въ Берлинъ,
И раздавивъ враговъ войска,
Покажемъ дерзкой мы скотинѣ
Всю силу русскаго штыка.*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Отрывокъ изъ этой книги [конецъ VII-й главы] былъ напечатанъ, подъ названіемъ „На волосокъ отъ разстрѣла“, въ альманахѣ „Отзвуки войны“ [стр. 138—141], изданномъ П. С. Носенко, подъ редакціей Юрія Зубовскаго, въ Кіевѣ въ 1914 г.

Отрывки изъ книги были читаны авторомъ на Лит.-Муз. Вечерѣ, устроенномъ Кіев. О-вомъ Содѣйствія Начальному Образованію, 21. XI. 14., въ пользу „Лазарета группы Кіевлянъ“.

К о н е ц ъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Эпиграфы	3—4
Посвященіе	5
Вмѣсто предисловія	7—8
Глава I. <i>Прелюдіи цивилизованнаго варварства.</i>	
(Сараевское убійство. Объявленіе войны Сербіи. Парикмахеръ—политикъ. Паденіе курса. Настроеніе нѣмцевъ. Почтовые ограниченія. Во Фридбергѣ. Бѣгство изъ Наугейма. Послѣдняя ночь. Отъѣздъ) . .	9—17
Глава II. <i>Мобилизаціонныя прелести.</i>	
(Прусскій офицеръ. На вокзалѣ во Франкфуртѣ. Австрійскіе запасные. Попыки провокаціи. 42 шпіона. Роковая шляпа. Пріѣздъ въ Киссингенъ. Исторія Леполадскаго. Эпизодъ съ Гавенда. Обхожденіе съ русскими)	18—24
Глава III. <i>Курортныя мытарства.</i>	
(Русскіе въ Киссингенѣ. Почтовые и телеграфные переводы. Выплата по аккредитиву въ банкѣ. Размѣнъ русскихъ денегъ. Отношеніе хозяевъ гостинницъ. Залогъ вещей. Куртаксы. Германскія нетактичность и провокація. Засѣданіе рейхстага. Шпіонофобія. Шпіонъ въ трамваѣ. Шпіонъ съ военнымъ орденомъ. Шпіонъ въ Швейнфуртѣ. Докторъ и туземцы. Слухи растутъ).	25—32

Глава IV. *Русская стина широка.*

(Вздорные слухи. Національные значки. Полицейская заявка. Стоянка въ очереди. Исторія г-жи Ассъ. Выдача военными властями легитимаціонной бумаги для полученія корреспонденціи. Цензура писемъ. Издѣвательство на почтѣ. Вопросъ о границахъ. Куда выѣхать?).

33—40

Глава V. *Драма русской актрисы.*

(Положеніе въ Ахенѣ. Запросъ въ гостиницу. Запросъ въ полицію. Внезапный арестъ. Переводъ въ тюрьму. Адвокатъ—подлецъ. Баварскій прокуроръ. Арестъ въ порядкѣ охраны. Совѣтъ Погорѣльскаго—обращеніе къ министру юстиціи. Обращеніе къ испанскому консулу. Передача дѣла въ военный судъ)

41—48

Глава VI. *Рискнемъ на авось.*

(Тягостное состояніе неизвѣстности. Желѣзное кольцо. 25 верстъ по песку. Графъ А. Н. Тышкевичъ. Нападеніе на русскихъ. Едва не разстрѣлъ за папиросу. Начало выдачи пропусковъ. Медицинскія освидѣтельствующія. Условныя негодности. Инженеръ Широковъ. Эпизодъ съ кіевляниномъ. Полученіе проходныхъ свидѣтельствъ. Послѣднія мѣры ко спасенію г-жи Б. Выѣздъ изъ Киссингена)

49—56

Глава VII. *Рискнули подъ дула винтовокъ.*

(Наши спутники. Г-нъ Кухенбродъ. Эйзенмахъ. Рвать языки! Ландштурмъ. Вагонная литература. Ревизія въ Бебрѣ и свирѣпый майоръ. Ганноверъ. Гарбургъ. Приѣздъ въ Гамбургъ. Арестъ на вокзалѣ. Ретивый лейтенантъ. Унизительный обыскъ. На волосокъ отъ разстрѣла)

57—66

Глава VIII. *Гамбургское сидѣніе.*

(Пиръ во время чумы. Ночной приходъ лейтенанта. Неожиданная задержка. Подозрительная прислуга. Издѣвательство

хозяина. Охота за сенаторомъ. Испанскій консулъ. Гамбуржецъ и городской голова. Прорвавшіеся счастливы. Приключенія партіи Каплуна. Насъ обокрали. Русскія дамы изъ Магдебурга. Безъ просвѣта. Злой сонъ). 67—74

Глава IX. *Издѣвательство продолжается.*

(Еще попытки спасти г-жу Б. Спрятанные документы. Нѣмецкая нетактичность. На поруки. Вымогательство Кухенброда. Опять у испанскаго консула—и напрасно. Время-препровожденіе. Литературныя работы. Человѣкъ приспособляется. 99 и 1. Новые бѣженцы. Роковой Ганноверъ. Исторія доктора Валлерштейна. Группа съ раввиномъ. Ночной телефонъ. Извѣстія о нашей побѣдѣ. Безсильный испанецъ. Таинственный баронъ. Право на смерть). 75—83

Глава X. *Девятый валъ.*

(Разрѣшеніе прогулокъ. Посѣщеніе звѣринца. Обезьяна—патріотъ. Посѣщеніе гавани. Осмотръ военнаго крейсера съ рискомъ разстрѣла. Адвокатъ Бинтцъ. Опять запрещеніе прогулокъ. Въ Генералькомандо. Эпизодъ съ раввиномъ. Полученіе разрѣшенія на выѣздъ. Страхъ за мосты. Порученіе Бинтцу дѣла г-жи Б. Последнее колебаніе Поѣздомъ до Любека. Словоохотливый Шерлокъ Холмсъ. Страшная перспектива. Подслушанный телефонный разговоръ. Последній барьеръ). 84—92

Глава IX. *Освобожденіе.*

(У разбитаго корыта. Мы—носильщики. Последній обыскъ. Прощальныя шиканы. Пароходъ „Орель“. Двойная такса. Ночь на морѣ. Среди минъ. Прибытіе въ Копенгагенъ. Последняя задержка. Счастливый день. Приемъ у барона Буксгевдена. Слѣды г-жи Б. Визитъ капитана „Орла“. Благодарственный молебенъ. Отъѣздъ спутниковъ). 93—100

Глава XII. *Въ Копенгагенъ.*

(Ненависть датчанъ къ нѣмцамъ. Г-жа Б. въ Гамбургѣ. Приключенія фабриканта Гольдштейна. Исторія Данцигера. Исторія Гиршберга. Приключеніе съ русскимъ консуломъ. Неопредѣленность положенія. Русско-германское соглашеніе о пропускѣ иностранныхъ подданныхъ. Германскій шпионажъ. „Государственная необходимость“. Контроль надъ королевой. Шиканы продолжаются) 101—111

Глава XIII. *За помощьюъ къ тронамъ.*

(Мой пріятель Гринбергъ. Обращеніе къ Президенту Соединенныхъ Штатовъ Вильсону. Обращеніе въ „Гаагскую Конвенцію“ и отвѣтъ Голландскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Къ стопамъ папы Бенедикта XV-го. Протестъ въ редакціи 25-ти газетъ) : 112—122

Глава XIV. *Послѣднія попытки.*

(„Завтраки“ Бинтца. Разоблаченіе таинственнаго барона. Помощь барона Буксгевдена. Вымогательство Бинтца. Процессъ генерала Мартоса и моя попытка проникнуть въ пещеру льва. Обращеніе къ испанскому королю. Обращеніе къ шведскому королю. Телеграмма покойнику. Привѣтствіе Юаншикаю. Рецептъ обращенія къ оберъ-евнуху турецкаго султана). 123—135

Глава XV. *Американскій трюкъ.*

(Его величество—Случай. Знакомство съ американкой. Веселый день. Эксцентричное предложеніе. Отъѣздъ Гарриэтъ Болтонъ-Рейдъ. Отвѣтъ отъ шведскаго короля. Удача американскаго трюка. Пріѣздъ плѣнницы и ея освободительницы) . . . 136—146

Глава XVI. *Разсказъ плѣнницы.*

(Положеніе въ Ахенѣ. Арестъ. Переводъ въ тюрьму. Ужасный режимъ. Лишеніе воздуха. Запрещеніе ходить по камерѣ.

Директоръ тюрьмы. Провокація. Пасторъ. Русскій генераль—переводчикъ. У врача. Освобожденіе. Отправка въ Киссингенъ. Въ Киссингенъ. Переѣздъ въ Гамбургъ. Бинтцъ. Пріѣздъ американки. Помощь сыщика. Освобожденіе).	147—165
---	---------

Глава XVII. *Возвращеніе на родину.*

(Счетъ Бинтца. Отповѣдь американки. Старья письма. Второе письмо отъ швед- скаго короля. Интересъ копенгагенскихъ журналистовъ. Нѣмцы обманываютъ швед- скаго короля. Кража багажа. Отъѣздъ. Мальмэ. Стокгольмъ. Лулеа. Самлисъ. Апа- ранта. Русская граница. Ночь въ Торнео. Возвращеніе черезъ Финляндію. Прибы- тіе въ Петроградъ).	166—177
--	---------

Глава XVIII. *Изъ чужихъ воспоминаній.*

(Разоблаченія будущаго. Злоключенія се- натора Г—ра. „Хожденіе по мукамъ“ М. М. Глѣбовой и М. А. Злачевской. Приклю- ченія піанистки М. К. Приключенія О. В. Гзовской. Исторія доктора С. С. Жихаре- ва. Исторія графолога И. Ф. Моргенстіерна. Приключенія француза V. H.)	178—203
---	---------

Глава XIX. *Германская аражчеевщина.*

(Приключенія студента М. Рейномена. Статья г. Энзиса о Дёберицѣ)	204—224
---	---------

Глава XX. *Заключеніе.*

(Результаты пережитого. Фельетонъ Баяна „Адъ“. Мѣры борьбы съ нѣмецкимъ за- сильемъ. „Ирано“. Знаменіе времени. „Об- щество 1914 г.“ Выключеніе нѣмцевъ за скобки культуры. Стихотвореніе Н. Дья- кова)	225—240
--	---------

Приложеніе:	241—244
-----------------------	---------

Факсимиле 1-го письма кабинетъ-секрета-
ря Его Величества Короля Швеціи Густа-
ра V-го автору этой книги.

(Къ главѣ XV, стр. 144).

Нѣмецкая правда. Факсимиле телеграммы „отъ собственнаго корреспондента“, помѣщенной въ 7485-мъ №-рѣ „внѣпартійной“ вѣнской газеты „Neues Wiener Journal“ отъ 15/28 августа 1914 г.

(Къ главѣ XVI, стр. 154).

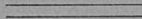
Факсимиле разрѣшенія на выѣздъ изъ Германіи, выданнаго г-жѣ Б. баварскими властями и утвержденнаго прусскими.

(Къ главѣ XVI, стр. 160).

Факсимиле 2-го письма кабинетъ-секретаря Его Величества Короля Швеціи Густава V-го автору этой книги.

(Къ главѣ XVII, стр. 169).

Вмѣсто послѣсловія	245—246
Библиографическая замѣтка	246
Оглавленіе	247—252
Другіе труды автора книги.	253—254
Объявленія	255—257
Номенклатура книги	258

Другіе труды Г. В. Шварца:

Сонъ опернаго антрепрера, памфлетъ. Кіевъ. 1905 г.

Сказка о докторъ Выжималко и др., памфлетъ. Кіевъ. 1906 г.

Итоги, переводъ одноактной комедіи Л. Фульда. Кіевъ. 1906 г.

То же, 2-й оттискъ, безпл. прил. къ журн. „Кіевскій Театраль“ за 1907 г.

Дама съ камеліями, драма въ 5 д. А. Дюма-сына. Русскій переводъ (совмѣстно съ Г. Я. Адельгеймомъ) со вступительной статьей Г. В. Шварца. Кіевъ. 1910 г.

Марино Фальери. Новелла. Кіевъ. 1911 г.

Распродано.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Безъ идеаловъ, пьеса.

Н. Н. Евреиновъ, монографія.

Русалочка, переводная новелла.

Опущенный занавѣсъ, сборникъ стихотвореній.

Навожденіе, пьеса.

Вокругъ женщины, сборникъ новеллъ.

Книги, изданныя подъ редакціей и съ предисловіемъ
Г. В. Шварца.

І. Зонэ. *Записки маленькаго чловѣка*. (На нивѣ народной). Кн-во „Гонгъ“. Кіевъ. 1910 г.

Антонъ Сорокинъ. *Золото*. Стилизованная монодрама—примитивъ въ 3 д. Со вступительной статьей о монодрамѣ Григорія Шварца. Изданіе газеты „Южная Копѣйка“. Кіевъ. 1911 г.

Книгоиздательское Товарищество „ПРОСВѢЩЕНИЕ“.

Петроградъ, Забалканскій проспектъ, соб. д. № 75.

„Всемирная Библиотека“

собрания сочинений извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей въ области изящной литературы.

Собрание сочинений
С. Т. АКСаКОВА.

Критически провѣренный текстъ біографія, вступит. статьи, примѣчанія, художественныя приложенія.

Ред. А. Г. Горнфельда.
6 томъ. 6 руб., въ изящныхъ перепл. 9 руб.

Собрание сочинений
А. В. Амфитеатрова.
Съ портретомъ автора.
25 томъ. по 1 руб. 50 коп., въ изящн. коленк. пер. 50 руб.

Собрание сочинений
Н. Н. Златовратскаго
8 томовъ по 1 р. 50 коп., въ изящн. перепл. 16 руб.

Собрание сочинений
С. А. Ан—СКАГО.
5 томовъ по 1 руб. 25 коп., въ изящн. перепл. 8 р. 75 к.

Полн. собр. стихотв. и писемъ

А. В. КОЛЬЦОВА.
Критически провѣренный текстъ, біографія, вступит. статья примѣчанія, художественныя прилож. Подъ ред. Арс. Ив. Введенскаго.
1 томъ. Цѣна 1 р., въ изящн. перепл. 1 р. 50 к.

Собрание сочинений
Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО
Многочисленные портреты автора, его автографъ, художественныя приложенія.
21 т. Цѣна 28р., въ изящн. коленк. пер. 38 руб. 50 к.

Собрание сочинений
Н. А. ДОБРЮБОВА
Редакція, вступит. статьи, біографическій очеркъ и примѣч. В. П. Кранихфельда.
8 томовъ по 1 р., въ изящн. перепл. 12 руб.

Собрание сочинений
Д. Я. АЙЗМАНА.

Съ портретомъ автора.
5 томовъ по 1 р. 25 к. въ изящн. перепл. 8 руб. 75 к.

Собрание сочинений и писемъ
Н. В. ГОГОЛЯ.

Критич. провѣрен. текстъ біографія, вступит. статьи, примѣчанія, съ 30 худож. приложеніями.

Подъ редакц. В. В. Каллаша.
9 томовъ. по 1 руб. въ изящн. перепл. 13 руб. 50 коп.

Собрание сочинений
Л. Н. АНДРЕЕВА.
Съ портретомъ автора и вступ. статей проф. М. А. Рейснера.
13 томъ. по 1 руб. 25 коп., въ изящн. кол. пер. 22 р. 75 к.

Полное собрание сочинений

А. Н. ОСТРОВСКАГО.

Критически проверенный текстъ, біографія, примѣч. и пр. подъ ред. М. И. Писарева съ біографическ. очеркомъ П. И. Вейнберга и ст. С. В. Максимова: „А. Н. Островскій по моимъ воспоминаніямъ“.

12 томовъ по 1 руб. 60 к., въ изящныхъ коленкоровыхъ перепл. 25 руб 20 к.

Полное собрание сочинений

Н. Г. Помяловскаго.

Съ портретомъ гравиров. проф. В. В. Матѣ, и біографіей, составленной Н. А. Благовѣщенскимъ. 2 тома по 1 руб. 50 коп., въ изящныхъ перепл. 4 р.

Полное собрание сочинений

А. А. ПОТЪХИНА.

Съ портретомъ и факсимиле автора. 12 томовъ по 1 р., въ изящн. перепл. 18 руб.

Собрание сочинений

ОЛЬГИ ШАПОРЪ.

Съ портретомъ автора и вступительн. статей проф. Д. Н. Овсянникова-Куликовскаго.

10 томовъ по 1 руб. 50 к., въ изящныхъ перепл. 20 руб.

Собрание драматическихъ произведеній

Н. Я. СОЛОВЬЕВА.

Съ портретомъ автора. 2 тома по 1 руб. 25 коп., въ изящн. перепл. 3 руб. 50 коп.

Полное собрание сочинений

А. С. ПУШКИНА.

Критически проверенный текстъ, біографія, вступительныя статьи, примѣчанія, художественныя приложенія и пр. подъ редакціей П. О. Морозова и В. В. Каллаша. 8 томовъ 7 руб. 50 коп., въ изящныхъ коленкоровыхъ перепл. 11 р. 50 к.

Собрание сочинений

ГЕОРГА БРАНДЕСА

Переводъ съ датскаго. Съ иллюстраціями портретомъ автора и вступит. статей М. В. Лучицкой. 20 томовъ по 75 копеекъ, въ изящныхъ коленкоровыхъ перепл. 25 руб.

Собрание сочинений

ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА

Переводъ съ англійскаго Ирин. Ив. Введенскаго, М. А. Шинмаревой, М. А. Энгельгарда, А. В. Каменскаго и др. Съ портретомъ автора и біографическ. очеркомъ Д. П. Сильчевскаго. 33 тома по 75 коп., въ изящныхъ перепл. 41 руб. 25 коп.

Собрание сочинений

С. В. МАКСИМОВА.

Съ портретомъ автора и вступ. статей П. В. Быкова. 20 томовъ по 1 р., въ изящн. перепл. 30 руб.

Собрание сочинений

Н. М. ОСИПОВИЧА.

4. тома по 1 руб 25 коп., въ изящн. перепл. 7 руб.

Собрание сочинений

В. Г. ТАНА.

Съ портретомъ автора. 10 томовъ по 1 руб., въ изящныхъ перепл. 15 руб.

Полное собрание сочинений

И. А. КРЫЛОВА.

Критически проверенный текстъ, біографія, вступит. статья, примѣч. художеств. приложенія и др. Подъ ред. В. В. Каллаша. 4 тома по 75 коп., въ изящн. перепл. 5 руб.

Собрание сочинений

Б. А. ЛАЗАРЕВСКАГО

6 томовъ по 1 р., въ изящн. перепл. 9 руб.

Собрание сочинений

А. И. ЛЕВИТОВА.

Съ портретомъ автора и вступ. стат. А. А. Измайлова. 8 томовъ по 1 р., въ изящн. коленк. перепл. 12 руб.

Полное собрание сочинений

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

Критически проверенный текстъ, біографія, вступит. статья, примѣчанія, художествен. приложенія и пр. Подъ ред.

А. И. Введенскаго.

4 тома по 75 коп., въ изящн. коленкор. перепл. 5 руб.

Собрание сочинений

Г. А. МАЧТЕТА.

Съ портретомъ автора. 10 томовъ по 1 р., въ изящн. перепл. 15 руб.

Собрание стихотв. и
письма

И. С. НИКИТИНА.

Редакция, биографич.
очеркъ, вступ. статьи и
примѣчанія А. Г. Фо-
мина и Ю. И. Айхен-
вальда.

4 тома по 1 руб. 25 въ
изящн. перепл. 7 руб.

Собрание сочиненій

В. В. МУЙЖЕЛЯ.

Съ портретомъ автора.
11 томовъ 12 руб. 25 коп.,
въ изящн. коленкор.
перепл. 17 руб. 75 коп.

Собрание сочиненій

П. М. НЕВЪЖИНА.

Съ портретомъ и факси-
миле автора.

12 томовъ по 1 руб. 50 к.
въ изящн. перепл. 24 руб.

Собрание сочиненій

ЭЛИЗЫ ОРЖЕШКО.

Переводъ съ польскаго,
съ портретомъ автора и
вступительной статьей
С. С. Зелинского,

12 том. по 75 коп., въ
изящн. перепл. 15 руб.

Полное собрание сочине-
ній

ЭДГАРА ПО.

Съ портретомъ автора и
критико-биографическимъ
очерк. М. А. Энгельгарда.

3 тома по 1 руб., въ
изящн. коленк. перепл.
4 руб. 50 коп.

Собрание сочиненій

**Вас. И. Немировичъ-
ДАНЧЕНКО.**

15 томовъ 21 руб. 25 коп.
въ перепл. 28 руб. 75 коп.

Собрание сочиненій

ГЮИ ДЕ МОПАСАНА.

Съ портретомъ автора и
критико-биографич.

очерк. З. А. Венгеровой.
15 томовъ по 1 р., въ
изящн. перепл. 22 р. 50 к.

Собрание сочиненій

Н. Ф. ОЛИГЕРА.

Съ портретомъ автора
6 томовъ по 1 руб. 25 к.,
въ перепл. 8 руб. 75 коп.

Собрание сочиненій

ЭМИЛЯ ЗОЛА.

Переводъ съ французска-
го подъ редакцией и со
вступ. статьями проф.
Е. В. Аничкова и Э. Д.
Батюшкова.

30 т. по 1 р. 50 к., въ изящ.
коленк. перепл. 60 руб.

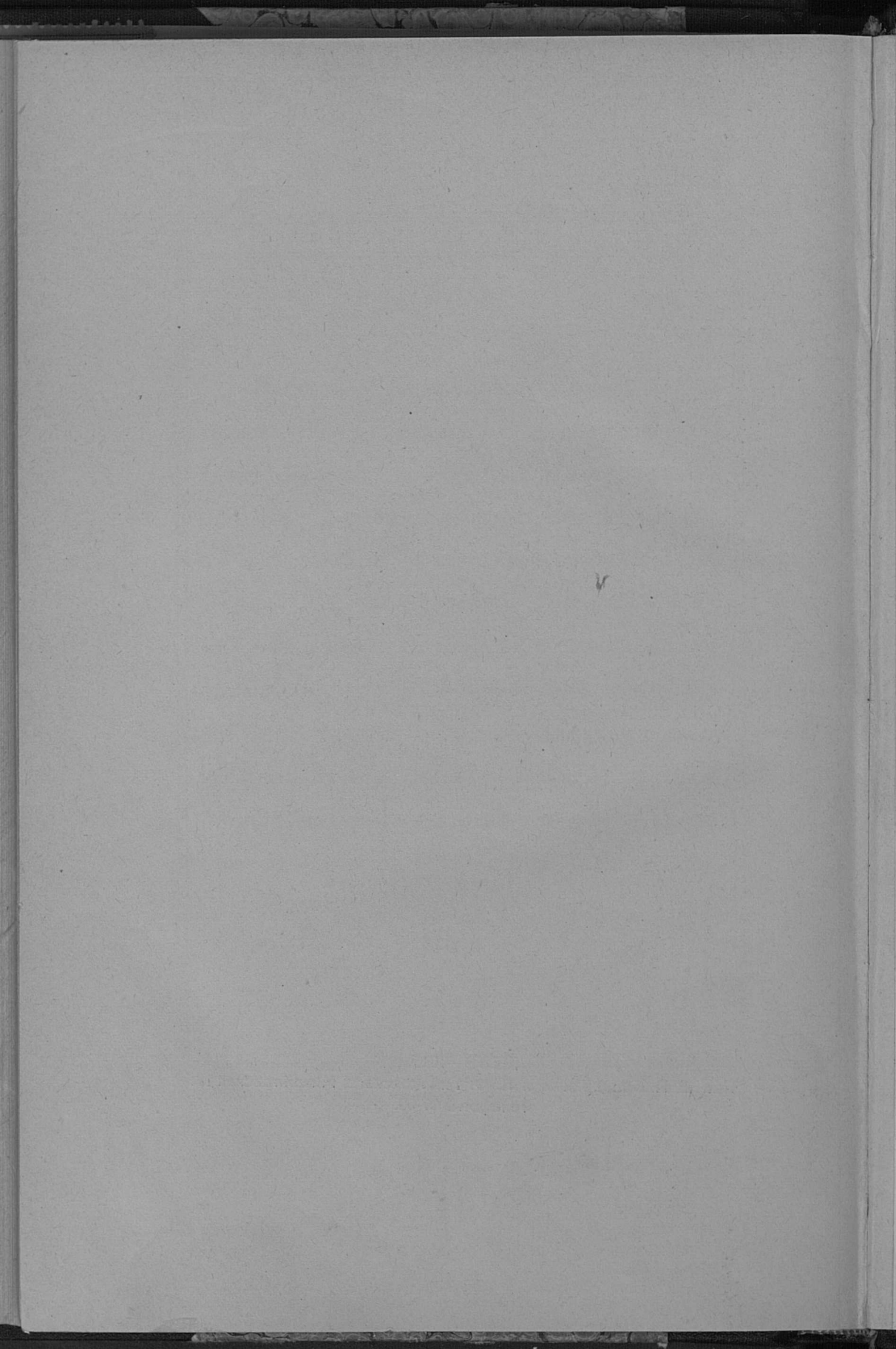
Допускается широкая разсрочка платежа.

Каталогъ изданій Т-ва „Просвѣщеніе“ высылается, по первому
требованію, бесплатно.

Настоящая книга печаталась въ теченіе времени съ октября 1914 г. по февраль 1915 г., подъ личнымъ наблюденіемъ автора, въ типографіи В. П. Бондаренко и П. Ф. Гнѣздовскаго, находящейся въ г. Кіевѣ, въ домѣ № 18 по Михайловской улицѣ, шрифтомъ „коринна“, на машинѣ завода „Аусбургъ“ № 76, на бумагѣ фабрики Кюммене въ Финляндіи, въ количествѣ 2000 экземпляровъ на обыкновенной бумагѣ № 650/42 и 10 экземпляровъ на роскошной бумагѣ № 146/90. Обложку рисовалъ художникъ Вл. Эттель. Клише исполнены цинкографическими заведеніями Ленчевскаго и „Графикъ“ въ Кіевѣ.

КІЕВЪ—1915.

Тип. В. П. Бондаренко и П. Ф. Гнѣздовскаго. Михайловская 18.
Телефонъ 17-00.

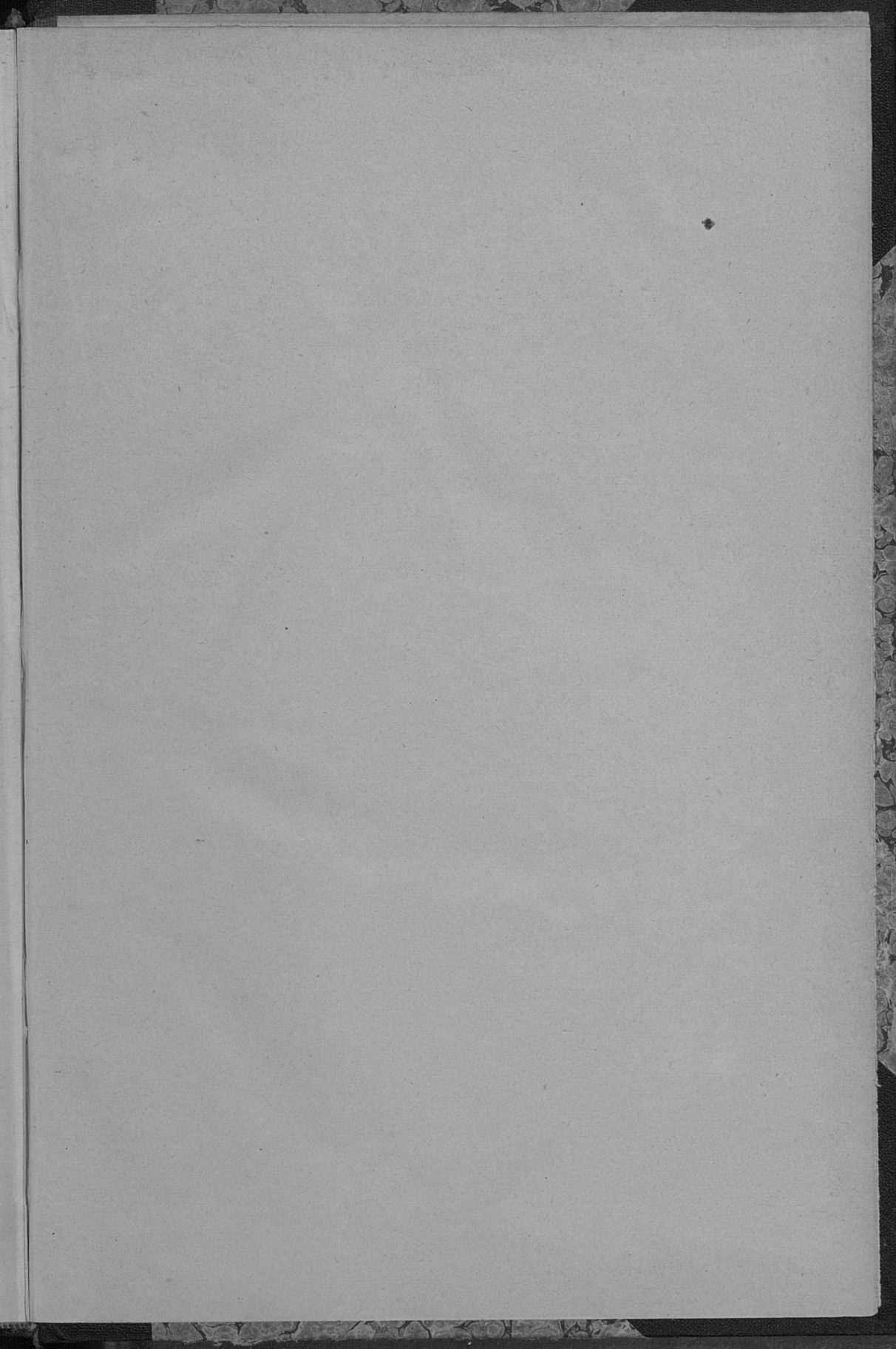
1875

RECEIVED
JAN 10 1875
LIBRARY OF THE
MUSEUM OF COMPARATIVE ZOOLOGY
AT HARVARD UNIVERSITY
CAMBRIDGE, MASS.

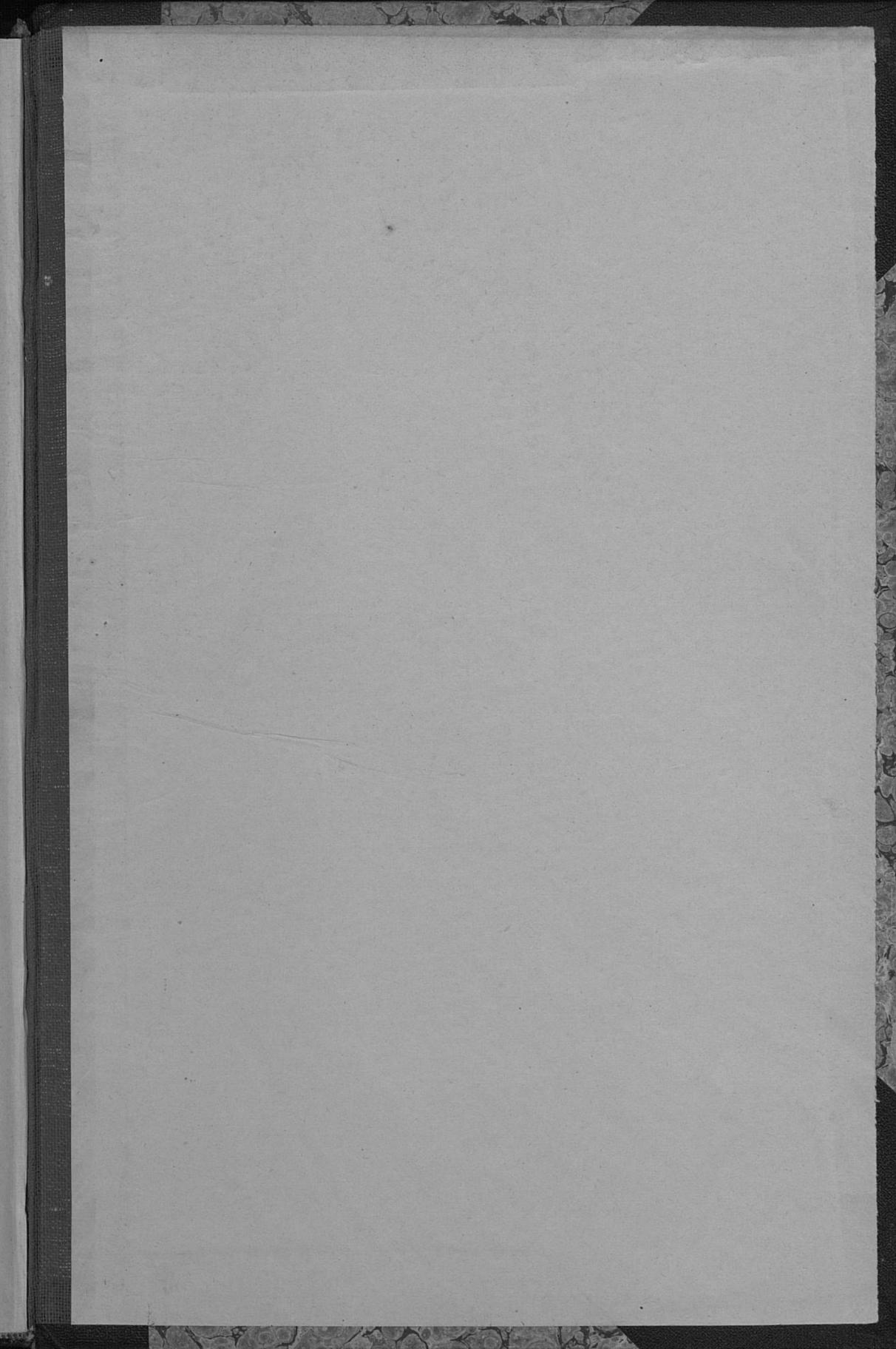
коп.

7725

Петроградъ, Забалканскій проспектъ, с. д. № 75.

PL

ГПБ Русский фонд

37.77.4.19